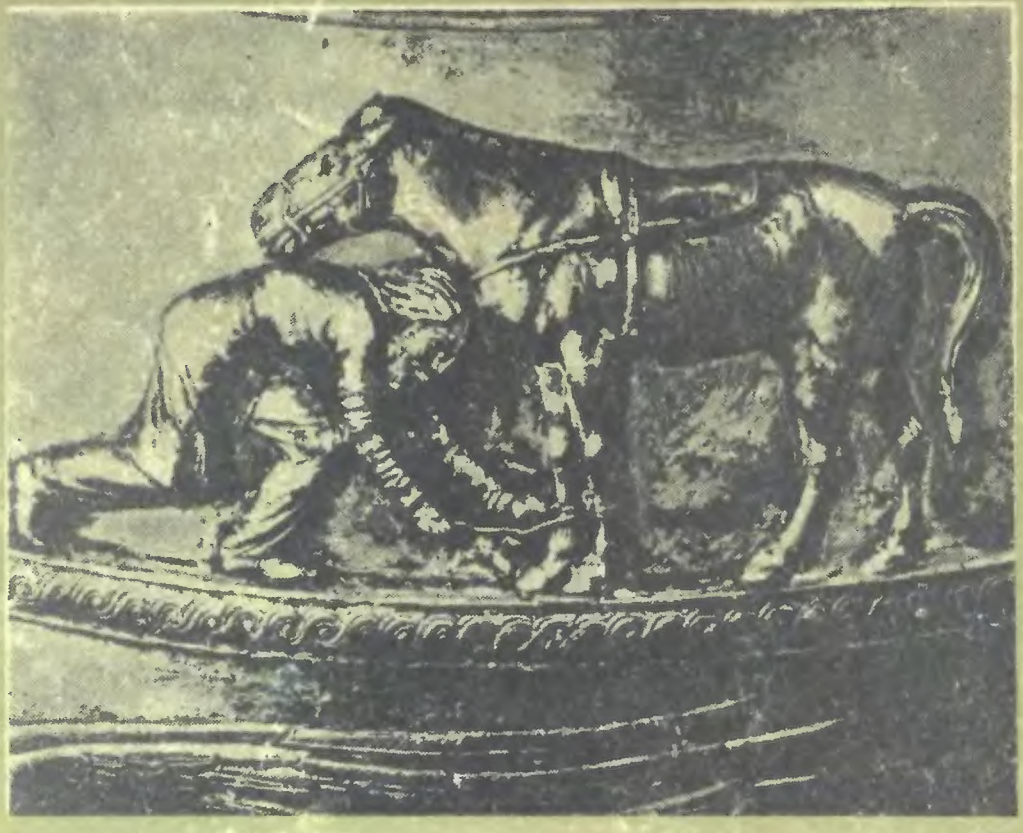
СКИФЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ



АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СКИФЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1987

В сборнике публикуются материалы, касающиеся различных аспектов скифской проблемы. Значительное внимание уделяется вопросу этногенеза скифов, изучению процесса формирования скифского этноса. Рассматривается проблема этногеографии Скифии, выясняются границы скифского политического объединения и размещения входивших в его состав народов применительно к современной географической карте. С этой темой связан вопрос о пределах распространения скифской культуры, рассматриваемый на материалах памятников Северного Кавказа и Лесостепной Украины. Публикуются новые материалы из раскопок, проведенных на территории УССР в последние годы.

Для историков, археологов, работников музеев.

Редакционная коллегия

Б. Н. Мозолевский, В. Ю. Мурзин (ответственный секретарь), *Е. В. Черненко* (ответственный редактор)

Рецензенты

Ю. Н. Малеев, А. С. Русяева

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии
и документалистике

С $\frac{0507000000\text{-}322}{\text{М221(04)-87}}$ 71-87

© Издательство «Наукова думка» 1987

А. И. Тереножкин

СКИФСКИЙ ВОПРОС

Почти вся четвертая книга «Истории» Геродота посвящена скифам, Скифии и окружающему ее миру. Она имеет непреходящее научное значение. Былые мнения об этом выдающемся произведении как сказочном отошли в прошлое. Исследователи все больше убеждаются в особой достоверности древнего автора, стремившегося, как выясняется, с возможной точностью описать скифов, прославившихся тем, что оказались первым народом, нанесшим тяжелое поражение военной мощи великого Дария Ахеменида и тем самым уронили его международный престиж.

Свое восхищение скифами-победителями Геродот выразил следующим образом: «...никакой враг, напавший на них, не может ни спастись от них бегством, ни захватить их, если они не захотят быть открытыми: ведь народу, у которого нет ни городов, ни укреплений, который свои жилища переносит с собой, где каждый — конный стрелок, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством, а жилища устраиваются на повозках,— такому народу как не быть непобедимым и неприступным» [Геродот, IV, 46].

Названный труд Геродота служит главным литературным античным источником, на котором создавалось скифоведение. Как удивительно богатое и еще ни в какой мере не исчерпанное свидетельство о прошлом нашей страны он привлек к себе внимание академика Б. А. Рыбакова, издавшего о нем специальное исследование *, рассмотрению которого и посвящена настоящая статья.

* *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия.— М., 1979. Далее ссылки на эту работу даны в тексте.

Во введении к своей работе он отмечает, что археология внесла большой вклад в науку, существенно способствовала разработке различных вопросов истории, культуры и общества как самих скифов, так и подвластных им народов, прежде всего земледельцев, живших в Скифии, к востоку и к западу от Днепра. Положительно оценивается современное районирование и картографирование археологических памятников, позволяющее накладывать на такие карты данные Геродота о Скифии и размещение на них и окружающих ее пределах древних племен и народностей. В отличие от того состояние изучения географии и этнографии страны в новых трудах вызвало у Б. А. Рыбакова весьма отрицательную оценку. Так, рассмотрев шесть новых карт Скифии, опубликованных М. И. Артамоновым [1], А. П. Смирновым [2], Б. Н. Граковым [3], В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным [4], он сделал следующий неутешительный вывод: «...ни одну из предложенных шести схем нельзя взять за основу при дальнейших исследованиях, так как подробная новая аргументация отсутствует, взгляды предшественников детальной критике не подвергнуты. При этих условиях разные и противоречивые гипотезы просто погашают друг друга. Как видим, карту Геродотовой Скифии необходимо создавать заново» (с. 16).

Вторично, возвращаясь к состоянию освещения географии Скифии ниже, Б. А. Рыбаков, в общем, повторяет те же замечания. Свое первое заключение он иллюстрировал схемами, которые, якобы, обнаруживают отсутствие в размещении на современной карте какого-нибудь единства в локализации

даже важнейших племен, перечисляемых Геродотом; будины, невры, меланхлены, скифы-пахари и др. В этом и обнаруживается существующее противоречие в понимании истории и географии (с. 13, 17).

Обосновывая свой взгляд во втором случае, Б. А. Рыбаков пишет: «Соответствия с данными Геродота не достигла ни одна из этих карт, что видно хотя бы из того, что на трех из них (Смирнов, 1966, Граков, 1971, Тереножкин, Ильинская, 1971) совсем отсутствуют гелоны, подробно обрисованные Геродотом. Гелоны родственны скифам по легенде о сыновьях Геракла; они поселились в земле будинов; в их земле были эллинские купцы; гелоны построили гигантский деревянный город... Изъятие гелонов из историко-археологической карты является свидетельством нерешенности проблемы геродотовских племен в целом.

Вне поля зрения оказались и окраинные агафирсы, о которых не упоминали даже тогда, когда речь шла об археологических памятниках по Днестру» (с. 104—105).

Рассматриваемая мною книга в основном посвящена всестороннему анализу текста скифского рассказа, а заключительные главы — сведению вытекающих из него обобщающих выводов воедино. Главы, в которых раскрывается предмет изучения, идут в следующем порядке: «Реки Скифии», «Устные источники Геродота», «Геродот и археология», «Фракийско-скифский поход Дария Гистаспа», «Этногеография Скифии», «Сколоты-праславяне». Свою задачу в настоящем обзоре я ограничиваю только вопросами географии и этногеографии Скифии, а праславянская проблема как носящая особый характер опускается.

В скифском рассказе, как это и принято в науке, Б. А. Рыбаков видит прежде всего стремление Геродота с возможной правдивостью представить театр войны Дария в Скифии. В качестве основы географии Скифии, на которую опирается и география окружающего ее мира, он принимает тот квадрат, которому эту страну уподобил древний автор. По его расчетам, она, протянувшись вдоль побережья Черного и Азовского морей приблизительно на 700 км, должна была простираться на такое же расстояние и на север, где заканчивалась с приближением, несомненно, к зоне леса (с. 16—25).

Реконструируя карту Скифии, Б. А. Рыбаков руководствуется системой рек, в которой, при отсутствии других признаков, Геродот видел основу своего географического описания. Рассматриваются они, как и у Геродота, в порядке с запада на восток: Истр — Дунай, Тирас — Днестр, Гипанис — Буг, Борисфен — Днепр. Такое отождествление рек считается общепризнанным в науке благодаря хорошему осведомлению скифов и греков, которые об этих территориях рассказывали Геродоту, а кроме того, и сам он побывал в ее пределах.

В несравнимо более сложные условия попадает исследователь, когда он обращается к отождествлению рек, перечисленных историком, к востоку от Днепра, относительно которых этот последний был слабо осведомлен из-за дальности расположения и сложности географической ситуации. Б. А. Рыбаков дал такие отождествления: Пантикап — Ворскла, Гипакирис — Конка, Герр — Молочная, Танаис — Северский Донец с нижним течением Дона, а Сиргис — Дон до впадения в него Северского Донца. На так составленную карту рек он наложил этнографические сведения, имеющиеся в четвертой книге «Истории» Геродота о самой Скифии и об окружавшем ее племенном мире, и данные о размещении археологических культур в южной половине Европейской части СССР, приведенные в работах В. А. Ильинской и моих.

Итогом исследования явилась новая карта Геродотовой Скифии, которая оказалась во многих отношениях очень сильно отличающейся от всех ее карт до сих пор опубликованных археологами (с. 191).

На этой карте в пределах скифского квадрата в степном Причерноморье размещены агафирсы на западе, далее каллипиды, алазоны, скифы царские и скифы-кочевники. В северной части того же основного квадрата Скифии помещены к западу от Днепра до Днестра сколоты, под именем которых объедине-

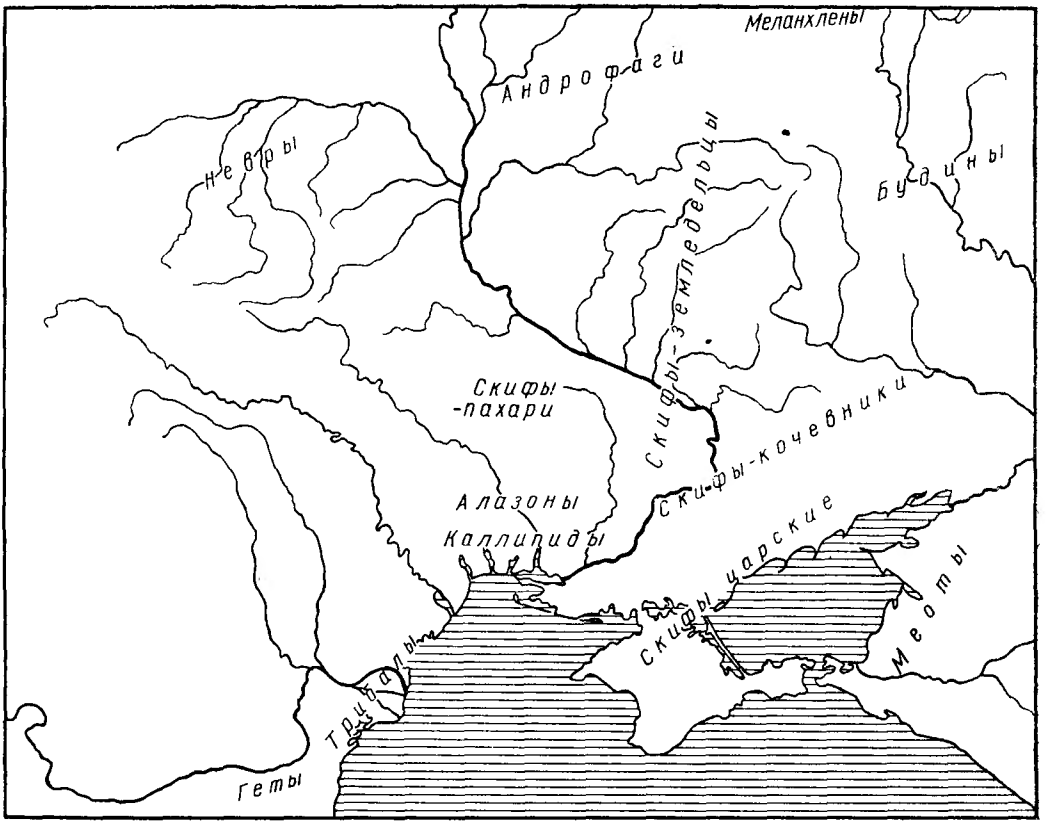


Рис. 1. Карта Скифии по Б. Н. Гракову.

ны памятники локальных групп скифской культуры лесостепи, занимавшихся земледелием,— киевская и две подольские; к востоку от Днепра до бассейна Северского Донца — гелоны с городом Гелоном, который автор, следуя Б. А. Шрамко и ряду других ученых [5], видит в огромном Бельском городище на Ворскле.

Окружение Скифии составляют следующие племена: в горном Крыму находятся тавры, в Припятском Полесье и севернее — невры, которыми признаются племена милоградской культуры; в бассейнах Десны и Сейма — будины, которыми признаются племена юхновской культуры; за Танаисом, который считается Северским Донцом, видим савроматов (сирмат?) и меланхленов, а к северу от них (точнее, к северо-западу) — фиссагетов (городецкая культура) и иирков (дьяковская культура).

Только в степной половине скифского квадрата мы находим те же племена, какие в ее пределах часто и в том же географическом порядке с запада на восток обозначаются на картах скифоведов — каллипиды, алазоны, скифы царские и скифы-кочевники — тогда как все остальное подвергнуто пересмотру. Рассмотрим составленную таким образом карту Геродотовой Скифии в сопоставлении с теми фактическими сведениями, которые древний автор сообщает в четвертой книге «Истории», и имеющимися данными археологии.

Прежде всего, конечно, о сколотах-земледельцах в лесостепи между Днестром и Днепром. Такого племени или группы племен Геродот в Скифии не знал. Они воссозданы автором исследования, с одной стороны, из скифов-пахарей, которых Геродот указывал в правобережной Лесостепи, и скифов-земледельцев, которых он прочно локализовал только к востоку от Днепра [Геродот, IV, 18—19].

Невероятность появления на карте Скифии особых сколотов-земледельцев, помимо невозможности слияния в их составе правобережных и левобережных оседлых племен, заключается, конечно, в том, что для Геродота сколотами называли себя сами скифы царские: его свидетельство об этом непререкаемо. В книге Б. А. Рыбакова основной миф о происхождении скифских царей и родов, или племен скифов царских, оказался перенесенным на оседлых земледельцев, часть которых, прежде всего скифы-пахари, очевидно, скифами были только по своему названию, так как являлись автохтонами, ведущими начало от белогрудовцев и чернолесцев конца эпохи бронзы и доскифской поры железного века. От Таргитая, сына Зевса и дочери реки Борисфена, как говорится в мифе, родился первочеловек Таргитай, имевший трех сыновей. «И вот,— как пишет древний автор,— от Липоксая-де произошли те скифы, которые носят название рода авхатов; от среднего брата Арпоксая — те, что называются катиарами и траспиями; а от младшего, царя, те, что называются паралатами; общее же название всех их — сколоты, по имени одного царя; скифами назвали их эллины» [Геродот, IV, 6].

Главный аргумент, пользуясь которым Б. А. Рыбаков перенес генеалогический миф скифов царских на земледельцев, заключается в том, что в составе небесных даров, по данным этого мифа, были, помимо секиры и чаши, плуг и ярмо — предметы земледельческие. Следовательно, и сам миф должен был принадлежать земледельцам, что и позволяет перенести именно на них название сколотов. Доводы Б. А. Рыбакова сводятся к следующему: «Плуг с ярмом поставлен среди священных даров на первое место, что и заставляет связывать данную легенду прежде всего с земледельческой лесостепной зоной Скифии». «Священное золото цари оберегают и чтут ежегодными обильными жертвоприношениями под открытым небом. Еще раз мы можем убедиться в том, что Геродот четко различал собственно скифов и скифов-сколотов — их празднества и жертвоприношения он описал раздельно, и там, где описываются божества скифов-кочевников, принесение жертв в безлесной степи, там не упоминается почитание золотого плуга и ярма, а говорится о поклонении мечу и заклании пленников... Страна почитателей пахотной упряжки земледельцев-сколотов находится не в южной степи, севернее которой живут пахари. Она находится на северном пределе досягаемости, на рубеже заснеженных пространств».

Продолжая развивать свою мысль, Б. А. Рыбаков пишет далее: «Единственная область в Восточной Европе внутри скифского квадрата, которую можно отождествить со страной почитателей плуга, страной, управляемой потомками Таргитая и Колаксая, это — область земледельческих скифских племен Среднего Поднепровья. Следуя эллинской традиции называть жителей этой страны скифами (что, очевидно, подкреплялось вхождением ее в скифскую федерацию), Геродот и пишет о них как о скифах, но всегда добавляет поясняющий эпитет: «скифы-пахари» (т. е., «ненастоящие скифы», живущие некочевым бытом), «скифы-земледельцы».

По счастью, он нашел нужным все же дать окончательное разъяснение, перечислив земли потомков Таргитая и сказав, что всем им в совокупности имя сколоты, а скифами (очевидно, по аналогии с окружавшими греков действительными скифами) их называли греки-колонисты. Итак, мы получили право именовать днепровско-днестровский массив земледельческих культур скифского времени и скифского облика его самоназванием — сколотами» (с. 216—217).

Во всем изложенном о сколотах-земледельцах можно обнаружить только убежденность, но не убедительность, не доказательства. Вынужден повторить, что предание о происхождении скифских царей и скифов царских, называвшихся, по Геродоту, сколотами, никаким образом приписать земледельческим оседлым племенам нельзя, Геродот ничего не знал о земледельцах-сколотах: в его записях сколоты — кочевые скифы царские.

Миф о небесных дарах чужд народам Европейской части СССР. Сказание это,

как почти все в культуре скифов, явно привнесено из глубин Азии, с востока, самими скифами. Иранисты обратили внимание на то, что подобного же рода легенды были широко распространены там. Самую близкую, но не зависящую от Геродота аналогию к черноморскому скифскому мифу обнаружил Ж. Дюмезиль. Так, по Курцию Руфу, скифы, в данном случае среднеазиатские саки, отговаривая Александра от похода против них, заявляли: «Знай, что мы получили дары: упряжку быков, плуг, копье, стрелу и чашу. Своим друзьям мы даем плоды, добытые трудом быков, с ними же вместе мы пользуемся чашей, возливая вино богам; врагов мы поражаем издали стрелой, вблизи — копьем» [Курций Руф, VII, 8, 18—19]. Мимо таких сообщений, очевидно, пройти нельзя: сказание о Таргитае относится к скифам царским, что, если следовать Геродоту, никакому пересмотру не подлежит.

Вопрос о гелонах. Как и в случае со сколотами-земледельцами, приходится отметить, что в четвертой книге «Истории» Геродота ничего не сообщается о каком-либо присутствии гелонов в Скифии, в пределах скифского квадрата, ничего в ней не говорится и о нахождении на его территории города Гелона. Земля гелонов обозначена на карте Б. А. Рыбакова обособленно, как самостоятельная по занимаемой территории, что не соответствует сообщению Геродота о том, что гелоны жили в земле будинов [Геродот, IV, 108—109]. Земля же будинов, как отмечено уже выше, обозначена к северу от Скифии, в зоне леса по бассейнам Десны и Сейма, то есть там, где их также не знает Геродот. Для такой локализации земли будинов Б. А. Рыбаков воспользовался преданием о приходе невров с их первоначальной родины, в котором упомянуто, что они поселились в земле будин. Территория Невриды в настоящее время археологически определена, очевидно, весьма прочно в области Припятского Полесья и севернее (исследования О. Н. Мельниковской), а отсюда и сделано заключение, что будины должны были жить в ближайшем соседстве, что и позволило отождествлять их с племенами юхновской культуры. Да, действительно, у Геродота сообщается, что невры после переселения «поселились вместе с будинами» [Геродот, IV, 105]. Такое их территориальное сближение в предании, вероятнее всего, объясняется случайностью, может быть, даже опиской. Геродот, уделив в своей книге особое внимание изображению театра войны Дария со скифами, нигде не использовал упоминания о расселении невров в земле будинов, а указывает ее совсем в другом месте.

Чтобы обосновать такого рода карту Геродотовой Скифии, Б. А. Рыбаков обращается к углубленному рассмотрению хода и маршрута вторжения Дария в Скифию. Все его внимание в этом случае сосредоточено на том, чтобы как можно более сократить длину похода. В этом он руководствуется единственно сроком в 60 дней, обозначенных, по повествованию, узлами на ремне, переданному ионийцам, охранявшим мостовую переправу персов на Истре (Дунае). Подсчитывая расстояние, какое могли пройти войска Дария на восток и обратно в течение указанного количества дней, Б. А. Рыбаков делает вывод, что они ни в коем случае не могли проникнуть на восток за Танаис, а должны были, вопреки сообщению Геродота, прекратить свой поход значительно раньше. Произведя соответствующие арифметические расчеты, он устанавливает, что персы на востоке достигли речек Агар и Лик, впадавших, по Птолемею, в Меотиду, которые исследователь сопоставляет с реками Лик и Оар, упомянутыми Геродотом к востоку от Танаиса в связи с описанием похода Дария.

Б. А. Рыбаков категорически отверг все, что пишет Геродот о движении скифов за Танаис и преследовании их на столь отдаленных землях персами. Как совсем несостоятельные отвергнуты следующие сообщения: «Когда скифы перешли реку Танаис, то персы тоже перешли ее вслед за ними и продолжали преследование, пока не достигли земли будинов, пройдя землю савроматов». В земле будинов они сожгли большой деревянный город, не названный по имени (считается Гелоном). За страной будинов персы вступили в пустыню, тянувшуюся на семь дней пути.

«За пустыней,— как писал древний историк,— живут фиссагеты, а из земли их четыре большие реки текут через землю меотов и впадают в озеро, называемое Меотидою; имена их следующие: Лик, Оар, Танаис и Сиргис». Персы, дойдя в пустыне до реки Оар, повернули на запад, начали свое отступление [Геродот, IV, 122—125].

Сообщения такого рода признаны Б. А. Рыбаковым недостоверными. «Многим ученым казалось соблазнительным и возможным,— пишет он,— сопоставлять важную для Геродота речку Оар с Ра-Волгой. Но тогда приходилось допускать, что Дарий удлинил свой и без того длительный поход еще на 450 км по расстоянию и на целый месяц по времени. Это не сходилось со сведениями о двухмесячном сроке похода и плохо укладывалось в геродотовскую географию, где среди крупнейших рек Волга не названа; кроме того, пришлось бы признать, что Волга впадает в Азовское море. Получалось много несуразиц, и из них был сделан оригинальный вывод: раз Дарий не мог дойти до Волги, то, значит, весь его поход недостоверен. На самом же деле недостоверно только отождествление меотидской речки Оар с Волгой» (с. 55). «Отождествление р. Оар с Ра-Волгой,— подчеркивает Б. А. Рыбаков,— делало совершенно бессмысленным рассказ о скифском походе Дария и ставило под сомнение достоверность сведений Геродота вообще. Если же учесть координаты Птолемея, то геродотовский текст о походе 512 года... получает четкое и вполне реальное истолкование: основное войско царя углубилось в Скифию не более чем на 20—25 дней пути, что вполне укладывается в сроки, указанные Геродотом» (с. 59).

Речками Агар (Оар) и Лик при Меотиде Птолемея Б. А. Рыбаков определил протяженность похода Дария на восток. Перенеся реки Оар и Лик в местности к западу от Танаиса, он и перечень рек, текущих, по Геродоту, из земли фиссагетов, соответственно дал в порядке с запада на восток: Лик, Агар (Оар), Танаис и Сиргис. Отсюда сделано ответственное для понимания географии Скифии у Геродота заключение: «Танаисом следует считать Северский Донец, а Сиргисом — современный Дон до впадения в него Северского Донца (с. 54).

По Б. А. Рыбакову, персы, дойдя до речек Лик и Агар, должны были, резко повернув на север, форсировать Танаис (в данном случае Северский Донец) и через землю савроматов (сирмат?) проникнуть до страны гелонов в левобережной днепровской лесостепи и будинов в бассейне р. Десны.

Как видим, концепция географии Геродотовой Скифии построена на признании безусловной достоверности сообщения о ремне с 60 узлами, которым определяется длительность персидского вторжения в Скифию. Сам Б. А. Рыбаков называет этот ремень строкой из предания, «ремень-календарь с 60 узлами, завязанными Дарием у истринского моста», не больше, чем легенда (с. 97). Ремнем с узлами, очевидно, никак нельзя было воспользоваться в качестве определяющего режим и ход событий похода, коренной пересмотр этих событий по сравнению с сообщениями Геродота об их финальной части, той их части, в которой идет речь о действиях, происходивших к востоку от реки Танаиса, приведенных нами выше. В труде Б. А. Рыбакова вся историческая и географическая перспектива оказалась резко сдвинутой на запад, смещенной в степи к северу от Азовского моря, что потребовало отказа от ряда важнейших свидетельств Геродота, фактически их пересмотр. Лик и Оар, названные у Геродота большими реками, заменены маленькими речками Птолемея в Приазовье.

Если у Геродота перечень рек, текущих из земли фиссагетов, дается в порядке с востока на запад, а именно: Лик, Оар, Танаис и Сиргис, находящие себе соответствия в реках Яик (Урал), Волга, Дон и Северский Донец,— то у Б. А. Рыбакова, как мы уже отметили ранее, реки эти перечислены в порядке с запада на восток, что и позволило ему определить Северский Донец античным Танаисом.

Геродот проявил особенно глубокий интерес и внимание к определению местоположения земли савроматов, будинов и гелонов — союзников скифов в их войне с Дарием: достоверность сообщае-

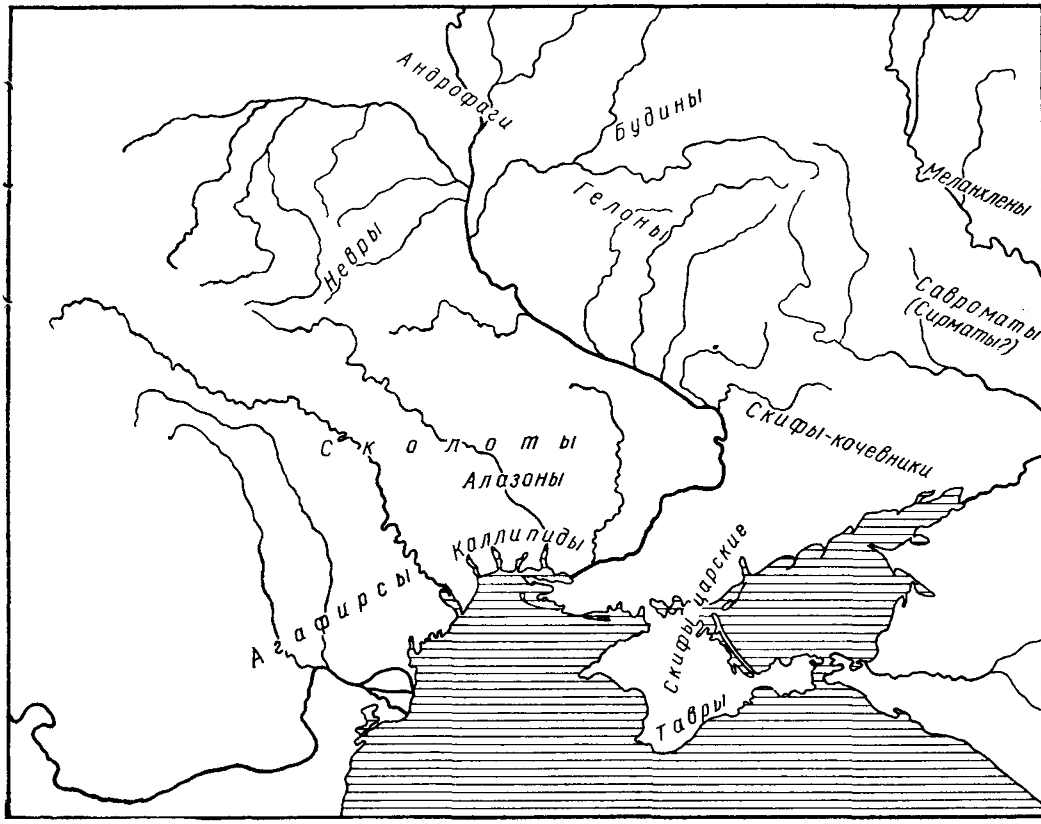


Рис. 2. Карта Скифии по Б. А. Рыбакову.

мых о них сведений он счел необходимым специально подчеркнуть в своем труде. «За рекою Танаисом,— пишет он,— уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу; по всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев. Выше савроматов, на втором доставшемся на их долю участке живут будины, занимающие местность, сплошь покрытую разнородным лесом.

Выше будинов к северу сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а за пустынею, более в направлении к востоку, живут фиссагеты, племя многолюдное и особое; живут они охотою. Рядом с ними в той же местности живет народ, называемый иирками, они также промышляют охотою... Выше иирков по направлению к востоку живут другие скифы, отделившиеся от царских и прибывшие в эту землю.

Вся описанная мною страна до области этих скифов представляет собой равнину с глубокой плодородной почвой, а, начиная отсюда, земля становится кремниста и неровна. Когда пройдешь значительное пространство этой неровной страны, у подножья высоких гор обитают люди, которые, говорят, все плешивы от рождения, как мужчины, так и женщины... Называется этот народ аргиппеями.

О стране до этих плешивых и о племенах, обитающих по сю сторону их имеются достоверные сведения; к ним ходят некоторые скифы, от которых не трудно добыть сведения, равно как и от эллинов из торжища Борисфена и из других припонтийских торжищ. Те из скифов, которые приходят к ним, ведут свои дела при помощи семи переводчиков на семи языках». Отсюда один путь шел прямо на восток, очевидно, через хребет Урала в страну хорошо известных информаторам Геродота исседонов.

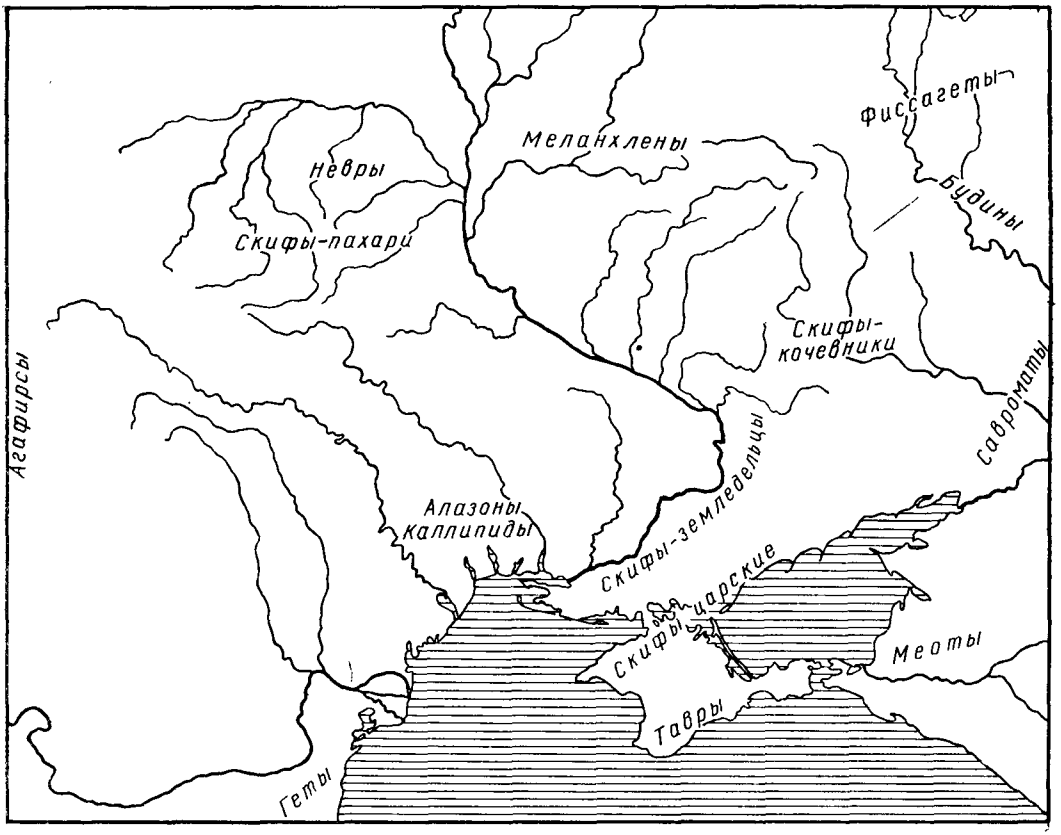


Рис. 3. Карта Скифии по В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину.

а другой путь вел на север, относительно которого достигали лишь фантастические сведения, а на границе известного мира назывались аримаспы (одноглазые люди) и стерегущие золото грифы [Геродот, IV, 21—27].

Путь, идущий через земли савроматов и будинов, описан Геродотом с особой тщательностью и знанием географии восточной части скифского мира. У него точно обозначено (здесь он непререкаем), что путь, начинавшийся от Азовского моря, шел через земли савроматов и будинов за Танаисом прямо на север, а после достижения фиссагетов поворачивал на восток и, очевидно, на северо-восток. В книге Б. А. Рыбакова путь этот, имевший, по-видимому, большое значение для Скифии, а потому в ней так хорошо известный и у скифов и у эллинов, получил иное направление: проведя линию от речек Агар и Лик в Приазовье к Северскому Донцу, признанному Танаисом, а через него в землю савроматов, далее на северо-запад в свои земли гелонов, помещенных в бассейнах Сулы, Псла и Ворсклы, исследователь заключил ее в стране будинов, размещенных в бассейнах Десны и Сейма. Так скифский северо-восточный путь оказался превращенным в северо-западный, ведущий, вопреки Геродоту, не в Приуралье и в Сибирь, а к верховьям Днепра. Кстати, следует отметить, что Б. А. Рыбаков на своей карте (с. 191) поместил в междуречье Северского Донца и Дона савроматов (сирматов?), тогда как по археологическим данным (К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова) они появились здесь не ранее второй половины IV в. до н. э.,— и здесь источники используются недостаточно корректно.

Заканчивая рассмотрение взглядов Б. А. Рыбакова на географию и этнографию Скифии, следует отметить, как о том шла речь в начале нашей статьи, что он слишком резко в негативном

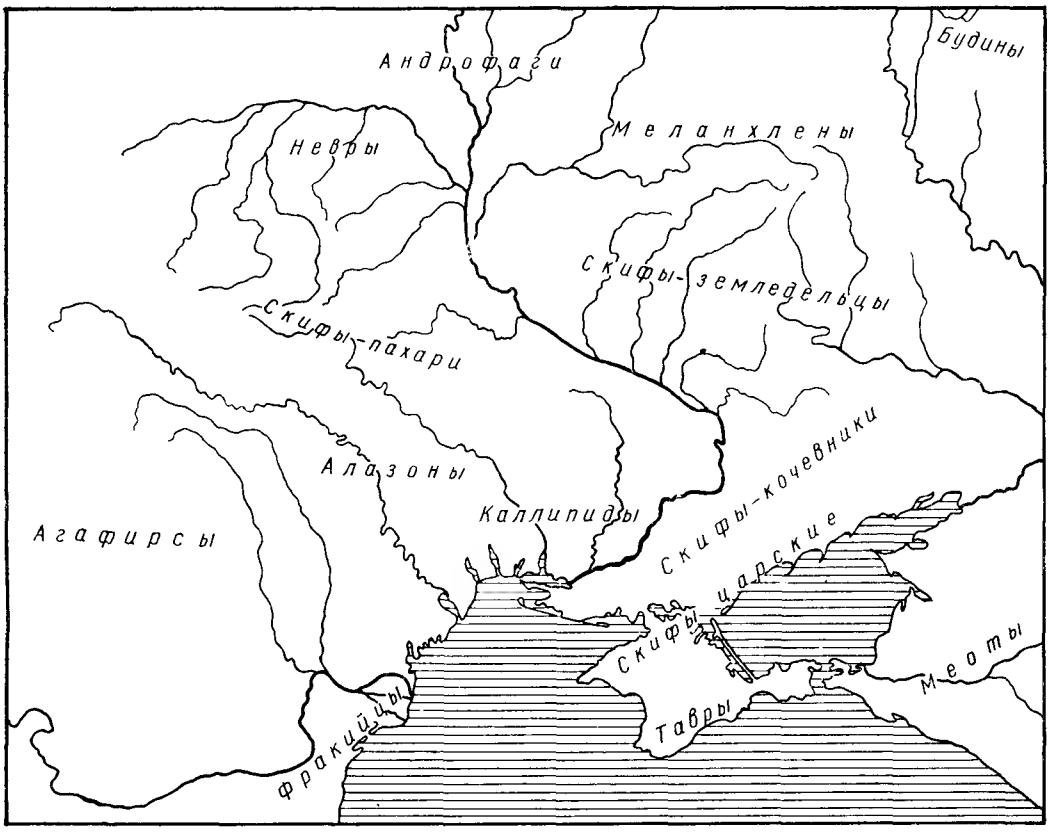


Рис. 4. Карта Скифии по А. П. Смирнову.

плане высказался о современном скифоведении, будто бы оно запуталось в своих гипотезах и построениях, а исследователи в своих концепциях «просто погашают друг друга».

Действительно, скифоведы сильно расходятся в понимании и освещении географии, политического строя Скифии, а также многих других вопросов. Они продолжают оставаться дискуссионными, но, как мне представляется, все это происходит в обычных рамках расхождений, существующих в любых отраслях археологии и древней истории, например, бронзового века, черняховской культуры, генезиса славянской культуры, прародины славян и прочих проблем.

Нельзя согласиться с мнением о существовании в скифоведении полного разброда, с мнением, что оно развивалось без историко-культурной преемственности. Современное скифоведение зарождалось на основе опыта и достижений дореволюционной науки, теоретически обобщенных в трудах М. И. Ростовцева[6] и А. А. Спицина[7].

Карта Скифии, изданная Б. Н. Граковым в 1947 г.[8], в несколько модернизированном виде продолжает до сих пор широко использоваться в исследованиях киевских скифоведов (В. А. Ильинской, моих). А. П. Смирнов, лишь несколько изменив названную карту Скифии Б. Н. Гракова, переиздал ее в 1966 г.[9] Хотя эта карта стала внешне как бы устаревшей, она продолжает оставаться наиболее действенной, перспективной, хотя сам ее автор позднее от нее отказался, когда увлекся идеей единой, иранской по этнической принадлежности всего населения Скифии и попытался свести ее территориально к степной полосе Украины. Это оказалось невозможным с точки зрения современных знаний: неоднократные и, кажется, исключительные по настойчивости и щепетильности экспедиции, осущест-

вленные исследователями Московского университета вдоль северной окраины степей (Н. Н. Погребова) нигде не подтвердили существования следов оседлости в скифское время (скифы-пахари и скифы-земледельцы Геродота),— они обнаруживаются севернее, что так убедительно освещено античным автором при описании земель, лежащих к западу от Днепра.

Б. А. Рыбаков в своем труде создал новую карту Геродотовой Скифии, только принять ее невозможно, так как исследователь опирался в основном не столько на четвертую книгу «Истории» Геродота, сколько на свои внесенные в эту книгу поправки, изменения, корректуры. К сожалению, это новое исследование сочинения древнего историка основано не на строгих доказательствах, а более всего на различного рода пересмотрах сообщаемых им сведений о Скифии.

[1] *Артамонов М. И.* Этногеография скифов // Учен. зап. Ленингр. ун.-та.— 1949.— Т. 85.
[2] *Смирнов А. П.* Скифы.— М., 1966.— С. 50.
[3] *Граков Б. М.* Скіфи.— К., 1947.— С. 8; *Граков Б. Н.* Скифы.— М., 1971.— С. 14.
[4] *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Лесостепном Правобережье.— Киев, 1961; *Тереножкін О. І., Іллінська В. А.* Скіфський період // Археологія Української РСР.— К., 1971.— Т. 2.
[5] *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности.— Киев, 1973.— С. 112; *Шрамко Б. А.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир.— Киев, 1975.— С. 94.
[6] *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор.— Л., 1925.
[7] *Спицин А. А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК, 1918.— Вып. 65.
[8] *Граков Б. М.* Скіфи.— С. 8.
[9] *Смирнов А. П.* Скифы.— С. 50.

В. И. Клочко, В. Ю. Мурзин

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕСТНЫХ И ПРИВНЕСЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Понимание истории зарождения и дальнейшего развития на территории евразийских степей в эпоху раннего железного века целого ряда кочевнических культур, объединенных многими общими признаками, неизбежно сталкивается с необходимостью решения нескольких узловых проблем, в которых слились воедино самые различные вопросы, связанные с генезисом и хронологией культур скифского типа, определением их пространственных пределов и конкретного этнического содержания. Надо ли говорить, что среди этих проблем наиболее знакомой большинству исследователей, но при этом еще до конца не ясной, остается проблема происхождения самих скифов и собственно скифской культуры.

Немалую роль в том, что вопрос о происхождении скифов до сих пор еще не решен окончательно, сыграли довольно противоречивые сообщения Геродота. Действительно, рассказывая о приходе скифов из-за Аракса и вытеснении ими из степей Северного Причерноморья обитавших там киммерийцев [Геродот, IV, 11], Геродот в то же время упоминает о наличии в Северном Причерноморье некой исконной, древней Скифии [Геродот, IV, 99], сообщает о неких «коренных» скифах [Геродот, IV, 81], численность которых вызывала споры у его информаторов («...согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов, собственно говоря, очень мало») *.

Преломленные через призму пока еще недостаточного археологического материала эти не соответствующие на первый взгляд друг другу сведения послужили основой для формирования двух различных подходов к решению интересующего нас вопроса. Мы имеем в виду «автохтонную» концепцию, в основе которой лежит представление о генетической связи скифских племен с носителями срубной культуры, и более традиционную, распространенную еще со

* Цит. по: *Геродот.* История / Пер. Г. А. Стратановского.— Л.: Наука, 1972.— 599 с.

времени М. И. Ростовцева точку зрения, согласно которой Северное Причерноморье было завоевано к VI в. до н. э. скифами, пришедшими из глубинных районов Азии. Впрочем, выше мы изложили суть этих взглядов в их «чистом», а соответственно и несколько упрощенном виде.

На самом деле, в представлении большинства исследователей процесс формирования скифского этноса выглядит более сложным, вовлекшим в свою орбиту как часть местного населения Северного Причерноморья, так и группы пришлых кочевников, которые проникают на эту территорию с востока. Тот же М. И. Ростовцев, например, считал, что скифы-завоеватели покорили и полностью ассимилировали остатки местного населения Северного Причерноморья [1]. По мнению одного из создателей «автохтонной» теории Б. Н. Гракова, во многих своих работах обосновывавшего связь скифов с носителями срубной культуры, в окончательном сложении скифов как определенного этноса участвовали кочевники, передвинувшиеся в VII в. до н. э. из-за Аракса-Волги [2]. Его научный оппонент А. И. Тереножкин, последовательно отстаивавший тезис о приходе скифов из глубин Азии, не отрицал включения в состав скифского этноса покорившихся им местных северопричерноморских племен [3]. Близких взглядов придерживался и А. А. Иессен, который писал: «В моем представлении киммерийцы возглавляли первое крупное объединение племен, ...а затем они, очевидно, около рубежа VIII и VII вв. до н. э. частично были вытеснены из Северного Причерноморья пришельцами с востока, после чего и сложилось у нас на юге скифское объединение. Вместе с тем несомненно, что не может быть и речи о полной смене всего населения в это время. Многие племена и группы населения, входившие в киммерийское объединение, сохранились на месте и после его распада» [4].

Представление о скифах как об этническом новообразовании, органически соединившем местные и пришлые компоненты, вполне соответствует наблюдениям этнографов, согласно которым «в условиях раннеклассовых отношений переселения часто сопровождались интенсивными этногенетическими процессами. При этом такие процессы, как правило, одновременно имели объединительный характер. Более того, начальной точкой формирования новой этнической общности в результате переселений обычно выступал не столько сам момент миграции этнической общности или отделения переселяющейся этнической группы от «материнского этноса», сколько тот период, когда между переселенцами и автохтонными этническими единицами начиналось взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты» [5].

Таким образом становится ясно, что основной спор, разгоревшийся вокруг вопроса о происхождении скифов, касается не столько путей их генезиса, сколько определения удельного веса пришлых и местных элементов в составе скифского этноса. В этой связи, как нам кажется, следует затронуть один чисто терминологический момент, состояние которого свидетельствует о значительной путанице в археологической литературе.

Понимая в принципе всю сложность этногенетических процессов, приведших к сложению скифов как вполне определенного исторического народа, хорошо известного по многим письменным памятникам начиная с VII в. до н. э., многие исследователи продолжают в поисках их предков употреблять и для более раннего времени этноним «скифы», хотя процесс сложения скифов в результате взаимодействия местных и пришлых этнических элементов в этот период еще даже не начинался. Поскольку и скифская культура известна нам лишь с VII в. до н. э., для обозначения культуры этих более ранних, созданных творчеством самих исследователей «скифов», приходится прибегать к таким громоздким конструкциям, как «культура скифов в ее доскифском облике», «культура самых первых скифских насельников» и т. д. Эта терминологическая трудность, пожалуй, наиболее заметно проявляется в следующем отрывке: «У них (скифов во время пребывания в Передней Азии.— *В. К., В. М.*) возникла новая культура, ее они

и принесли с собой на свою старую родину. Эта культура называется скифской, но в ней мало что можно отыскать от первоначальной культуры их родины, продолжавшей существовать и развиваться у части скифов, оставшихся на месте и не принимавших участия в бурной истории своих соплеменников в Азии» [6].

Во избежание подобных трудностей следует, с нашей точки зрения, применять наименование «скифы» лишь в отношении определенного исторического народа, обитавшего на территории степных районов Северного Кавказа и Северного Причерноморья с VII в. до н. э. и обладавшего вполне определенной и хорошо известной каждому археологу «скифской культурой», фиксируемой на указанной территории также не ранее VII в. до н. э. Выделяя слагаемые скифского этноса и скифской культуры в более ранних хронологических пластах, следует, по-видимому, употреблять термины «протоскифы» и «протоскифская культура».

Если использовать эти термины, то скифская культура, по нашему мнению, представляла собой сплав трех различных по происхождению компонентов: позднейшей предскифской культуры черногоровско-новочеркасского типа; протоскифской, привнесенной на территорию Восточной Европы из глубинных районов Азии в VII в. до н. э.; отдельных включений переднеазиатской культуры. Данное сочетание обусловлено процессом сложения скифов в результате слияния местных киммерийских и пришлых протоскифских племен в условиях переднеазиатских походов, несомненно сыгравших роль своеобразного катализатора описываемого этногенетического процесса.

Естественно, когда мы говорим о слиянии местных и пришлых племен в рамках одного этноса, мы понимаем, что это слияние было достаточно длительным процессом, хотя его течение и облегчалось языковой и культурной близостью взаимодействующих этнических элементов. На протяжении определенного времени в составе скифского объединения параллельно существовали скрытые под общим именем и более или менее общей материальной культурой, которая, по удачному выражению Б. Н. Гракова, «по праву времени и места не может быть названа иначе, чем скифской» [7], группы кочевого населения, в основе своей ведущие начало от пришлых или местных кочевых элементов. Археологическое подтверждение этому можно видеть в раннескифском погребальном обряде, отличавшемся многообразием своих форм [8]. Возможно, этим же объясняется разнобой в данных Геродота относительно численности скифов как таковых [Геродот, IV, 81], наличие зафиксированного им же деления скифского объединения на три «царства» (на три орды?) *, управляемых тремя царями [Геродот, IV, 7; IV, 147]. С нашей точки зрения, объединительный этногенетический процесс, начавшийся в VII в. до н. э., завершился лишь к IV в. до н. э., когда на территории северопричерноморской степи, ставшей к концу VI в. до н. э. центром скифского объединения [9], установилось относительное единообразие погребальной обрядности, что выразилось прежде всего в распространении единого типа погребальных сооружений — скифской катакомбы.

В связи с отсутствием другого рода источников, определить удельный вес каждого из участвовавших в этом процессе этнических элементов можно лишь археологическим путем. Иными словами, выяснение (пусть даже очень приблизительное) путей формирования скифского этноса заключается в определении удельного веса каждой из названных нами выше трех составных частей скифской культуры.

Задача эта достаточно сложная. Она требует тщательной проработки отдельных элементов скифской материальной культуры, погребального обряда, а также отдельных образов скифского звериного стиля. Пока подобная работа не будет выполнена, делать окончательные выводы преждевременно. Однако некоторые наблюдения возможны уже и сейчас.

---

* Под ордой в данном случае следует понимать «сообщество некровнородственных, экономически и социально неравных семей, нередко включающее в себя даже чужеземцев» (*Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья.— М., 1982.— С. 38—39).

Наиболее хорошо выделяются внутри скифской культуры элементы, берущие свое начало в культуре Передней Азии. Это прежде всего различные виды защитного вооружения — наборный панцирный доспех, средства защиты боевого коня и пр., широкое распространение котрых у скифов было обусловлено влиянием переднеазиатского военного искусства [10]. Влиянием переднеазиатских культурных традиций объясняется и появление в скифском зооморфном искусстве многих образов и иконографических схем (горного козла с повернутой назад головой, грифона, геральдически противопоставленных кошачьих хищников и др.) [11], а также появление в арсенале скифских мастеров некоторых художественных приемов, применение которых привело к постепенному развитию скифских стел в направлении объемных статуй [12].

Гораздо сложнее обстоит дело с выделением местных и привнесенных с востока элементов скифской культуры, что объясняется, по-видимому, определенной близостью культуры кочевников-киммерийцев и культуры номадов, появившихся в европейских степях в VII в. до н. э.

Сейчас уже не вызывает сомнения, что основой для формирования скифского керамического комплекса послужила керамика автохтонного населения позднейшей предскифской поры. Этот вывод недавно был подтвержден в специальном исследовании Н. А. Гаврилюк [13]. Более или менее ясны местные корни таких элементов скифского погребального обряда, как катакомбы и гробницы в виде ямы с облицованными деревом стенками [14].

В свою очередь, достаточно твердо закрепилось в археологической литературе представление о восточном, центральноазиатском происхождении характерных для раннескифской культуры каменных блюд [15] и бронзовых зеркал с ручкой на обратной стороне («евразийского» типа) [16].

Вместе с тем следует признать, что вопрос о происхождении большинства элементов раннескифской материальной культуры и образов зооморфного искусства по-прежнему дискуссионен. Причем речь идет о наиболее характерных вещах — оружии, деталях конского снаряжения и наиболее распространенных образах скифского звериного стиля, т. е. именно тех слагаемых раннескифской культуры, благодаря которым она, в основном, и выделяется как особое явление на фоне предшествующего развития степных районов Восточной Европы.

Оставив в стороне проблему происхождения скифского звериного стиля, которая из-за своей масштабности представляет одну из самых сложных задач современного скифоведения, обратимся к конкретным категориям материальной культуры, появление которых в памятниках южных районов Европейской части СССР знаменует начало здесь скифского периода.

Наряду с упоминавшимися уже бронзовыми зеркалами это прежде всего бронзовые двулопастные удлиненно- и асимметричноромбические наконечники стрел («енджинского» и «жаботинского» типов); скифские мечи, древнейшими формами которых являлись мечи с бабочковидными (типа Келермесса) и почковидными (типа Лермонтовского разъезда) перекрестиями; трехдырчатые псалии «жаботинского» типа; стремячковидные удила; навершия; антропоморфные изваяния.

Для выяснения генезиса этой группы вещей необходимо прежде всего сравнить эти элементы с категориями материальной культуры, бытовавшими на территории Северного Причерноморья в предшествующий период.

Как известно, в позднейшее предскифское время в данном районе существовали памятники двух типов — новочеркасского и черногоровского. Для новочеркасского культурного комплекса были характерны бронзовые трехпетельчатые псалии с изогнутой нижней лопастью, бронзовые двукольчатые удила, бронзовые двулопастные наконечники стрел с удлиненной втулкой и небольшим пером ромбовидной или трапециевидной формы, цельножелезные мечи с перекрестиями в виде двух опущенных книзу вершинами треугольников. Характерные для новочеркасских памятников стелы отличаются от скифских слабой антропоморфностью [17].

Черногоровский комплекс включает в себя бронзовые и костяные трехдырчатые псалии с разнесенными по краям боковыми отверстиями; бронзовые стремячковидные удила, весьма напоминающие скифские и отличающиеся от последних зачастую лишь отсутствием выступов по краям петли; морфологически сходные со скифскими бронзовые двулопастные наконечники стрел с головкой ромбовидной, килевидной или трапециевидной формы; мечи и кинжалы биметаллические, с навершием грибовидной формы и прямым перекрестием. Каменные изваяния практически лишены какой-либо антропоморфности, фигура человека передается обычно в виде круглого или овального в сечении столба, на котором высечены изображения различных воинских аксессуаров [18].

Нетрудно заметить, что такие элементы черногоровского комплекса, как наконечники стрел, удила и псалии, близки по своим формам аналогичным категориям скифской материальной культуры и могли бы послужить основой для формирования последних. Но прежде чем делать какие-либо выводы, следует обратиться к хронологии черногоровских и новочеркасских памятников.

Используя материалы исследованных в Прикубанье протомеотских могильников у с. Николаевского и хут. Кубанского, содержавших, соответственно, вещи черногоровских и новочеркасских типов, А. И. Тереножкин выделил два последовательных этапа позднейшей предскифской культуры — черногоровский (эпохи перехода от бронзы к железу) и сменяющий его новочеркасский (периода окончательной победы железа). Их абсолютный возраст был определен в рамках 900—750 и 750—650 гг. до н. э. В целом позднейшая предскифская культура являлась, по мнению А. И. Тереножкина, культурой исторических киммерийцев и продолжала местную линию развития предшествующей ей срубной культуры, осложненную на черногоровском этапе довольно сильным восточным влиянием (наконечники стрел, карасукские кинжалы, удила, псалии, антропоморфные стелы) в результате проникновения в это время в южные районы Восточной Европы какой-то группы населения из Сибири, Казахстана или Центральной Азии [19].

Иначе трактует эти же материалы А. М. Лесков. В принципе он не отрицает более раннего возраста черногоровских памятников по сравнению с новочеркасскими. Однако абсолютный их возраст он определяет как VIII — начало VII в. до н. э. для черногоровской группы памятников и конец VIII — третья четверть VII для новочеркасских. При этом новочеркасские памятники он отождествляет с памятниками «древнейших скифов», культура которых сложилась на основе восточного (поволжского) варианта срубной культуры, а черногоровские — с памятниками исторических киммерийцев, культура которых возникла на базе той же срубной культуры, но уже ее северопричерноморского варианта (белозерские памятники) [20]. В результате в работах А. М. Лескова черногоровская и новочеркасская группы памятников оказались практически одновременными, доживающими до начала скифского периода.

Хронологические построения А. М. Лескова, основанные во многом на значительном омоложении белозерских памятников, не раз аргументировано опровергались и А. И. Тереножкиным и другими авторами [21]. Для нас же наиболее важно то, что новые исследования, в частности изучение многочисленных кобанских древностей Северного Кавказа [22], подтверждают относительную хронологию А. И. Тереножкина, согласно которой черногоровская группа памятников отделена от скифских временем существования новочеркасского культурного комплекса.

Впрочем, эта последовательность справедлива для новочеркасского комплекса в его завершенном виде — так, как он описан нами выше. Резкое хронологическое отделение новочеркасского комплекса от черногоровского почти не оставляет места для культурных элементов, которые могли бы послужить основой для его формирования. Это дает возможность предположить, что в дальнейшем в результате разработки более четкой хронологической системы некоторые памятники новочеркасского типа будут синхронизированы с моментом

появления в Восточной Европе карасукских кинжалов, стремячковидных удил и прочих восточных элементов или даже отнесены к более раннему времени. Не исключал этого и А. И. Тереножкин [23]. Иначе говоря, в настоящее время не вызывает сомнения, что непосредственно скифской культуре предшествовала новочеркасская, но вопрос об исходной точке ее формирования (несомненно, местном, о чем свидетельствует практически полное отсутствие вещей новочеркасского типа в восточных районах евразийской степи) остается открытым. Однако А. И. Тереножкин, неоднократно подчеркивая хронологическое различие черногоровских и новочеркасских памятников, гораздо меньше внимания уделял их культурному своеобразию.

С нашей точки зрения, в характеристике черногоровского комплекса наиболее важными являются его культурные особенности, выраженные в близости ряда элементов комплекса аналогичным категориям скифской материальной культуры. Поскольку, во-первых, отсутствие хронологического стыка между черногоровскими и скифскими памятниками не позволяет предполагать возникновение скифских форм наконечников стрел, удил и псалиев на основе черногоровских, и, во-вторых, безусловно доказано восточное происхождение перечисленных элементов черногоровского комплекса, остается заключить, что данные формы и в X, и в VII вв. до н. э. были привнесены на территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья из восточных районов евразийской степи, где происходило непрерывное развитие протоскифской культуры.

Однако проследить этот процесс по археологическим материалам весьма непросто. Главная причина состоит в значительном несоответствии хронологических систем, разработанных для западных и восточных районов евразийской степи. По авторитетному признанию К. А. Акишева, различия, например, между датировками скифских и сакских памятников достигают двухсот лет [24].

Самое парадоксальное состоит в том, что этот хронологический разнобой во многом обусловлен стремлением «привязать» хронологию восточных памятников к основному «хронологическому реперу», выделенному для западных, а именно ко времени появления в Восточной Европе в VII в. до н. э. памятников скифской культуры. При этом игнорируется то немаловажное обстоятельство, что в отличии от запада на востоке Евразии развитие протоскифской культуры происходило непрерывно, начиная с эпохи поздней бронзы.

Действительно, выделение в Восточной Европе специфически местного новочеркасского культурного пласта, свободного от каких-либо протоскифских включений, и позволило хронологически отделить раннескифские и черногоровские памятники, которые до этого достаточно часто смешивались — не секрет, что и Черногоровский курган, и Малая Цимбалка долгое время включались в список памятников VII — начала VI в. до н. э. На востоке Евразии такая «стерильная прослойка» отсутствует. А если учесть уже упоминавшееся стремление исследователей раннекочевнических культур азиатских степей ориентироваться на более разработанную хронологическую систему Северного Причерноморья, станет понятно, почему практически все памятники, содержащие те или иные протоскифские элементы, искусственно «подтягиваются» к VII в. до н. э. А это влечет за собой трудности, связанные с датировкой памятников «аржанского» типа [25], завышаются и даты карасукской культуры [26] и других культур конца бронзового века Западной Сибири [27] и Центрального Казахстана [28].

В результате же таких хронологических построений получается, что памятники черногоровского типа, появление которых в Северном Причерноморье относится ко времени не позднее X в. до н. э., оказываются древнее не только аналогичных им по материалам памятников «аржанского» типа, но и предшествующих последним культур позднего бронзового века восточных районов Евразии.

Около двадцати лет тому назад известный советский археолог С. П. Толстов отмечал, что осмысление огромного накопленного в Средней Азии и Сибири археологического материала настоятельно требует привлечения специалистов

по европейской скифологии [29]. К сожалению, из-за отсутствия необходимой координации между двумя хронологическими системами изучение древностей скифского и предскифского времени в западных и восточных районах Евразии до сих пор проходит двумя параллельными и почти несоприкасающимися потоками.

Но вернемся к теме нашей статьи. Итак, археологически фиксируется проникновение на территорию юга Европейской части СССР в начале раннего железного века двух последовательных волн носителей протоскифской культуры из восточных районов Евразии *. В результате в X в. до н. э. в Северном Причерноморье появляются чуждые местной линии развития формы кинжалов, наконечников стрел, удил, псалиев, а также антропоморфные изваяния, непосредственно связанные с оленными камнями Южной Сибири и Центральной Азии. Последнее, по справедливому замечанию Н. Л. Членовой, окончательно убеждает, что речь должна идти «не о торговых связях (каменные изваяния слишком тяжелы и громоздки, чтобы ими торговать, да и вряд ли такой «товар» нашел бы спрос в совершенно чуждой среде)», а именно о передвижениях населения [30].

Проявившись особенно ярко в X—IX вв. до н. э., импульс восточного влияния в Северном Причерноморье постепенно затухает, если не считать выработки новочеркасских форм цельножелезных кинжалов и каменных антропоморфных изваяний на основе эволюции привнесенных элементов [31]. Передавшие этот импульс группы населения, составлявшие первую волну протоскифских племен, по-видимому, растворяются в местной киммерийской среде. Может быть, лишь как память об этих событиях сохранилось до времени Геродота предание об «исконной Скифии» [Геродот, IV, 99], локализуемой в Северном Причерноморье, т. е. где, по наблюдениям А. М. Лескова, именно там, наибольшая концентрация памятников черногоровского типа [32].

Возникновение на территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья скифского объединения было результатом появления здесь второй волны носителей протоскифской культуры, принесших с собой целый комплекс элементов материальной культуры (наконечники стрел, акинаки, антропоморфные изваяния, навершия, стремячковидные удила и трехдырчатые псалии, круглые зеркала с петлей на обороте, каменные блюда), сложившийся на востоке Евразии к VII в. до н. э.

В VII—VI вв. до н. э. в среде складывавшегося скифского этноса главную роль, вероятно, продолжали играть привнесенные культурные традиции. Однако начиная с V в. до н. э. в рамках Северного Причерноморья в пределах сложившейся здесь северопричерноморской Скифии начинается постепенное возрождение уже местной культурной традиции. Этот процесс проявляется во все возрастающем значении катакомбных могил в погребальной обрядности скифских племен [33]. К IV в. до н. э. он получает логическое завершение.

Однако уже следующая проникшая в Северное Причерноморье восточная волна — носителей уже сарматской культуры — вновь прерывает местную линию развития.

Все перечисленные факты демонстрируют значительную сложность этногенетических процессов, протекавших в эпоху раннего железного века на степных пространствах Восточной Европы. Для их подлинного понимания необходимо, по-видимому, наряду с традиционными исследованиями в нескольких «горизонтальных площадях», при которых различные группы специалистов изучают эпоху позднего бронзового века, предскифский и скифский периоды, сарматские древности, предпринять попытку нескольких «вертикальных срезов». Это даст возможность на примере погребального обряда и материальной культуры проследить на протяжении длительного отрезка времени местную линию развития и ее взаимодействие с восточными влияниями, а тем самым — процесс непрерывного взаимо-

* О нескольких последовательных передвижениях скифских племен с востока в Северное Причерноморье писал и Б. Н. Граков (*Граков Б. Н.* Скифы.— М., 1971.— С. 25—26), однако сходство здесь чисто внешнее, поскольку под скифами Б. Н. Граков подразумевал носителей срубной культуры.

действия местных и пришлых этнических элементов на указанной территории в I тыс. до н. э.

[1] *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России.— Пг. 1918.— С. 34—35.

[2] *Граков Б. Н.* Скифы.— М., 1971.— С. 25—26.

[3] *Тереножкин А. И.* Скифская культура // МИА.— 1971.— № 177.— С. 24.

[4] *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // ВССА.— С. 130.

[5] *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса.— М., 1983.— С. 280—281.

[6] *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы в Азии // Первобытная археология Сибири.— Л., 1975.— С. 108.

[7] *Граков Б. Н.* Скифы.— С. 25.

[8] *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. // Древности степной Скифии.— Киев, 1982.— С. 55.

[9] *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья.— Киев, 1984.

[10] *Черненко Е. В.* Скифский доспех.— Киев, 1968.— С. 155; *Мурзин В. Ю., Черненко Е. В.* О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ.— Киев, 1980.— С. 162—163.

[11] Подробнее об этом см.: *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— С. 5—29.

[12] *Шульц П. Н.* Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество.— М., 1967.— С. 237; *Шульц П. Н., Навротский Н. И.* Прикубанские изваяния скифского времени // СА, 1973.— № 4.— С. 194.

[13] *Гаврилюк Н. А.* Керамика степной Скифии : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.— 19 с.

[14] *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд...— С. 61—62.

[15] *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э.— М., 1967.— С. 36.— (САИ : Вып. Д1—4).

[16] *Смирнов К. Ф.* Савроматы.— М., 1964.— С. 155.

[17] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы.— С. 201—202.

[18] Там же.— С. 199—200.

[19] *Тереножкин А. И.* Черногоровская и новочеркасская ступени киммерийской культуры // Новейшие открытия советских археологов ч. II : (Тез. докл. конф.).— Киев, 1975.— С. 3—4; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы.— С. 186—215.

[20] *Лесков А. М.* Предскифский период на Украине : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1975.— 72 с.; *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы.— Л., 1981.— С. 64—109.

[21] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы.— С. 186; *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир.— Киев, 1975.— С. 202—204; *Отрощенко В. В.* Срубная культура степного Поднепровья : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.— 22 с.

[22] *Дударев С. Л.* Ранний этап освоения железа в Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX—VII вв. до н. э.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1983.— С. 10—13.

[23] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы.— С. 201.

[24] *Акишев К. А.* Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в развитии) // Археологические исследования в Казахстане.— Алма-Ата, 1973.— С. 43—58.

[25] *Грязнов М. И.* Аржан : Царский курган раннескифского времени.— Л., 1980.— С. 50—60; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы.— С. 210.

[26] *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи // МИА, 1972.— № 182.

[27] *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири.— М., 1981.— С. 181—203.

[28] *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата, 1979.— С. 21.

[29] *Толстов С. П.* Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических исследований // ВДИ.— 1963.— № 2.— С. 45.

[30] *Членова Н. Л.* О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica, 1975.— 11.— С. 88.

[31] *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир.— Киев, 1975.— С. 3—34; *Тереножкін О. І.* Кіммерійські стели // Археологія.— 1978.— № 27.— С. 12—21.

[32] *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы.— С. 87.

[33] *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд...,— С. 52.

Е. В. Черненко

ПАРАДНЫЙ ТОПОР ИЗ КЕЛЕРМЕССА

Среди более чем 60 скифских боевых топоров, известных ныне [1], есть 16 чеканов. Из них четыре относятся к ранней поре скифской истории. Оружие этого типа А. И. Мелюкова и В. А. Ильинская называют топор-молоток [2]. Однако в данном случае стоит использовать принятый в отечественном оружиеведении термин «чекан».

В. А. Ильинская совершенно справедливо отметила, что форма топоров скифского времени (впрочем, как мечей и кинжалов) в пределах основного типа нередко бывает очень индивидуальной. «Отдельные экземпляры разнятся между собой по размеру, массивности, ширине лезвия, форме проуха и обуха» [3]. Отмечая значительную индивидуаль-

ность каждого экземпляра чеканов, можно их разделить на три основных типа: с расширяющимся обухом, прямым и дуговидные. Чеканы с прямым обухом в зависимости от размеров делятся на коротко- и длиннообушные [4]. Основная часть скифских боевых топоров вообще и чеканов в частности — обычные, не имеющие украшений. Украшены лишь очень немногие образцы.

Особое место среди скифских боевых топоров занимает топор из первого Келермесского кургана. Он входит в сравнительно небольшую группу чеканов с прямым коротким обухом (пять экземпляров). Большинство из них относится к периоду скифской архаики.

В. А. Ильинская отнесла келермесскую секиру к топорам, лезвия которых симметрично расширяются в обе стороны от проуха (третья группа «топоров-молотков») [5]. А. И. Мелюкова, справедливо назвав этот топор «совершенно уникальным», отметила, что «общие его очертания напоминают топоры с прямой спинкой» [6].

Этот чекан действительно уникален — единственный среди всех топоров Скифии он имеет золотой убор. Четко делится на четыре части — лезвийную, проушную, обушную и рукоятку, последние три покрыты золотой пластиной (рис. 1).

Чекан имеет железное лезвие *, которое почти симметрично расширяется к округлому, несколько скошенному острию. С боков проух выделен спереди началом золотой обкладки, где помещена рельефная «плетенка», отделяющая лезвийную часть от проушной, а сзади довольно значительным возвышением начала обушной части над верхней плоскостью чекана и плетенкой, аналогичной отмеченной ранее. Обушная часть симметрично расширяется к торцу и имеет трапециевидную форму. На торце обуха помещены попарно расположенные фигурки четырех горных козлов. Помещение этих фигурок на торце чекана практически делает невозможным использование чекана как боевого двустороннего рубящеударного оружия. В бою эффективно могла использоваться только лезвийная — рубящая часть. Ее боевые функции подчеркивает и то, что она была оставлена без золотого покрытия. Золотом покрыты только проушная и обушная части чекана (рис. 2).

Размеры чекана: общая длина — 22,5, длина лезвийной части — 11,3, ширина лезвия — 5,5, ширина у проуха — 3, у обуха — 3,8 см. Овальное отверстие для рукоятки 2,5×1,5 см. Ширина у проуха — 3, у торца — 3,5 см. Общая длина чекана с рукояткой — 71 см. М. И. Артамонов называет длину топора — 72 см. [7].

В связи с тем что изображения на чекане не стали предметом специального исследования и в нашей литературе не описывались, считаю необходимым уделить им здесь внимание.

Как уже отмечалось, проушная, обушная части топора, почти вся рукоятка были украшены рельефными изображениями зверей. Животные одного вида, помещенные по обеим сторонам чекана и ручки, расположены симметрично по отношению друг к другу таким образом, что левую сторону одного из них дополняет правая сторона, помещенная на другой стороне. Таким образом, создается впечатление, что здесь мы имеем дело с круглой скульптурой, разрезанной по оси и помещенной по обе стороны предмета. Особенно четко это видно на рукоятке. Односторонние рельефные изображения сливаются в круглую скульптуру в фигурках козлов, помещенных на обухе. Эта манера воспроизведения животных сближает

---

* Для изготовления скифских боевых топоров использовалось только железо. Бронзовая секира из Цукур-лимана оружием, скорее всего, не является. Ее следует рассматривать как церемониальную. То же относится и к топорику из кургана у с. Львово (*Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В.* Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности Степной Скифии.— Киев, 1982.— С. 140, рис. 10; 11). Функции церемониального и боевого оружия совмещал биметаллический клевец из Бердянского кургана. Его «клюв» и цилиндрическая втулка были изготовлены из железа, а на обушке находилась бронзовая насадка, украшенная скульптурным изображением головы человека (*Череватенко Л.* Продовження буде // Отчий край.— Киев, 1985.— С. 179).

Рис. 1. Парадный топор из Келермесса.

Рис. 2. Чекан и часть рукоятки.

а — проушная часть и обух; б — изображение лошади; в — козлы у древа жизни; 1—6 соответствует порядку описания животных в тексте.

чекан с ножнами мечей из Келермесса и Мельгуновского кургана [8].

Украшения на самом чекане и ручке скомпонованы так, что рассчитаны на осмотр при вертикальном положении рукоятки (на самой рукоятке) и чекана (на чекане). Все одинаковые звери и сюжеты расположены таким образом, что их крупы обращены на самом чекане в его верхней части головами к ручке, на ручке — крупами к лезвию, а головами к обуху.

Кратко опишем сюжеты и изображения отдельных животных, расположенных на чекане и рукоятке. Все они выполнены в невысоком, но достаточно четком рельефе.

Чекан. Проушная часть выделена полосками из двух невысоких рельефных линий с помещенным между ними узором из повторяющихся уголков. Со стороны ручки она отделена тремя невысокими рельефными линиями. Такими же линиями, проходящими поперек чекана, проушная часть делится на два квадрата, в которых помещены фигуры животных, в нижнем — лежащий горный козел с могучими рогами и обращенной назад головой. Над козлом находится фигурка оленя, изображенного в профиль с подогнутыми под туловище ногами и с лежащими одно на другом копытами. Голова его вытянута вперед. Огромные рога лежат горизонтально вдоль всей спины (рис. 3, *1*).

Проушное отверстие окружено орнаментом в виде плетенки. Обушная часть делится на две части. В нижней, имеющей трапециевидную форму, помещены фигурки двух козлов, стоящих на задних ногах по обе стороны «священного дерева». Передними лапами они уперлись в ствол дерева и едят листья и ветки.

На узких сторонах обуха помещены очень интересные изображения людей. В работе о скифских поясах В. А. Ильинская, не аргументируя свое мнение, написала, что это «самые ранние изображения скифов» [9]. Доводы в пользу этого мнения были выдвинуты ею в последующих работах [10]. Они сводятся к следующему. Мужчина изображен «в профиль в островерхой тиаре, окруженной зубцами. Одежду составляет длинный, ниже колен кафтан, украшенный узором «в елочку», мягкие, по-видимому, перевязанные по-скифски, сапоги. Правая рука поднята в молитвенном жесте, в левой — опущенная вниз секира, подобная той, на которой она изображена ...некоторые скифские атрибуты здесь налицо: обувь, островерхая шапка, боевая секира. Возможно, мастер пытался изобразить здесь самого хозяина секиры, скифского вельможу, в молитвенной позе и в полувосточном одеянии (длинная одежда, зубцы вокруг башлыка). Не исключено также, что это священнослужитель-маг, являющийся посредником между божеством и хозяином секиры. По торжественности позы и постановке корпуса фигура на келермесской секире напоминает мужские изображения на золотых пластинах Аму-дарьинского клада, многие из которых держат в одной руке магический культовый предмет, а вторая поднята в ритуальном жесте» [11] (рис. 4, *3*).

Эти доводы В. А. Ильинской не представляются убедительными. Ничего скифского в одежде и вооружении человеческих фигур на топоре из Келермесса нет. Нет оснований видеть в головном уборе скифский башлык, размер и характер изображения не дают никакой возможности установить тип обуви. Отметим, что характерную скифскую обувь мы знаем по изображениям и находкам не ранее IV в. до н. э. Не знаем и скифских головных уборов времени Келермесса. Нет надежных оснований видеть в фигурках, происходящих с Кавказа и Востока, скифов, одетых в башлыки, как это делает В. А. Ильинская [12], воспроизведения достоверных скифских головных уборов ранее IV в. до н. э. не известны.

Топор, который держит в руках фигура с келермесской секиры, действительно несколько напоминает саму секиру *. Но это обстоятельство не может

---

* В. А. Ильинская приводит неверные рисунки топора (*Іллінська В. А.* Скіфські сокири // Археологія, 1961, т. 12, рис. 9, *6*; *Ильинская В. А.* Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности степной Скифии, Киев, 1982, рис. 5; *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э., Киев, 1983, рис. на с. 82. Лезвие топора обращено не от человеческой фигуры, как на рисунках В. А. Ильинской (рис. 4, *3*), а к колену (рис. 4, *2*) человека

Рис. 3. Изображения людей на пластине из Аму-Дарьинского клада (1) и на топоре из Келермесса (2—3). 3 — по рисунку В. А. Ильинской.

быть доводом в пользу мнения В. А. Ильинской. Боевые топоры имели широкое распространение на Востоке в древности. Топоры близкой схемы происходят из многих комплексов Закавказья времени, предшествующего Келермессу [13] и одновременные ему [14]. От топоров этого типа и произошли подобные скифские топоры.

Не стоит привлекать в качестве аналогий изображения людей на пластинах Аму-Дарьинского клада. Человек, изображенный на секире, держит топор в левой руке, а на пластинах клада пучок прутьев-барсом держат, как правило, в правой руке. На пластинах клада вторая рука не «поднята в ритуальном жесте» [15], а опущена (рис. 3, *1*). В тех случаях на пластинах клада, когда левая рука изображенного человека поднята на уровень плеча, в ней зажат цветок (?). А на келермесском топоре в поднятой руке ничего нет.

На торце обуха помещены четыре скульптурные фигурки, лежащих парами горных козлов, обращенных крупа-

(*Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Ленинград, 1967, табл. 16).

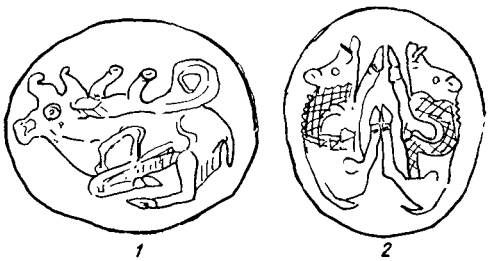


Рис. 4. Изображения животных на верхней (1) и нижней частях (2) топора из Келермесса.

ми один к другому. Крупы их смыкаются. Головы, увенчанные мощными рогами, обращены назад, и козлы как бы смотрят один на другого. В общем, они близки рельефам таких же козлов на проушной части и отличаются лишь большей массивностью и наличием солярных значков на лопатках. Таких значков нет на козле с проушной части, нет их и на козлах, стоящих у «священного дерева» (рис. 4).

Рукоятка. Чекан одет на овальную в сечении длинную рукоятку. У самого чекана она несколько тоньше, чем в остальной части. Ее верхняя выпуклая часть на 1 см поднята над верхней плоскостью топора.

По бокам выступающей части между двумя парами валиков поперек рукоятки помещен орнамент — «плетенка». В торцевой части рукоятки, имеющей овальную форму, головой к лезвию помещено рельефное изображение оленя в «летучем галопе». В общем оно близко изображению оленя на проушной части. Олень на торце рукоятки выполнен более тщательно.

Рукоятка полностью покрыта золотой пластиной. В настоящее время она состоит из двух частей. Косой разрыв произошел в 11 см от самого чекана.

Вызывает недоумение замечание А. П. Манцевич, что «заполнение рукоятки секиры до сих пор ошибочно принималось за дерево. При внимательном рассмотрении это вещество коричневого цвета оказалось мастикой. Анализ ее, произведенный И. Д. Ногид, показал, что мастика состоит из частиц почвы, сцементированной природной смолой типа канифоли» [16].

Сплошное заполнение мастикой подобного рода полой рукоятки делает

невозможным использование чекана по его прямому — боевому назначению. Нельзя даже носить его, держа за рукоятку. Почва, сцементированная «смолой типа канифоли» в качестве наполнителя ручки, не смогла бы выдержать даже вес самого оружия, очевидно, превышавший 1,5 кг, если принимать во внимание сам чекан и ручку до той части, за которую ее держали в руке. Это место четко обозначено у конца рукоятки, где на поверхности, равной ширине ладони отсутствует декор. А об использовании его в бою, когда на ручку приходится весьма значительная нагрузка при ударе *, и говорить не приходится. Скорее всего, стержень рукоятки был из твердого и упругого дерева, а масса, описанная А. П. Манцевич, находилась лишь под рельефными фигурками зверей, украшавших ручку. Слой мастики предохранял рельефы из мягкого золота от деформирования. Этот прием с успехом применялся вплоть до IV в. до н. э. при изготовлении парадного оружия — мечей и обивок горитов [17].

Рукоятка, находящаяся ниже самого чекана, четко делится на три зоны, разделенные двойными рельефными невысокими поясками. Длина их не одинакова: верхняя — 53, средняя — 9 и окончание 4,5 см. Общая длина рукоятки чуть больше 71 см.

На крайних зонах — изображения реальных и фантастических животных, на средней части нет ничего — здесь за нее брались рукой. На верхней части рукоятки помещены изображения 28 животных, а на нижней — еще двух. Таким образом, на каждой стороне рукоятки расположены изображения 30, а не 29 животных, как ошибочно написал М. И. Артамонов [18].

Перейдем к краткому описанию существ на рукоятке, где «в вертикальном ряду помещены разнообразные, скопированные с многих предметов фигуры животных, часто непонятных и искаженных» [19].

Для удобства описания обозначим всех животных, воспроизведенных на верхней части рукоятки, номерами (1—19). Так как на обеих сторонах рукоятки воспроизведены одни и те же звери, будем описывать только животных, помещенных на одной стороне, помня, что на другой показано их зеркальное отражение.

1. Лежащая пантера с мощной шеей и головой, опущенной к передним лапам, с опущенным хвостом. Хвост заканчивается кружком. Такими же кружками переданы и когти. На плече солярный знак (рис. 2, *1*).

2. Пантера в той же позе. Солярными значками покрыто все ее тело (рис. 2, *2*).

3. Животное в характерной позе лежащего оленя, но с рогами в виде несомкнутого овала. На плече солярный знак (рис. 2, *3*).

4. Животное в общем в той же позе, но с опущенной головой и небольшими слегка загнутыми назад козлиными рогами. На предплечье солярный знак (рис. 2, *4*).

У всех четырех первых животных есть солярные знаки (у второй — пантеры — ими покрыто все тело). У остальных животных подобные знаки есть лишь у некоторых видов. Только у всех четырех первых животных хвост оканчивается кружочками, которых нет у остальных (кроме 27 — почти абсолютной копии третьей).

5. Лежащий олень с поднятой головой и ветвистыми рогами, расположенными на спине. На концах рогов завитки (рис. 2, *5*).

6. Такой же олень, но с рогами с тремя отростками без завитков (рис. 2, *6*).

7. Такой же олень, как и два предыдущих. Отсутствуют рога, два длинных уха подняты, образуя букву латинского алфавита (рис. 5, *7*).

8. Лежащий козел с опущенной головой и с большими полукруглыми рогами. На плече солярный знак (рис. 5, *8*).

---

* А. И. Мартынов произвел интересные подсчеты силы удара, нанесенного чеканом. За образец был взят тагарский небольшой (намного меньше келермесского) чекан весом 170 г и рукояткой длиной 1 м того же веса, что и сам чекан. Даже без дополнительного усилия, прилагаемого рукой человека, лишь за счет собственного веса, он наносил удар силой в среднем равный 12 кг, оказывая давление в 300 атм. (*Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— Новосибирск, 1979.— С. 52).

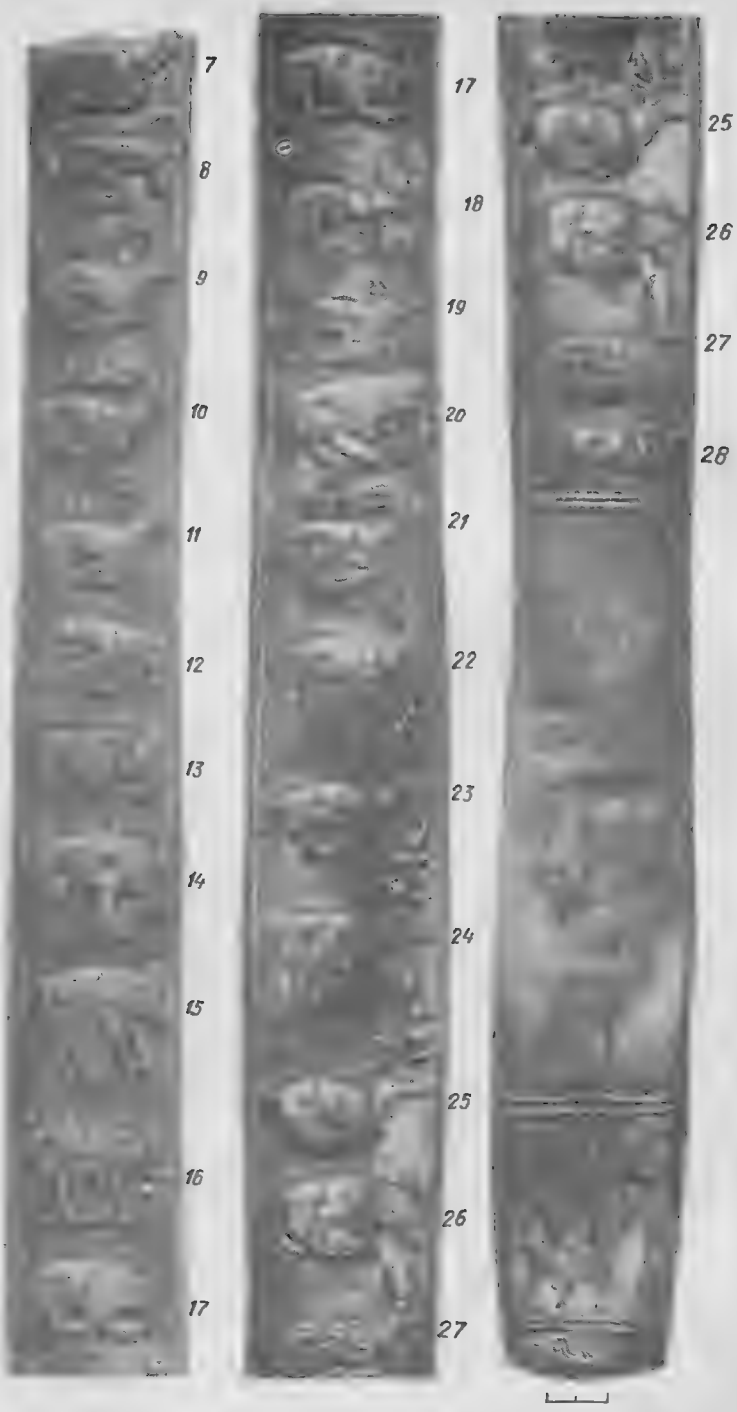


Рис. 5. Рукоятка топора из Келермесса. 7—28 соответствует порядку описания животных в тексте.

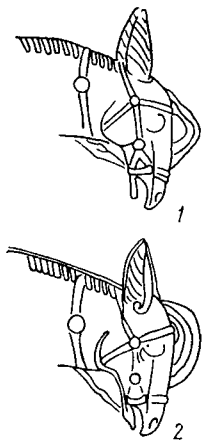


Рис. 6. Конская узда, изображенная на топоре из Келермесса.

9—11. Лежащие козлы с поднятыми головами. У всех на плечах солярные знаки. Различаются лишь формой больших и массивных рогов — они полукруглые (9), S-видные прогнутые (*10*), изогнутые в средней части с загнутыми внутрь острыми концами (*11*) (рис. 5, *9—11*).

12. Лежащий конь с прижатым к туловищу хвостом и опущенной головой. На голове упряжь. Хорошо заметны ее ремни и металлические бляхи, находящиеся в местах их пересечения. (рис. 5, *12*; 6, *1*). Первым наличие узды на голове коня отметил М. И. Артамонов [20]. Однако это наблюдение осталось вне внимания специалистов по звериному стилю, которые, характеризуя манеру изображений головок коней в раннескифском и тагарском искусстве, привлекали в качестве примеров изображения узды на голове коня такие далекие в территориальном и хронологическом отношении аналоги, как материалы Аньяна [21].

К сожалению, изображение головы коня и узды на ней настолько миниатюрны, что возможна лишь самая приблизительная реконструкция этой уникальной уздечки *. Оголовье состояло из нащечного, налобного, подбородного ремней и переносья. Подчанашный ремень мог отсутствовать, но не исключено, что его просто не видно. В местах пересечения нащечного ремня с налобным и переносьем находились круглые бляхи. Концы нащечных ремней двоились и крепились к двудырчатым С-видным псалиям. На шее находится науз, украшенный круглой бляхой (рис. 7).

13. Лежащая пантера, близкая второй, но с несколько более тяжелой головой; шерсть передана волнами (рис 5, *13*).

14. Стоящее с опущенной головой животное. Голова и туловище сходны с предыдущим. Животное с очень массивными прямыми ногами; у единственного из всех воспроизведенных на рукоятке, ноги оканчиваются орлиными головками (рис. 5, *14*).

15. Стоящий кабан с опущенной головой и поднятым хвостом. Создается впечатление, что он зафиксирован в момент остановки во время быстрого бега и вытянул вперед ноги, пытаясь затормозить (рис. 5, *15*).

16. Животное, в общем похожее на *15*. Хвост опущен, изо рта выглядывают массивные клыки, язык вывалился, шерсть на загривке поднята, образуя подобие гребня. Места для ушей не осталось, поэтому их поместили сбоку головы по два уха с каждой стороны. Вместо копыт — когтистые лапы. Таких лап нет ни у одного из 27 других животных (рис. 5, *16*).

17. Лежащая пантера, близкая *13*, но шерстью покрыто не все туловище, а лишь его передняя часть. Длинные «заячьи» уши прижаты к загривку (рис. 5, *17*).

18. Лежащий олень с поднятой бородатой головой. Рога с четырьмя завитками подняты вертикально (рис. 5, *18*).

19. Лежащий олень с поднятой головой и витыми (это единственное отличие его от *3* и *27*) рогами, образующими овал. На плече солярный знак (рис. 5, *19*).

20. Кабан, очень близкий *15*. Отличается опущенным хвостом (рис. 5, *20*).

21. Лежащий олень с поднятой головой и откинутыми назад очень длинными, почти доходящими до хвоста мощными витыми рогами. На плече солярный знак. Сама фигура очень близка общей компоновке фигур остальных оленей (*3, 5—7, 9* и др.) (рис. 5, *21*).

* Вариант реконструкции предложен А. В. Симоненко.

22. Стоящее животное с фигурой оленя. Корпус более массивный, чем у оленя. Большие «заячьи» уши подняты, есть небольшая борода (рис. 5, *22*).

23. Лежащий олень. Фигура очень близка остальным оленям. Отличается формой S-видно изогнутого хвоста. Поднятые вертикально рога с двумя отростками на каждом смыкаются вверху, образуя овал (рис. 5, *23*).

24. Стоящее животное (лось?) с массивным корпусом (как у *22*), бородой и поднятым вверх массивным рогом с семью отростками (рис. 5, *24*).

25. Лежащий олень с поднятой головой. Массивный рог поднят вертикально вверх. На нем пять отростков, два из которых обращены вверх, а три — вперед (рис. 5, *25*).

26. Лежащий конь — копия *12*, но чуть побольше (рис. 5, *26*; 7, *2*).

27. Лежащий олень — копия третьего (рис. 5, *27*).

28. Бегущий, опустивший голову и поднявший хвост кабан.

Ниже находится гладкая со всех сторон поверхность ручки длиной 9,5 и шириной 3 см. Золотая обкладка здесь слегка деформирована (рис. 5, *28*).

В нижней части по краям ручки между двумя сторонами изображений, как и на верхней ее части, проходит полоса орнамента в виде плетенки, окаймленная с боков двумя невысокими параллельными линиями. Плетенкой и такими же линиями самый конец ручки отделен от нижнего торца. В прямоугольных участках нижней части ручки с боков помещено изображение двух козлов, стоящих у священного дерева. Оно довольно близко сцене на обушной части чекана. Отличается более вытянутыми пропорциями, сами фигуры козлов выше, стройнее, на плечах солярные знаки, которых нет на изображениях козлов с обуха.

Есть бороды, отсутствующие у верхних козлов. Передними ногами они опираются на капителеобразные расширения в средней части «священного дерева» ниже листьев. На дереве видны плоды (?) в виде небольших кружков, по три с каждой стороны дерева и одно на его вершине. По четыре таких же плода (?) помещено на рогах каждого козла.

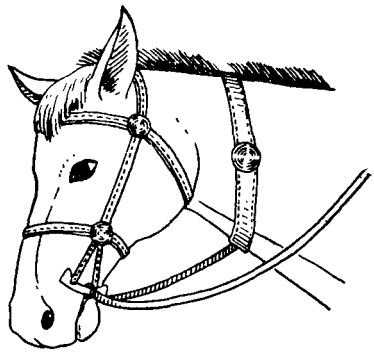


Рис. 7. Реконструкция узды (автор А. В. Симоненко).

В овальном медальоне на нижнем торце рукоятки изображены два лежащих кабана в геральдической позе. Фигуры этих кабанов в общем очень близки фигуре кабана (*15*) с ручки. Только там кабан стоит, у него опущена голова и поднят хвост. А здесь кабаны вытянули морды вперед, хвосты их опущены. Здесь четко выдержана симметрия фигур: каждое животное, точно повторяя другое, является его точнейшим зеркальным отражением. Стремление мастера показать животное с двух сторон — в объеме — здесь видно очень четко. То, что изображено на двух сторонах ручки, на двух плоскостях, здесь сделано на одной. Практически это не два, а одно животное.

Выше мы уже говорили о стремлении мастера показать животных с двух сторон на двух разных плоскостях. Сравнение элементов фигур одних и тех же животных на разных сторонах ручки свидетельствует о почти повсеместном следовании этому правилу. Особенно хорошо это видно при сравнении деталей «священного дерева» на нижней части ручки. Верхний плод и два плода, находящиеся ниже, расположены симметрично даже в пределах одной стороны. На стороне, которую условно можно назвать «правой»,— животные обращены слева направо, нижние два плода, висящие на левой стороне дерева, несколько (на 0,5 мм) выше, чем плоды, висящие с правой стороны дерева и образующие им пары на «левой» стороне ручки (где животные изображены справа налево), положение плодов на

разных сторонах дерева обратное. Нижние два плода с левой стороны дерева помещены ровно на 0,5 мм ниже парных им плодов на правой стороне. Поэтому при зеркальном наложении все элементы изображения дерева абсолютно совпадают. Как уже отмечалось выше, на боках рукоятки помещены 28 изображений — разнообразные, скопированные со многих предметов фигуры животных, часто непонятных и искаженных [22].

Наряду с вполне реальными животными — оленем (5, 6), конем (12, 26), диким кабаном (15, 20, 28), лосем (?) (22, 24), изображены животные с телом оленя и с рогами козлов разных видов (3, 4, 8—11, 19, 21, 27).

Интересно, что все животные с телом оленя и рогами козлов имеют на плече солярные значки, отсутствующие у «чистых» оленей или лосей. Отметим, что козел занимает особое положение среди всех животных, изображенных на обкладке топора, помимо того, что он имеет солярные значки. Самих козлов или животных с разнообразными козлиными рогами на самом чекане изображено пять из шести, а на ручке — из 32—11 *.

В манере, обычной для скифской архаики, изображены пантеры (1, 2). «Непонятными и искаженными» больше других оказались животные 14 и 16. К несколько тяжеловатому корпусу пантеры (14) были приделаны медвежьи (?) ноги с орлиными головами, а к фигуре кабана (16) гребень и крылья (?) грифона. И здесь у животного лапы не такие, как у всех остальных четырех кабанов, изображенных на топоре, а когтистые лапы — кошачьего хищника или хищной птицы.

Ближайшие аналоги декору топора можно найти на Мельгуновском и Келермесском мечах и некоторых предметах клада из Зивие. О близости животных Келермесского топора и вещей Зивие писал Б. Б. Пиотровский. По его мнению, очень близки козлы на золотой пластине и пантеры на серебряной обивке щита (?) [23].

Можно указать на следующие общие элементы у мечей из Келермесса с Мельгунова и парадного чекана из Келермесса: сплошное покрытие плоскостей золотых обивок фигурами животных, нередко повторяющимися; передача на двух плоскостях одного и того же предмета с двух сторон; деление предметов, украшенных золотыми орнаментированными накладками, на зоны; использование для разделения зон изображений двойных рельефных полос, плетенки и уголков; использование одинаковых мотивов и сюжетов изображений; иногда до совпадения в деталях («священные» деревья, олени, горные козлы); стремление украсить драгоценным металлом всю поверхность предмета, оставляя открытым железо лишь в «рабочих» частях оружия — клинки мечей и лезвийная часть чекана; абсолютное тождество технических приемов при изготовлении парадного оружия; помещение на оружии круглой скульптуры (львы на концах ножен мечей и козлы на торце чекана); использование для украшения одного и того же предмета реальных и фантастических существ, человеческих фигур и растений.

Такое большое сходство нельзя объяснить простой случайностью. По-видимому, можно говорить об изготовлении в одной мастерской серий довольно однообразно украшенного оружия не только одного вида (примером могут быть келермесский и мельгуновские мечи), но и целых наборов — гарнитуров оружия. В древнейших скифских комплексах это парадные меч и чекан из первого келермесского кургана, хранящиеся ныне в Государственном Эрмитаже (инв. № Ку. 1903, 2/2 и Ку. 1903, 2/3).

В статье о древнейших скифских парадных мечах мы довольно подробно писали о месте производства этого оружия и о его датировке [24]. Поэтому в данной статье лишь кратко напомним основные данные.

Парадный топор из Келермесса, как и меч из того же кургана и меч из Мельгуновского кургана, очень близкий келермесскому, сделаны в одной из

* По одной фигуре на торцах ручки (мы уже писали, что на нижнем торце изображено одно животное — кабан, показанное как бы с двух сторон) и 30 фигур на каждом боку.

мастерских при «ставках» скифской знати на территории, захваченной скифами во время их переднеазиатских походов. Келермесский, Мельгуновский курганы и комплекс из Зивие практически одновременны и датируются концом VII в. до н. э.

Во время пребывания скифов на востоке формировался основной комплекс скифского наступательного и защитного вооружения, комплекс, принесенный ими в сложившемся виде в степи Северного Кавказа и Северного Причерноморья после возвращения на эти территории.

[1] *Черненко Е. В.* Скифские боевые топоры // АИУ в 1978—1979 гг.— Днепропетровск, 1980.— С. 88.

[2] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ.— 1964.— Д 1—4.— С. 66—68; *Іллінська В. А.* Скіфські сокири // Археологія.— 1961.— Т. 12.— С. 33.

[3] *Іллінська В. А.* Вказ. праця.— С. 36.

[4] *Черненко Е. В.* Указ. соч.— С. 88.

[5] *Іллінська В. А.* Вказ. праця.— С. 38.

[6] *Мелюкова А. И.* Указ. соч.— С. 67.

[7] *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов.— Ленинград; Прага, 1967.— С. 102.

[8] *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс) // Скифия и Кавказ.— Киев, 1980.— С. 14—15.

[9] *Іллінська В. А.* Вказ. праця.— С. 40.

[10] *Ильинская В. А.* Изображения скифов времени переднеазиатских походов // АИУ в 1976—1977 гг.— Ужгород, 1978.— С. 50; *Ильинская В. А.* Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности Степной Скифии.— Киев, 1982.— С. 42—43; *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э.— Киев, 1983.— С. 74.

[11] *Ильинская В. А.* Изображения скифов ... // Древности Степной Скифии.— С. 42.

[12] Там же.— Рис. 1—3.— С. 38—42.

[13] *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э.— М.: Наука, 1980.

[14] *Погребова М. Н.* Железные топоры скифского типа в Закавказье // СА.— 1962, № 2.

[15] *Ильинская В. А.* Изображения скифов ... // Древности Степной Скифии.— С. 43.

[16] *Манцевич А. П.* Горит из кургана Солоха // Тр. ГЭ.— 1962.— Т. 7.— С. 118.

[17] *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир.— Киев, 1975.— С. 160.

[18] *Артамонов М. И.* Указ. соч.— С. 102.

[19] *Пиотровский Б. Б.* Скифы и древний Восток // СА.— 1954.— Т. 19.— С. 155.

[20] *Артамонов М. И.* Указ. соч.— С. 20.

[21] *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— Рис. 1, 17.— С. 18.

[22] *Пиотровский Б. Б.* Указ. соч.— С. 155.

[23] Там же.— С. 152—156.

[24] *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи.— С. 22—27.

М. В. Скржинская

ДРЕВНЕЙШЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЗНАКОМСТВЕ ГРЕКОВ С МИФОЛОГИЕЙ СКИФОВ

Первое упоминание о фольклоре скифов в сохранившейся греческой литературе связано с именем поэта Алкмана. Это образ сказочно прекрасного коня Колаксая.

О легендарном скифском царе Колаксае лучше всего известно из «Истории» Геродота (IV, 5, 7). Младший из трех сыновей первого царя Скифии Таргитая, он получил царство потому, что ему достались священные золотые предметы, упавшие с неба. Кроме Геродота, имя Колаксая встречается лишь у двух античных поэтов: у грека Алкмана (VII в. до н. э.) и римлянина Валерия Флакка (I в. н. э.). Их сочинения не опираются на рассказ Геродота. Ведь первый старше историка почти на две-сти лет, а сведения второго отличны от того, что писал Геродот.

Алкман прославился в Спарте как автор гимнов, в частности парфениев — хоров девушек. Самый большой отрывок из сочинений Алкмана был найден в 1355 г. на папирусе в египетской гробнице. Это середина одного из его парфениев (fr. 16 Bergk.). Поэт воспевает красоту предводительницы хора Агидо и почти не уступающую ей Агесихору. Он сравнивает их с прекрасными конями. Сравнение женщины с лошадью не редкость для греческой поэзии эпохи архаики. Напомним подобные образы у современника поэта Семонида Аморгского (fr. 7 Bergk) и в стихотворении Анакреона (fr. 75 Bergk.), изве-

стном в вольном переводе А. С. Пушкина (Кобылица молодая...).

Однако у Алкмана, возможно, сравнение более глубоко связано с содержанием. К. Бовра высказал остроумную гипотезу о том, что хор девушек представлял союз белоконных (λευκιππίδες) жриц, а их две предводительницы олицетворяли молодых божественных кобылиц — πῶλοι [1].

Хор девушек восхваляет свою предводительницу Агидо, которая блистает, как солнце, и выделяется среди прочих как изумительный, приносящий в соревнованиях победы конь, которого можно увидеть только во сне. В 49-м стихе сказано буквально о «коне, принадлежащем крылатым снам»; оттенки смысла утрачены в известном русскому читателю стихотворном переводе В. В. Вересаева. Подробно о возможностях толкования этого места говорится в специальном исследовании Д. Л. Пейджа [2].

Вторая по красоте златокудрая и сребролика Агесихора. Ее можно сравнить с азиатским скакуном (ст. 51). Состязание этих двух девушек подобно состязанию колаксаева и ибенского коней (ст. 59 — ἵππος εἰβήνῳ κολαξαῖος δραμεῖται — колаксаев конь будет состязаться с ибенским).

45 ... Ведь сама она меж прочих
Выдается, словно кто-то
Посреди коров поставил
Быстрого в беге коня звонконогого,
Сходного с быстро летающим сном.
50 Не видишь? Вон перед нами конь
Енетский. Агесихоры
Волосы, моей сестры
Двоюродной, ярко блещут
Золотом беспримесным.
55 Лицом же она сребристым...
Но что еще тут говорить?
Ведь это — Агесихора!
После Агидо вторая красотою,—
Колаксаев конь за приз
с ибенским спорит.

«Парфений» Алкмана в целом труден для понимания, в нем немало спорных и неясных мест. Это касается и тех стихов, которые нас интересуют. Неясно, например, которая из девушек олицетворяет колаксаева коня и поэтому какой конь побеждает. Ведь победителем должен быть тот, кто представляет Агидо, так как она безусловно признается первой (ст. 91—97). Одни исследователи склоняются к мысли, что колаксаев конь уступает ибенскому [3]. Другие полагают, что здесь не подразумевается предпочтение одного коня другому [4].

Однако это для нас не столь важно. Важнее понять контекст, в котором говорится о коне Колаксая. Из четырех названных коней точно определены породы трех последних: энетский, т. е. происходящий из Пафлагонии, колаксаев, т. е. скифский, и ибенский, т. е. лидийский [5]. Первый же конь столь прекрасен, что может присниться лишь во сне. Этот сказочный образ, как справедливо заметил Г. Девро, является ключом к разгадке понимания контекста. Речь идет в первую очередь не о реальных породах, но об удивительных конях легенд [6].

Такое понимание текста подтверждает определение скифского коня: его принадлежность легендарному царю Колаксаю. Современные исследователи установили, что у скифских племен было широко распространено представление о связи коня с солнцем [7]; конь и царь в скифском ритуале выступали в равной мере как воплощение солнца [8] — Колаксая. Поэтому уподобление любой из девушек (ведь первая сравнивается с солнцем, волосы второй — с золотом) солнечному коню оказывается глубоко значительным.

В то же время можно думать, что Алкман имел также в виду и реальных коней. В частности, золотой цвет волос девушек может уподобляться масти скифского коня. Известно, что многие восточные народы, в том числе скифы, особенно ценили огненно рыжую масть. У скифов, например, среди рядовых низкорослых выносливых коней выделялись особенно породистые, высокие рыжие боевые кони, принадлежавшие знати [9]. Возможно, скифы полагали, что эта порода ведет свое происхождение от солнечного коня Колаксая. В таком плане правы те, кто считает «колаксаева коня» выражением, означающим «скифский конь» [10]. Однако, как мы показали выше, этим смысл образа Алкмана не исчерпывается.

Переплетение фантастического и реального вообще характерно для поэзии эпохи архаики. Достаточно вспомнить, как в «Илиаде» (XVI, 148—154) в одну

упряжку вместе с двумя конями божественного происхождения запрягают прекрасного Педаса: «...смертный, с конями бессмертными он быстротою равнялся» (перевод В. А. Жуковского).

Откуда же Алкман почерпнул свои сведения о колаксаевом коне? Исследователи обычно разделяют мнение Д. Болтона о том, что это литературная реминисценция из поэмы Аристея Проконнесского «Аримаспея» [11]. Однако в сохранившихся фрагментах поэмы нет речи ни о скифах, ни тем более о Колаксае и его коне. Таким образом, одна гипотеза о знакомстве с творчеством Аристея строится на другой гипотезе о том, что Аристей описывал скифов и их мифологию.

Нам представляется путь проникновения образа из скифской мифологии в поэзию Алкмана совсем иным, более естественным и правдоподобным. Для этого следует обратиться к фактам биографии поэта. Кратет, Аристотель и Веллей Патеркул считали Алкмана греком малоазийского происхождения и называли его родиной Сарды, столицу Лидии (Ox. pap. 2389, fr. 9, col. 1, 12; Suid S. V. Αλκμάν). Греки же стали жить в Сардах начиная с начала VII в. до н. э. История Милета, Эфеса, Смирны, Колофона, Магнесии и других малоазийских греческих полисов в VII—VI вв. до н. э. неразрывно связана с Лидией [12]. О малоазийском происхождении Алкмана говорят отголоски эпических формул и сюжетов, встречающихся в сохранившихся стихах, знакомство поэта с произведениями ионийских рапсодов, а также автобиографический отрывок из второго Парфения (fr. 13 D) [13]. По стихам Алкмана можно заключить, что он прожил долгую жизнь, но точные даты ее не известны. Сохранившиеся фрагменты, как считают современные исследователи, написаны во второй половине VII в. до н. э.[14] Расцвет творчества Алкмана связан с жизнью в Спарте; именно там он и писал свои знаменитые парфении для определенных празднеств и для определенного состава хора. Прославляемые им девушки — не выдуманные образы, а известные всем на празднестве предводительницы девичьего хора, вероятно, представительницы знатных спартанских семей.

В рассматриваемом парфении немало малоазийских образов: упоминание о реке Ксанф (ст. 100), о лидийских митрах (с. 67—68). При ближайшем рассмотрении реальные породы коней, стоящие за фантастическими образами Алкмана, оказываются малоазийского происхождения. На протяжении всей античности лошади европейских пород, и в частности греческие, уступали азиатским [15], которых высоко ценили. Алкман называет коня из Пафлагонии (энетский) и из Лидии (ибенский). Скифского (колаксаева) коня он также узнал у себя на родине. В середине VII в. до н. е. скифы во главе с царем Мадием появились в Малой Азии и вступили в соприкосновение с ионийскими греками [16]. Дружественные связи скифов с царями Лидии основывались, в частности, на их общей вражде с киммерийцами. Напомним, что последние в 654 г. до н. э. разграбили и разрушили Сарды [17]. Хорошо известно, что лидийский царь Алиатт в конце VII в. до н. э. окончательно разбил киммерийцев [Геродот, 1, 16] и дал приют скифам, бежавшим от мидийского царя Киаксара [Геродот, 1, 73]. Перечисленные факты позволяют заключить, что Алкман в Малой Азии видел скифских коней и узнал легенду о коне Колаксая. Именно отсюда, а не из Северного Причерноморья, в греческую литературу через устное предание проникли впервые образы скифской мифологии.

Таким образом, не поэма Аристея, о содержании которой мало известно, а собственное впечатление Алкмана — источник его образа коня Колаксая. Глубокий смысл получает и соревнование скифского и лидийского коней. Азиатские народы высоко оценили конно-стрелковую тактику скифов и специально учились у них [Геродот, 1, 73]. Лидийское войско славилось своей конницей; Геродот [1, 79] специально отметил лидийцев как прекрасных наездников. В свете этих сообщений соревнование скифских и лидийских коней могло происходить в действительности.

Вполне вероятно, что с энетским и ибенским конями были связаны какие-

то легенды, которые теперь из-за отсутствия источников невозможно восстановить, как это удается в случае с конем скифского царя Колаксая.

[1] *Bowra C. M.* Greek Lyric Poetry.— Oxford, 1961.— P. 53—54.
[2] *Page D. L.* Alkman. The Parthenion.— Oxford, 1951.
[3] *West M. L.* Alkmanica // The Classical Quarterly.— Oxford, 1965.— Vol. 15.— P. 193.
[4] *Deveraux G.* The Koloxain Horse of Alkman's Parthenion // Ibid.— P. 178.
[5] *Page D. L.* Op. cit.— P. 87, 90.
[6] *Deveroux G.* Op. cit.— P. 176.
[7] *Кузьмина Е. Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы.— Киев, 1977.— С. 97.
[8] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сарматских племен.— М., 1977.— С. 112.
[9] *Витт В. О.* Лошади пазырыкских курганов // СА.— 1952.— Т. 16.— С. 185, 191.
[10] *West M. L.* Op. cit.— P. 103; *Bolton J. D.* Aristeas of Proconnesus.— Oxford, 1962.— P. 43, 81.
[11] *Bolton J. D.* Op. cit.— P. 188; *Deveroux G.* Op. cit.— P. 176; *West M. L.* Op. cit.— P. 193.
[12] *Свенцицкая И. С.* Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ.— 1978.— № 1.— С. 26—38.
[13] *Ярхо В. Н.* Ранняя греческая лирика // Античная лирика.— М., 1967.— С. 89.
[14] *West M. L.* Op. cit.— P. 194.
[15] *Витт В. О.* Указ. соч.— С. 187.
[16] *Дьяконов И. М.* История Мидии.— М.; Л., 1956.— С. 286.
[17] Там же.— С. 234, 317.

С. С. Бессонова, С. А. Скорый

НОВОЕ ГОРОДИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА КИЕВЩИНЕ

Городище «Млынок» расположено в 3 км к северо-западу от с. Веприк Фастовского р-на Киевской обл. в излучине р. Ирпень, на ее левом берегу. Местность в районе памятника в основном равнинная, низменная, поросшая лесом, на отдельных участках заболоченная.

В плане городище округлой формы (рис. 1). Его общая площадь примерно 40 га. С юго-востока на северо-запад через городище протекает р. Ирпень. В настоящее время она перекрыта плотиной, в результате чего образовался пруд, занимающий северо-западную часть городища (площадь около 9 га). С запада, северо-запада и юго-востока городище имеет естественную защиту — р. Ирпень и болото, которое в древности, вероятно, было существенной водной преградой. С южной и частично с северной сторон городище обнесено валом и рвом. Длина южного участка вала 880, северного 320 м. Ширина вала в среднем 1,8, высота 3—4, ширина рва до 10, глубина 1—2 м. Наиболее хорошо сохранился вал на северном участке городища — до 4,5 м в высоту. В настоящее время он ограничивает площадь менее одного га, примыкающую к пруду и отделенную, таким образом, водой от остальной части городища. При сооружении последнего края вала были срезаны (в древности эта площадь была более четырех га). Местность к северу повышается. На водоразделе за горизонтом видны курганные насыпи.

Южный участок вала, ограничивающий городище с напольной стороны, прорезан в трех местах. В двух разрывах шириной 20 и 10 м проходят современные проселочные дороги. Третий, западный разрыв вала шириной 10 м известен у местного населения под названием «Царские ворота». Края вала оплывшие, видна заросшая колея. Это или древний въезд в городище, или заброшенная дорога более позднего времени.

Вал и ров на значительной протяженности заросли сравнительно густым лесом. В центральной части городища — невысокий мыс, на большей части которого расположен хутор Млынок (площадь более 12 га). Южная часть городища занята огородами местных жителей, лесопосадками сосны. Здесь же находится современное кладбище.

Впервые памятник был обследован в 1982 г. в ходе разведок экспедиции Отдела археологии Киева Института археологии АН УССР под руководством П. П. Толочко *. Сотрудниками экспе-

* Не исключено, что на данном памятнике археологи бывали и ранее (по сообщениям местных жителей, в довоенный период проводились раскопки вала). Тем не менее

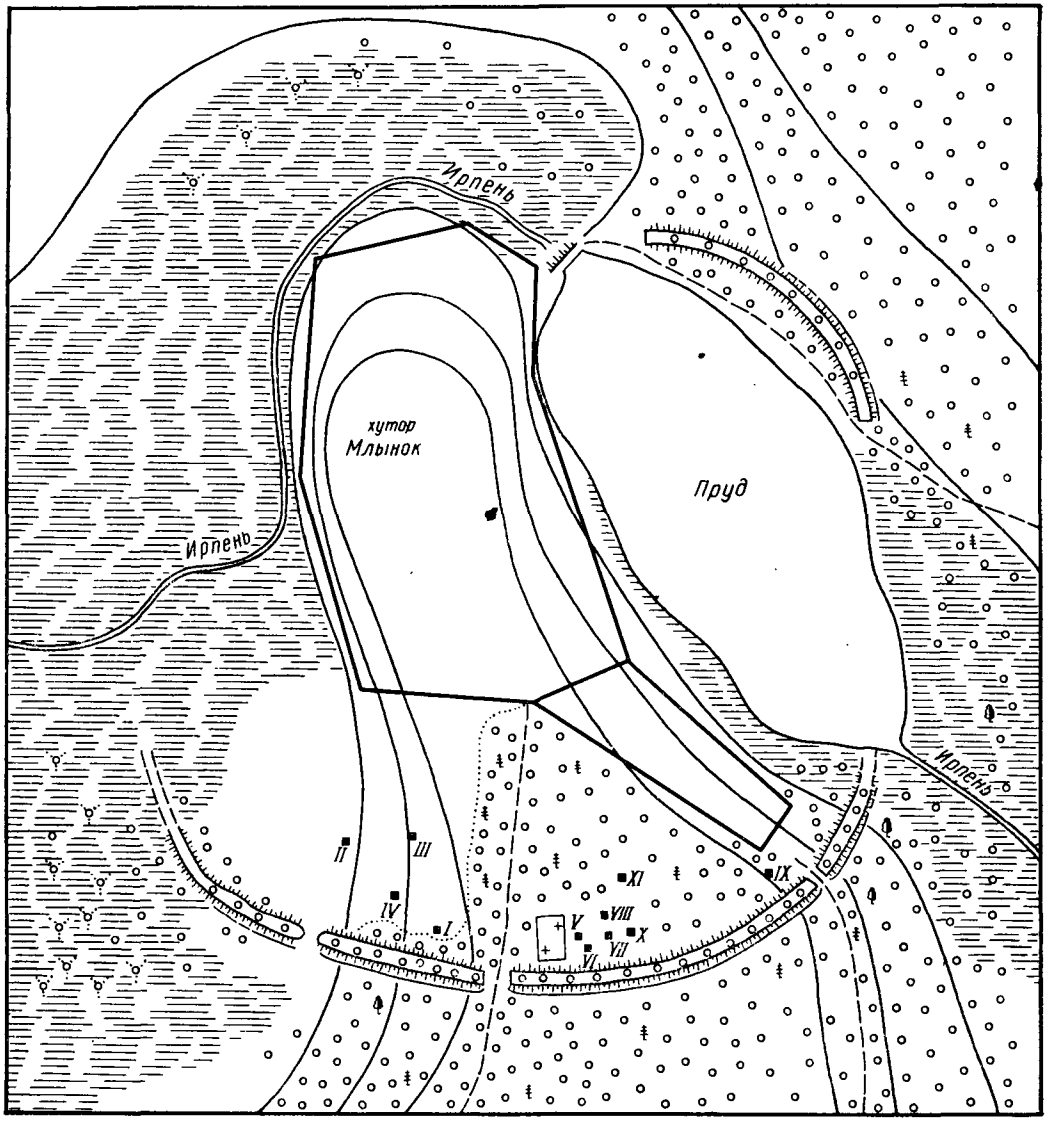


Рис. 1. План городища «Млынок».
I—XI — шурфы.

диции С. М. Черновым и А. К. Сыромятниковым был собран подъемный материал (лепная керамика скифского времени, пряслица) и зачищен участок вала в районе южного въезда. В обрезе выявлена часть обожженной деревянной конструкции, входившей в систему вала. О находке было сообщено в Отдел археологии раннего железного века ИА АН УССР. Сюда же была передана коллекция подъемного материала.

В этом же году сотрудники Лесостепной Правобережной экспедиции ИА АН УССР Г. Т. Ковпаненко и С. С. Бессонова обследовали городище и на различных его участках собрали подъемный материал. Обследование памятника было продолжено в 1983 г. сотрудниками упомянутой экспедиции С. С. Бессоновой, С. А. Скорым, М. А. Шульженко, В. П. Белозором при участии инже-

в специальной литературе каких-либо упоминаний о городище нет. Правда, следует указать, что на археологической карте Киевской губернии в районе с. Веприк обозначен участок вала, по-видимому, связанный с рассматриваемым городищем (*Археологическая* карта Киевской губернии.— М., 1895).— Приложение к XV т. «Древностей»).

нера-картографа М. М. Иевлева, которым снят глазомерный план городища.

Проведены сборы подъемного материала в доступных для осмотра южном и центральном районах городища, осуществлена шурфовка памятника. Заложено 11 контрольных шурфов в южной части городища на огородах и в лесопосадке. Размеры десяти шурфов 1,5××1,5 м, одного шурфа (№ 8) — 3,7××1,8 м. В шурфах был выявлен культурный слой скифского времени. Шурфовка показала, что насыщенность культурного слоя на территории городища не равномерна, более того, в некоторых местах он не фиксировался вообще, что, несомненно, свидетельствует о том, что площадь городища была заселена только частично. В шурфах № 1—4 (район огородов) находки представлены мелкими фрагментами керамики и невыразительными обломками печины.

Культурный слой, поврежденный поздними перекопами, залегает под слоем чернозема в супеси илистого цвета и гумусированной. Мощность его не более 0,4 м. Из прошурфованных участков наиболее насыщенный находками участок территории в 20—40 м восточнее современного кладбища (шурфы № 6—8). Особенно результативным оказался шурф № 8. Мощность культурного слоя здесь до 0,95 м. В шурфе найдено 456 фрагментов лепной керамики, в том числе немалое количество профилированных частей сосудов, железный серп, обломки печины, кости животных (в частности, конские зубы), мелкие угольки.

В стратиграфии шурфа № 8 различаются три слоя. Дернового слоя практически нет. Первый слой состоит из гумусированной темной супеси толщиной 0,3 м. В нем встречаются мелкие фрагменты керамики, часто оббитые. Слой перекопан при посадке леса. Второй слой — светлая супесь с включениями золы, толщина 0,2—0,25 м. Количество находок увеличилось почти в три раза по сравнению с верхним слоем. В основном это мелкие фрагменты керамики, найдены также четыре небольших камня и два фрагмента трубчатых обгорелых костей. Третий слой — темная золистая супесь — прослеживается по всей площади шурфа до глубины 0,75—0,8 м. Толщина слоя в юго-восточной части до 0,4 м, за ним следует светлый песчаный материк. В северо-западной половине квадрата темный грунт плавно понижается к северо-западному углу, доходя до глубины 0,95 м, т. е. толщина его здесь достигает почти 0,55 м. Понижение выходит за границы квадрата. На глубине 0,7 м близ северо-западного угла прослежены две небольшие линзы светлого глинистого грунта. Находок примерно столько же, как и в предыдущем слое. В верхней части слоя более половины находок (около 50) составляли фрагменты крупных толстостенных сосудов. Встречены также несколько костей, мелкие обломки печины и железный серп. В основании слоя грунт более плотный, находок мало — мелкие фрагменты керамики и печина, две кости. Очевидно, шурф попал на хозяйственную яму при жилище.

Керамика, обнаруженная на территории городища (подъемный материал и из шурфов), делится на три группы: кухонная тара, столовая.

Кухонная посуда, образующая наиболее значительную группу керамики, представлена фрагментами горшков различных размеров — слабопрофилированных и баночного типа. Фрагментарность керамики не позволяет детально судить о формах сосудов. Большая часть горшков имела плавно отогнутый наружу венчик.

Преобладающее количество посуды этой группы орнаментировано под венчиком (или в одном случае по корпусу) налепным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями, реже — защипами. В ряде случаев сосуды дополнительно украшены сквозными проколами выше валика или по нему, или наколами, нанесенными с обратной стороны в тех же местах (рис. 2, *1—2*, *4*). Два фрагмента венчиков сосудов орнаментированы тонким валиком под венчиком с пальцевыми вдавлениями и дополнительно под валиком продолговатыми вдавлениями, нанесенными палочкой (рис. 2, *5*). К этому типу относится обломок венчика горшка, украшенный по налепному валику мелкими продолговатыми вдавлениями (рис. 3, *7*).

Реже встречаются иные типы орна-

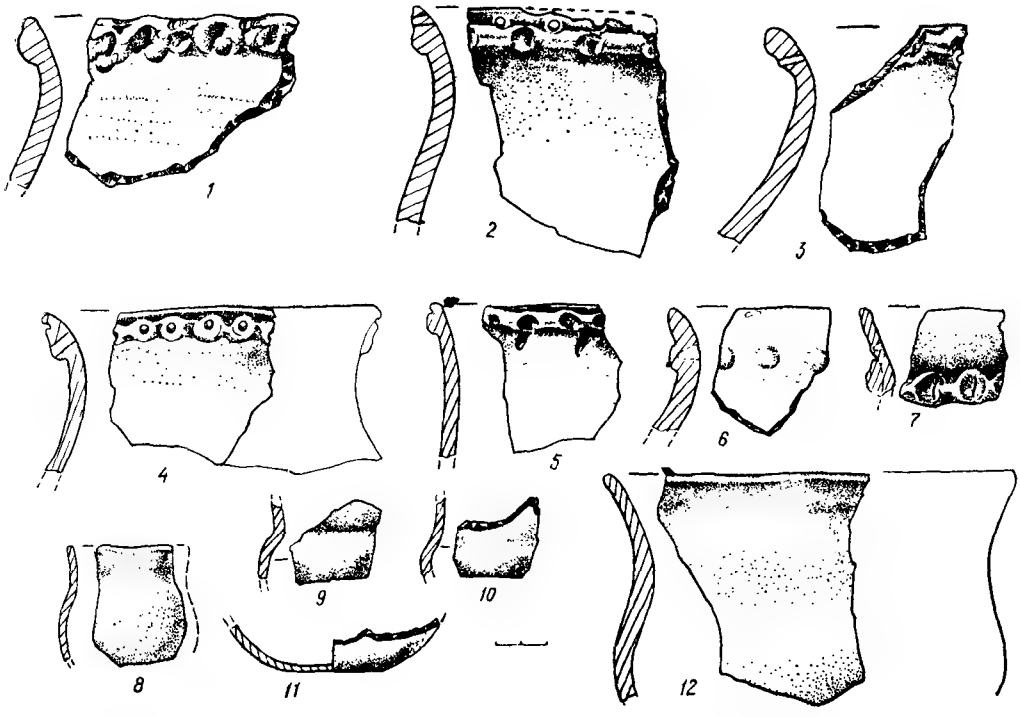


Рис. 2. Лепная керамика из городища «Млыиок».

мента. Один из горшков в верхней части венчика был орнаментирован неглубокими округлыми вдавлениями, располагавшимися по прямой линии (рис. 3, *4*), другой украшен орнаментом в виде довольно крупных «горошин», которым с внутренней стороны соответствуют наколы, и продолговатыми ямками по краю венчика (рис. 2, *6*). Два фрагмента горла горшков орнаментированы под венчиком треугольным в разрезе валиком, покрытым косой насечкой (рис. 3, *8*). С внутренней стороны напротив валика орнамент в виде вертикальных вдавлений, нанесенных палочкой. Вызывает интерес фрагмент венчика сосуда баночного типа, украшенный по краю нечеткими пальцевыми вдавлениями, ниже — круглыми небольшими ямками, располагавшимися по прямой линии (рис. 3, *3*).

Тесто кухонной посуды грубое, рыхлое, содержащее значительное количество примеси — довольно крупных непрозрачных кусочков кварца и мелких блесток слюды (?). Черепок в изломе, как правило, двухцветный — бурый и оранжевый (что объясняется неравномерностью обжига), реже — бурый или оранжевый.

Орнаментика сосудов (налепной валик, расчлененный пальцевыми вдавлениями и защипами, проколы и наколы, продолговатые вдавления, нанесенные палочкой ниже валика) находит великолепные аналоги среди посуды VI—V вв. до н. э. в памятниках Лесостепи в целом и Правобережья в частности (Хотовское, Ходосовское, Шарповское, Пастырское городища, поселение в уроч. «Гайдамацкая гора», погребения Пироговского могильника, поселения у с. Долиняны и т. д.). Посуда с аналогичным орнаментом довольно часто встречается и в памятниках раннескифского времени бассейна р. Ворскла [1]. Аналоги орнаменту в виде округлых вдавлений под венчиком, «горошин» хорошо известны на сосудах конца VI—V вв. до н. э. милоградской культуры [2]. Сосуды с налепным валиком у края, украшенным косой насечкой, не получили широкого распространения в керамическом комплексе Лесостепи. Фрагмент сосуда с подобным орнаментом найден на Хотовском городище [3].

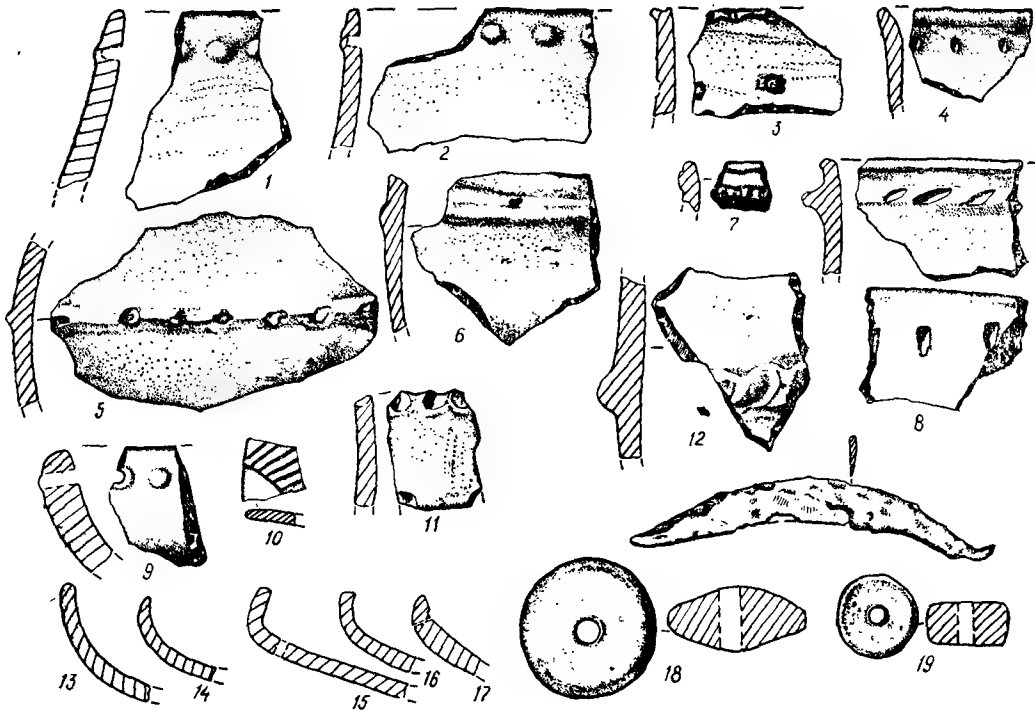


Рис. 3. Находки из городища «Млынок».

Тара представлена фрагментами довольно больших сосудов с подлощенной или нелощеной серой или темной поверхностью — горшков слабопрофилированных и баночного типа, корчаг (рис. 2, *3, 12*; 3, *1—2; 5—6, 12*). Часть сосудов, судя по сохранившимся фрагментам, вероятно, была неорнаментирована. Иные были украшены крупными «горошинами» (рис. 3, *1—2*), налепным валиком под венчиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями (рис. 2, *7*). На корпусе сосудов встречаются валики: гладкие (плоские, треугольные в сечении), орнаментированные пальцевыми вдавлениями и защипами (рис. 3, *5—6, 12*). Подобная орнаментика, как уже отмечалось, хорошо известна в древностях Правобережной лесостепи VI—V вв. до н. э. По составу теста керамика этой группы мало чем отличается от кухонной. Однако качество обжига лучше, черепок одноцветный — темный или оранжевый. Фрагментарность неорнаментированной керамики данной группы (рис. 2, *12*) затрудняет поиск ее прямых аналогов. Тем не менее нет особых оснований сомневаться в ее одновременности с рассмотренной выше орнаментированной керамикой.

Группа *столовой посуды* состоит из фрагментов мисок, кубка, черпаков (или кубков). Сосуды имеют серую темную или даже черную подлощенную поверхность (исключение — верхняя часть одной из мисок с подлощенной поверхностью красноватого цвета). Черепок в изломе черный, тесто плотное, с мелкими включениями кварца. Миски, судя по сохранившимся верхним профилированным частям, относятся к трем основным типам: с прямым краем, отогнутым наружу или загнутым внутрь (рис. 3, *13—17*). Первые из них обычны для керамического комплекса лесостепи в скифское время. Ближайшие территориально аналоги известны на Хотовском городище [4]. Одна из мисок украшена по плечикам поясом мелких «горошин», которым с внутренней стороны соответствуют наколы (рис. 3, *17*). Использование подобного приема орнаментации широко засвидетельствовано на мисках из лесостепных памятников VI—V вв. до н. э., особенно на Правобережьи Днепра и в Поворсклье [5].

Встречаются фрагменты толстостенных мисок, украшенных аналогичным образом (рис. 3, *9*).

Отогнутый бортик одной из мисок украшен нарезным орнаментом в виде косо заштрихованного треугольника (рис. 3, *10*). Миски с подобной орнаментацией относятся к крайне редкой серии посуды, известной в лесостепном Правобережье в VII—VI вв. до н. э.[6] Их появление связывают с влиянием культур эпохи бронзы — раннего железного века Карпато-Дунайского бассейна[7] и культуры Басараби в частности[8]. Интересен большой фрагмент кубка грушевидной формы со слабо отогнутым венчиком (рис. 2, *8*). Предполагаемая высота сосуда около 5 см. Кубок отличается от иной столовой посуды отсутствием лощения. Сосуды аналогичной формы и размеров, но с лощеной поверхностью хорошо известны в древностях Лесостепи VI в. до н. э.[9] Среди фрагментов столовой посуды, найденных на городище, фрагменты боковых частей и дна тонкостенных лощеных сосудов, кубков или черпаков (рис. 2, *9—11*).

Помимо керамики, при обследовании памятника на поверхности найдены два керамических пряслица дисковидной и колесовидной форм (рис. 3, *18—19*).

Представляет интерес находка небольшого железного серпа в виде небольшого крючка. Длина серпа 14, ширина плавно изогнутого лезвия 1,6 см (рис. 3, *20*). Подобные «крюкастые»[10] серпы известны в небольшом количестве в памятниках VI—V вв. до н. э. как на Левобережье (Ширяевское городище на Сейме, поселения у станции Шелковая, возле оз. Чайка)[11], так и на Правобережье Днепра (Ходосовское городище)[12].

Совокупность рассмотренного материала, в основном керамика, позволяет по аналогии датировать городище «Млынок» VI—V вв. до н. э.

Памятник расположен на территории, которую традиционно отводят скифам-пахарям Геродота. По своим размерам это самое крупное из известных ныне трех городищ скифского времени на Киевщине: площадь Хотовского городища равна 31 га, Ходосовского (или Круглого) еще меньше — более 1 га[13].

Городище «Млынок» обладает рядом признаков, характерных для городищ скифского времени украинской Лесостепи: особенности топографии памятника, наличие свободной от застройки территории, деревянные конструкции в валах, включение в систему городища водного источника[14]. Наряду с этим оно имеет одно существенное отличие от подавляющего большинства памятников как Правобережья, так и Левобережья. Как правило, городища скифской эпохи сооружены на высоких труднодоступных береговых мысах или террасах, в местах, окруженных с нескольких сторон балками или речкой, т. е. удобных для обороны[15]. Городище «Млынок» низменное. Такие городища абсолютно не характерны для скифской Лесостепи. Единственное известное нам исключение — Люботинское городище VI — III вв. до н. э. на Левобережье Днепра (в бассейне Северского Донца). Его низменное расположение объясняют тем, что первоначально там существовало открытое поселение, которое со временем было обнесено со всех сторон валом и рвом[16]. Городища подобного характера, т. е. низменные, известны у северных соседей скифов-пахарей — населения милоградской культуры, отождествляемого большинством исследователей с геродотовскими неврами[17]. Правда, последние отличаются значительно меньшими размерами, как правило, их площадь не превышает 5—6 га[18]. Если учесть, что территория Киевского Поднепровья в скифскую эпоху (в частности, в конце VI—IV—III вв. до н. э.) являлась местом непосредственного контакта населения скифской и милоградской культур[19], то нельзя исключать возможности появления низменного городища на периферии скифской Лесостепи под милоградским влиянием *.

Материалов для характеристики хозяйства населения, жившего на рассматриваемом городище, пока крайне мало. Однако вряд ли мы ошибемся, предпо-

* Наиболее близки территориально городища милоградской культуры Киевского Полесья. Их площадь достигает иногда 11—12 га. (*Кучера М. П.* Городища милоградської культури в Київському Поліссі // Археологія.— 1976.— № 20.— с. 88—94).

ложив, что основным занятием жителей было земледелие и скотоводство, так же, как и во всей обширной зоне лесостепи. Наличие в самой непосредственной близости реки позволяет думать, что не последнюю роль в хозяйстве обитателей городища играло рыболовство. Разумеется, лишь стационарные исследования памятника могут дать цельное представление о различных сторонах жизни оставившего его населения.

В заключение представляется возможным остановиться на одном, на наш взгляд, интересном моменте. Обращает на себя внимание тот факт, что время сооружения городища «Млынок» синхронно времени сооружения Хотовского и Ходосовского городищ (VI в. до н. э.), т. е. все три ныне известные на Киевщине городища скифов-пахарей сооружаются одновременно. Предполагаем, что это отнюдь не случайное явление, а отражение сложных исторических событий, имевших место в указанный период не только в лесостепи, но и в Северном Причерноморье в целом. Как известно, в VII — первой половине VI в. до н. э. степи Северного Причерноморья не были основным местом обитания кочевых скифов, о чем убедительно свидетельствует малочисленность памятников этого времени в степном регионе [20]. Это был период захватнических походов скифов в Переднюю Азию, во время которых значительные массы кочевников избрали местом обитания степи Северного Кавказа [21]. Но само появление в VII в. до н. э. воинств.ных номадов в северопричерноморских степях, на территориях, граничащих с лесостепью, не могло пройти бесследно для ее земледельческого населения. В конце VII — первой половине VI в. до н. э. в районах как близких к пограничью лесостепи и степи, так и более отдаленных, сооружается ряд крупных, хорошо защищенных городищ *, имевших в первую очередь оборонительную функцию, в частности Бельское (Поворсклье), Трахтемировское (Поросье), Пастерское (бассейн р. Тясмин), Немировское (Побужье). В глубинных, периферийных районах лесостепи строительство городищ в этот период не ведется.

Ситуация изменяется во второй половине — конце VI в. до н. э. Именно в этот период происходит повсеместное освоение причерноморских степей кочевыми скифами и перемещение центра Скифии из степей Северного Кавказа в Поднепровье [22]. В результате этих событий кочевники, до этого достигавшие лесостепной зоны эпизодически, приблизились к границам лесостепи вплотную. Угроза со стороны воинственного кочевого мира, заключавшая в себе вероятность проникновения кочевников не только на территорию, пограничную со степью, но и в периферийные районы лесостепи, явилась, на наш взгляд, мощным толчком к сооружению в лесостепи целого ряда новых хорошо укрепленных городищ. Именно в этих условиях появляются городища на Киевщине.

Группа городищ, время сооружения которых вторая половина или конец VI в. до н. э., возникает в бассейне р. Тясмин: Матронинское. Шарповское, Макеевское, Буда-Макеевское [23]. Этим же временем датируется возникновение целого ряда городищ на Левобережье — в Поворсклье, Посулье, бассейне Северского Донца [24]. По мнению исследователей, изучавших памятники лесостепи, одной из причин появления здесь городищ в VI в. до н. э. является усиление натиска степняков [25]. Есть основания полагать, что синхронное возведение большого количества городищ как на Правобережье, так и на Левобережье в VI в. до н. э. является единым процессом, охватившим территорию украинской лесостепи, и видеть в нем ответную реакцию различных земледельческих племен на изменившуюся политическую ситуацию в степях Северного Причерноморья.

---

* Еще в черняхесское время в южной части правобережной лесостепи, а позднее и в других ее районах возникают укрепленные городища для защиты от степняков (*Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском лесостепном Правобережье.— Киев, 1961.— С. 13, 40).

[1] *Шрамко Б. А.* Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ.— 1983.— Вып. 23.— Рис. 1, 2—3, 4, 6, 12—13, 14—15.— С. 75.

[2] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.— М., 1967.— Рис. 8, 1, 7—10, 2, 6, рис. 44, 1, 3, 6, 10.— С. 22.

[3] *Покровська Є. Ф.* Хотівське городище // АП.— 1952.— Т. 4. Табл. II, 1.

[4] Там же.— Табл. 11, 9.

[5] *Фабріціус І.* Тясминська експедиція // АП.— 1949.— Т. 2. Табл. I, II; *Ковпаненко Г. Т.* Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині // Археологія.— 1970.— Т. 24.— Рис. 7, 10.— С. 168.

[6] *Тереножкін О. І.* Курган біля с. Глеваха // Археологія.— 1954.— Т. 9.— С. 93. Рис. 14; *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин // СА.— 1973.— № 4.— С. 184; Рис. 9, 6.— С. 185.

[7] *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение..,— С. 185.

[8] *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир.— М., 1979.— С. 81.

[9] *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.— Киев, 1981.— Рис. 53. 7.— С. 88.

[10] *Шрамко Б. А.* Археология раннего железного века Восточной Европы.— Харьков, 1983.— Табл. 13, 5—6.— С. 31, 87.

[11] *Іллінська В. А.* Городище скіфського часу на р. Сеймі // Археологія.— 1953.— Т 8.— С. 116; Табл. II, 7, 8.— С. 117—118; *Шрамко Б. А.* Поселення скіфського часу біля станції Шовкова // Археологія.— 1964.— Т. 16.— С. 182; Рис. 11, 19, 20.

[12] *Петровская Е. А.* О работах Подгорцевско-Ходосовского отряда Археологического музея АН УССР // АО в 1976 г.— М., 1977.— С. 354.

[13] *Покровська Є. Ф.* Хотівське городище.— С. 12; *Петровская Е. А.* Отчет о раскопках и разведках памятников раннего железного века на территории Киевской области в 1976 г. // НА ИА АН УССР.— 1976/127.— С. 3.

[14] *Археологія* Української РСР.— К.: Наук. думка, 1971.— Т. 2.— С. 77; *Моруженко А. А.* Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху // Скифский мир.— Киев, 1975.— С. 134, 141.

[15] *Моруженко А. А.* Оборонительные сооружения...— С. 34, 137—138.

[16] *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца.— Харьков, 1962.— С. 188.

[17] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии...— С. 69—76; *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия.— М., 1979.— С. 48.

[18] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии...— С. 8, 26—27.

[19] *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э.— К., 1983.— С. 276.

[20] *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья.— Киев.— 1984.— С. 98.

[21] Там же.— С. 96.

[22] Там же.— С. 100—101.

[23] *Фабріціус І. В.* Тясминська експедиція // АП.— 1949.— Т. 2.— С. 80—82; Ее же. Тясминська експедиція 1947 р. // АП.— 1952.— Т. 4.— С. 21—33.

[24] *Іллінська В. А.* Басівське городище // Археологія.— 1965.— Т. 18.— С. 73—74; *Моруженко А. А.* Оборонительные сооружения...— С. 144.

[25] *Моруженко А. А.* Оборонительные сооружения... —С. 144; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ.— 1967.— Д1—4.— М.— С. 52.

Ю. В. Болтрик, Е. Е. Фиалко

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ГАВАНИ КРЕМНЫ

В IV книге «Истории» Геродота дважды упоминается эмпорий Кремны, расположенный на северо-западном побережье Меотиды. Первое упоминание связано с этногеографией Скифии: «По ту сторону Герра (т. е. к востоку от него.— *Ю. Б.* и *Е. Ф.*) находится та земля, которая называется царской, и (там) обитают скифы самые храбрые и самые многочисленные, которые считают других скифов своими рабами. Доходят они на юге до Таврики, а на востоке именно до того рва, который вырыли сыновья слепых, и до гавани на берегу озера Меотиды, которую называют Кремны» [Геродот IV, 20] [1]. Второе упоминание обязано легенде об амазонках: «Эллины, победив в битве при Фермодонте, отплыли, везя на трех кораблях столько амазонок, сколько могли взять в плен, а те перебили мужей, напав в море. С кораблями же они не были знакомы, не знали, как пользоваться кормилом, парусами, и не умели грести; и после того, как они, напав в море, перебили мужей, их носило волнами и ветром. И прибывают они к берегам Меотийского озера — к Кремнам *. А Кремны находятся на

* Примечательно, что несмотря на плаванье без «кормила», амазонкам удалось от южных берегов Понта (совр. р. Терметчай), пройдя Боспор Киммерийский, попасть на северное побережье Меотиды, сохранив в условиях неуправляемого плавания курс, проложенный почти строго на север.

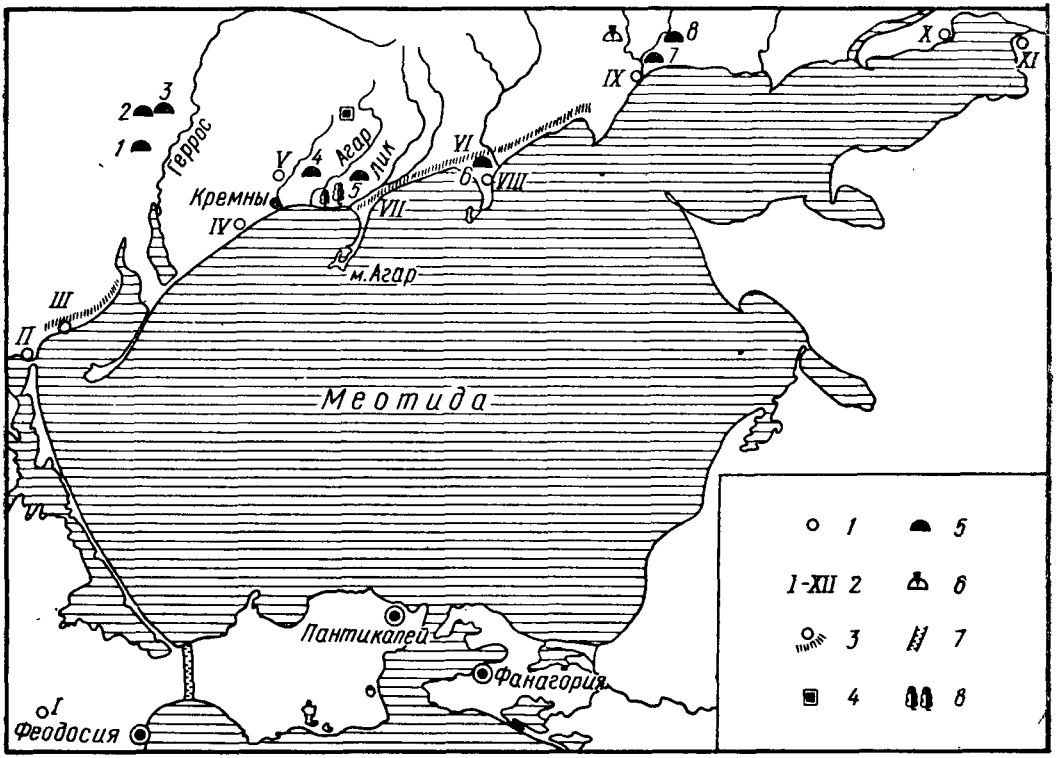


Рис. 1. Карта вариантов локализации Кремн, предложенных различными авторами. 1, 3 — пункты и местности, где помещали Кремны, 2 — варианты локализации по:

I — Ф. Вестбергу, II — Т. Байеру, Д. Реннелю, В. В. Латышеву; III — Ф. К. Бруну, С. М. Середонину, С. А. Жебелеву; IV — Б. А. Рыбакову; V — Г. Киперту (1846); VI — К. Фелькеру, К. Рейхардту, Э. Миннзу, Г. Коте, Б. Н. Гракову; VII — К. Нейманну, Х. Штейну, Г. Киперту (1846), Ж. д'Анвиллю, Г. Роулинсону, Д. Маиру, Р. Макану, Х. Зауссигу, Ф. Мищенко, Ф. А. Брауну, В. Борисову, М. С. Бондарскому, Ю. И. Козуб; VIII — Н. Надеждину; IX — К. Рейхардту, Б. Ларди, К. Кречмеру, М. Нинку; X — К. Маннерту, Т. Брандштеттеру, К. Бэру, А. Гудшмиду, Д. Гике, Я. Збожилу; XI — Ф. Беeру. 4 — вероятное местонахождение лагеря Дария. 5 — скифские курганы V—IV вв. до н. э.: *1.* с. Новое Мелитопольского р-на, *2.* Шульговка, *3.* Мелитополь, *4.* Владимировка, *5.* Ногайск (Обиточное), *6.* Бердянск, *7.* Жданов, *8.* Двугорбая Могила. 6 — Святилище у с. Кремневка. 7 — ров, вырытый «потомками слепых». 8 — предполагаемое местонахождение птолемеевой Рощи «Рыболовля бога».

земле свободных скифов» [Геродот IV, 110].

Более чем через 550 лет после Геродота Клавдий Птолемей в III книге «Руководства по географии» дает географические координаты различных пунктов в Европейской Сарматии, где указывает Кремны и соседние местности. Однако, несмотря на существенное уточнение Птолемеем сведений Геродота, в вопросе локализации Кремн мнения исследователей резко расходятся. Следует заметить, что специальных работ, посвященных локализации Кремн, нам не известно, вопрос о местоположении торжища затрагивался исследователями в трудах общего характера [2], исключением является лишь монография Б. А. Рыбакова [3]. Кремны помещали практически в пределах всего северного побережья Азовского моря (рис.1), а Ф. Вестберг искал их даже в центре Крымского полуострова у г. Старый Крым [4]. На отрезке Азовского побережья от г. Геническа до Утлюкского лимана эмпорий помещают Ф. К. Брун [5], Э. Миннз [6], С. М. Середонин [7], С. А. Жебелев [8], близ Тонкого пролива (у г. Геническа) — Т. Байер [9], Д. Реннель [10], В. В. Латышев [11]. В средней части северного побережья Меотиды — К. Фёлькер [12], К. Рейхардт [13], Э. Миннз [14], Г. Коте [15], Б. Н. Граков [16]. Используя данные Птолемея, близ Ногайска (совр. г. Приморск) помещали Кремны К. Нойманн [17], Х. Штейн [18], Г. Киперт [19] *, Ф. Г. Мищенко [20],

* Г. Коте указывает, что первоначально Г. Киперт в 1846 г. в «Atlas von Hellas» помещал Кремны к западу от Нагайска у

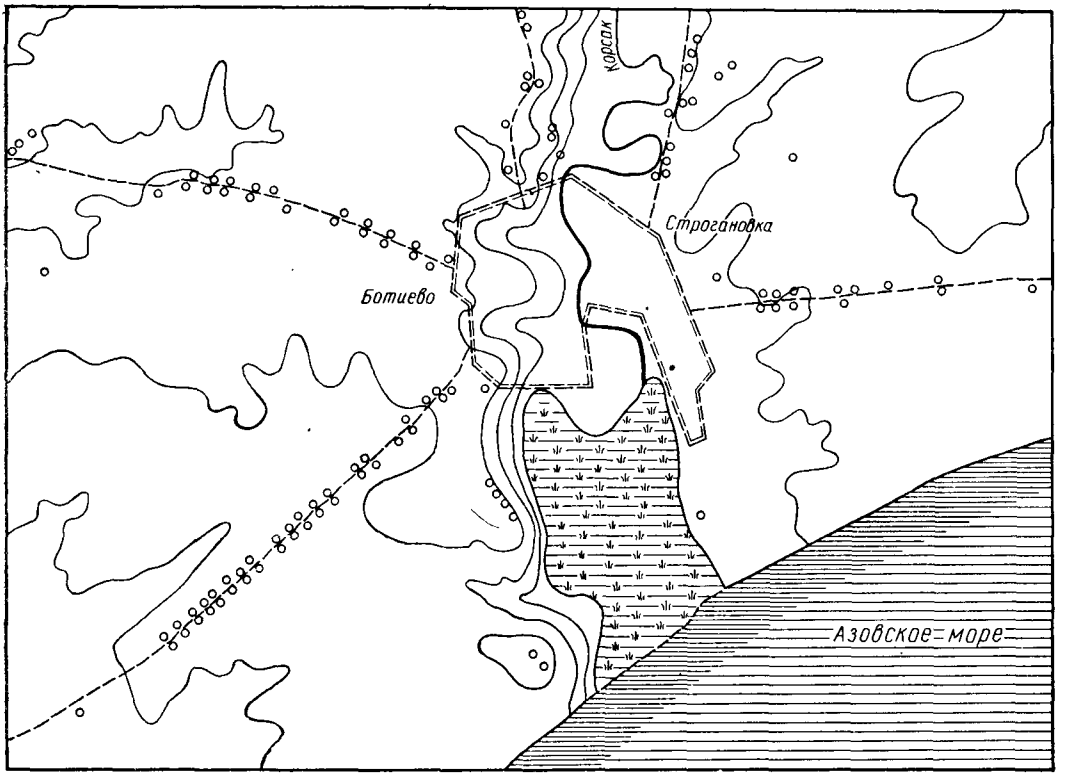


Рис. 2. Схема расположения курганных аллей у сел Ботиево, Строгановка.

Ф. А. Браун [21], В. Борисов [22], там же локализовали Кремны Ж. д'Анвиль [23], Г. Роулинсон [24], Д. Маир [25], Р. Макан [26], Х. Хауссиг [27], Ю. И. Козуб (в урочище Петрова Балка) [28]. Н. И. Надеждин искал гавань в устье р. Берды [29], К. Рейхард [30], Б. Ларди [31], К. Кречмер [32], М. Нинк [33] в районе Мариуполя (совр. г. Жданов). Близ г. Таганрог локализовали Кремны К. Меннерт [34], Т. Брандштеттер [35], К. Бэр [36], А. Гудшмид [37], Д. Гика [38], Я. Збожил [39], Ф. Беер относил их в устье Дона [40]. Ближе к истине подошел, на наш взгляд, Б. А. Рыбаков. Используя в качестве реперных точек устье Дона-Танаиса и Перекоп, он накладывает, с соответствующей корректировкой, птолемеевы координаты для северного побережья Меотиды на современную карту, получая довольно надежную реконструкцию района Обиточной косы [41]. Сднако в этой реконструкции остаются спорными, с нашей точки зрения, несколько моментов: локализация эмпория Кремны в устье р. Домузла, отождествление птолемеевой р. Агар с р. Корсак и отождествление священной рощи «Рыболовля бога» с р. Лозоватка.

В нашей работе делается попытка доказать правомочность локализации Кремн в конкретном месте, рассматривая в комплексе данные топографии, географии, исторической географии и сообщения античных авторов.

Геродот указывает на северном побережье Меотиды единственный античный пункт — Кремны. Поэтому цель данной работы состоит в отыскании на побережье признаков и условий местности, указывающих наиболее вероятное местоположение эмпория.

Прежде всего выясним, что же такое эмпорий. У Геродота ἐμπόριόν — это торговая гавань, торговый пункт, место, куда регулярно прибывают корабли [42], т. е. Кремны являлись своеобразным перевалочным пунктом для греческих товаров, прибывавших на кораблях и да-

с. Владимировка, что, на наш взгляд, больше соответствует истине.

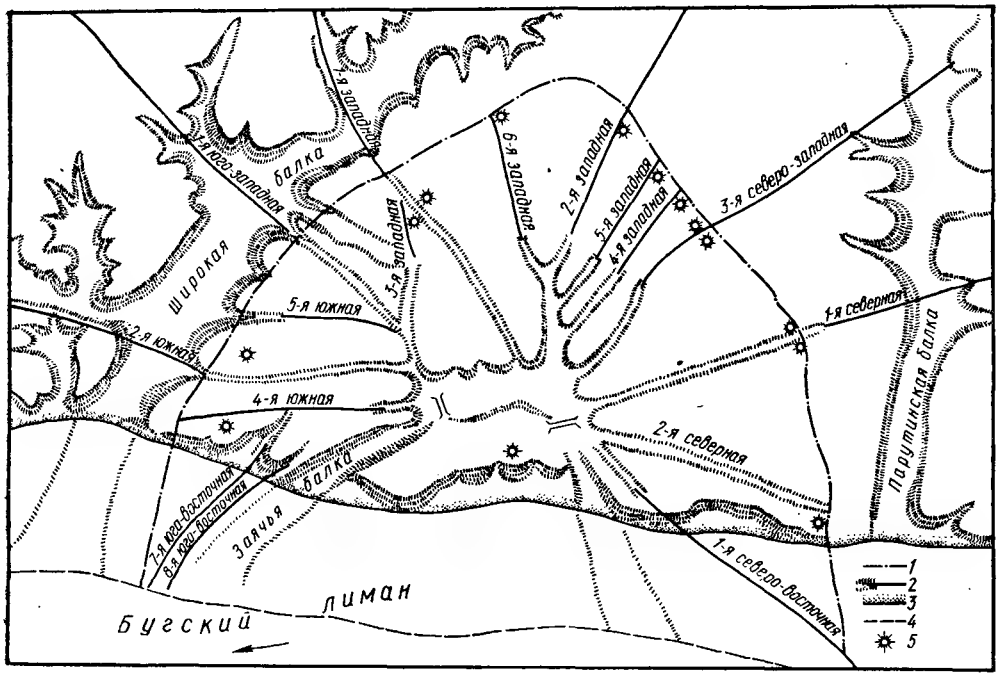


Рис. 3. Топографический план Ольвии по А. Н. Карасеву.
1 — границы города; 2 — балки и дороги; 3 — современный берег лимана; 4 — древний берег; 5 — курганы.

лее перемещавшихся по суше к кочевьям скифов. Так как торговые отношения скифов и греков носили характер натурального обмена [43], то соответственно из скифской среды к морю поступал ответный товар. Таким образом, в наших поисках мы должны исходить из следующих условий: первое — наличие следов *сухопутных дорог* близ побережья Меотиды, по которым партии товаров перемещались по суше вглубь материка; второе — наличие необходимой естественной удобной *гавани*; третье — в месте предполагаемой локализации эмпория необходимо наличие *следов поселения* соответствующего хронологического диапазона.

Сухопутные дороги. В поисках сухопутных дорог мы воспользуемся данными Птолемея. Так, эмпорий Кремны расположен в 486,2 стадиях [44] от устья р. Герроса (Молочной) [45], что в пересчете с аттического стадия, равного 177,47 м, соответствует 86,3 км. Но, учитывая, что расстояния на Меотиде приблизительно вдвое завышены, эмпорий следует искать приблизительно в 43 км восточнее устья р. Геррос [46]. Именно в этих пределах находится устье р. Корсак.

Следы древних дорог здесь фиксируются благодаря курганным аллеям, расположенным вдоль дорог. Уникальная для Северо-Приазовских степей палеотопографическая ситуация соответствует окрестностям современных сел Ботиево и Строгановка Приазовского р-на Запорожской обл. (рис. 2). Села эти расположены по обоим берегам р. Корсак, друг напротив друга, от них четырьмя лучами расходятся дороги, вдоль которых парами по обе стороны дороги расположены курганы, образующие своеобразные курганные аллеи. Вдоль дороги, идущей в юго-западном направлении, на отрезке в 6 км насчитывалось до 40 курганов, в западном направлении на участке в 5 км — 23 кургана, в северном направлении 11 курганов были растянуты на 3,5 км, в восточном — 13 курганов на отрезке в 6 км. Все курганные насыпи небольшие, высотой от 0,5 до 2 м, хотя, по-видимому, были насыпи и еще меньшего размера, но они к моменту топосъемки либо не сохранились, либо не были заме-

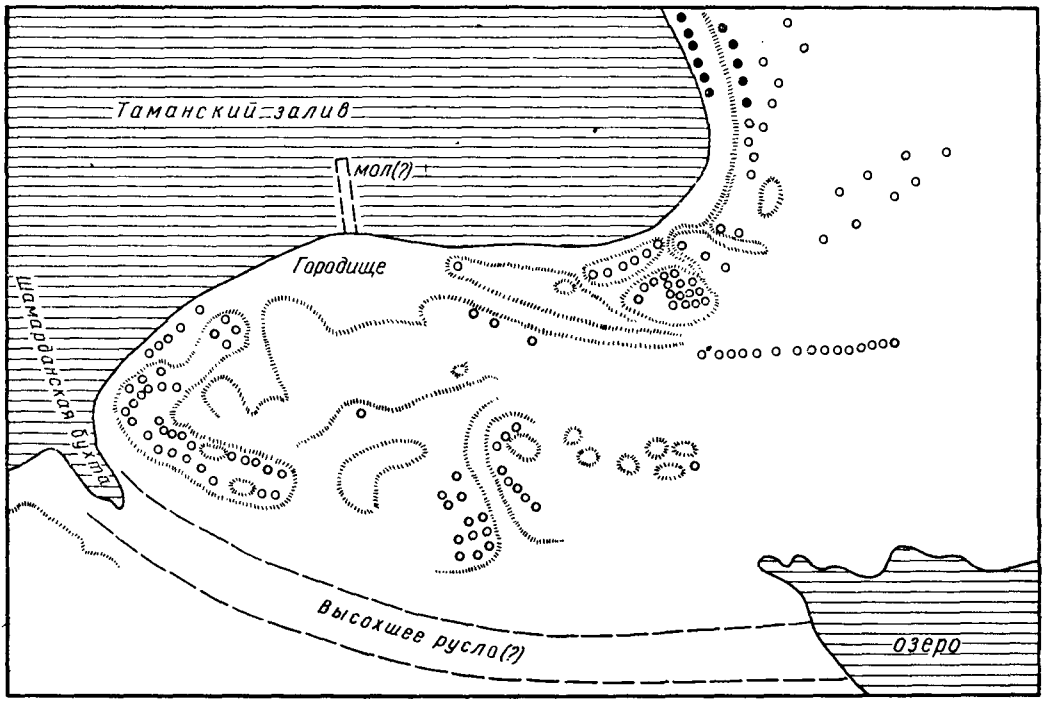


Рис. 4. Топографический план Фанагории и окрестностей по М. О. Поночевному.

чены и учтены. Подобная топография курганов уникальна как для Северного Приазовья, так и для Причерноморских степей. Для топографии степных курганов характерны две следующие закономерности: курганные цепочки, как правило, располагаются вдоль края надпойменной террасы или же вытягиваются по водоразделу [47]. В нашем случае три «луча» из четырех почти перпендикулярны пойме реки. Необычен и четкий ритм в расположении курганов и удаленности друг от друга, что, по-видимому, свидетельствует о том, что «курганные аллеи» есть ничто иное, как курганный некрополь, устроенный вдоль дорог.

Подобное явление отмечалось и близ Ольвии. Вот что писал по этому поводу А. Н. Карасев: «Ни один курган не находится на дорогах и не заходит полой за бровку дорог. Очень часто по обе стороны дороги можно наблюдать расположенные в один ряд курганы, образующие как бы аллеи курганов» [48] (рис. 3). В окрестностях Фанагории К. Герц описывает аналогичную картину: «Курганы тянутся или длинными рядами вдоль берега залива, или идут, отправляясь от города, как от центра, в разных направлениях аллеями..., ...они расположены по обеим сторонам больших дорог, как каменные и мраморные гробницы на Аппиевой дороге в Риме или на улице гробниц, которая вела из Помпеи в Геркуланум» [49]. М. И. Ростовцев считал, «что в Фанагории господствующей формой погребения в раннее время было погребение под курганами, каждый из которых был семейной усыпальницей. Курганы эти располагались, как это давно уже замечено, правильными рядами вдоль дорог...» [50] (рис. 4). Для некрополя Херсонеса А. Н. Щеглов отмечает расположение могил также вдоль дорог, хотя здесь могилы не имели насыпей и размещались по четыре-пять рядов по обе стороны дороги [51].

Традиция хоронить вдоль дорог характерна для античных городов Северного Причерноморья и материковой Греции, примером тому являются и Афины [52]. Эту же традицию, как видно, сохранило и население Кремн, что свидетельствует о стабильности и долговременности существования эмпория. Примечательно, что курганные аллеи —

цепочки, сооруженные вдоль древних дорог,— соответствуют и современным дорогам, выходящим из сел Ботиево — Строгановка [53], что косвенно указывает на длительное, а возможно, и почти непрерывное существование населенного пункта [54].

Гавань. Большинство попыток локализации эмпория Кремны сводилось к поиску удобной гавани. На северном побережье Азовского моря естественных гаваней в настоящее время почти нет. Однако следует учитывать особые гидрологические условия Азовского моря. Благодаря доминирующим восточным и северо-восточным ветрам, которые, с одной стороны, способствуют образованию уходящих в море кос, с другой — занесению реками собственного устья. Поэтому «вполне вероятно, что в районе с. Ботиево,— писал известный советский океанолог В. П. Зенкович,— в древности существовал лиман, или небольшой залив, в который впадала р. Корсак и который сама же заполнила своими наносами» [55]. Судя по современному заболоченному участку устья, залив вклинивался в сушу на глубину 4—5 км при ширине до 2 км.

Динамика берегов Азовского моря, как и проблема его обмеления, волновали человека давно, хотя следует заметить, что опасения в значительной степени были преувеличены. Аристотель в «Метеорологии» отмечал: «Даже побережье Меотийского озера вследствие речных наносов настолько увеличилось, что ныне входят туда для работы суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет тому назад, из этого легко сообразить, что и оно, подобно многим озерам, первоначально обязано своим происхождением рекам, и что в конце концов ему суждено всему высохнуть» [I, 14, 29] [56]. Почти через два века после Аристотеля Полибий сообщает: «Занесение Меотиды представляет уже осуществившийся факт: глубина ее в наибольшей части достигает только пяти или семи оргий, почему и плавание по ней уже невозможно для больших судов без лоцмана» [IV, 40, 8] [57]

Очертания бухты в устье р. Корсак хорошо видны на лоции 1833 г., составленной Е. Манганари и приложенной к книге «Обмеление Азовского моря» [58]. Бухта окружена курганами, что тоже выделяет это место на северо-западном побережье Азовского моря (рис. 5). Здесь же приведены глубины моря близ интересующего нас участка: в 1803 г. они составляли 17 футов (5,18 м), а в 1702 г.—20—22 фута (6,09 м и 6,07 м).

По данным подводно-археологического отряда Запорожского музея, работавшего в 1983 г. близ с. Ботиево, глубина моря в 0,4 км от берега равна 4 м, а в 1 км — около 6 м [59].

Дополнительным аргументом в пользу версии о существовании морского залива у с. Ботиево могут служить находки большого количества морских раковин, встреченных авторами во время разведки 1983 г. в отвалах дренажных траншей, проложенных в заболоченном устье р. Корсак.

Таким образом, акватория близ устья р. Корсак вполне благоприятна для судоходства, даже глубокосидящие суда могли подходить близко к берегу.

Следы поселения. По данным разведки 1949 г., проведенной под руководством Б. Н. Гракова, в устье р. Корсак и выше его, т. е. в окрестностях с. Ботиево, зафиксировано четыре пункта, расположенных близко друг от друга (100—150 м), где встречалась лепная керамика эпохи бронзы и скифского времени и фрагменты эллинистических и римских амфор, мощность культурного слоя местами достигала 0,25 м. Наиболее крупный пункт — № 21 — находится к северу от села, в 1,25 км от пересечения дорог — лучей и «занимает несколько гектар и едва на 1,5—2,0 м возвышается над речным руслом». Среди подъемного материала найдено много обломков костей животных, и «одна продольно расколотая бабка лошади, что столь обычно для акрополя Каменского городища» [60].

Курганное окружение с. Ботиево пока не исследовано, за исключением одного кургана высотой 5,6 м, расположенного в 4—6 км к северу от центра села. Это курган, раскопанный Н. И. Веселовским у с. Владимировка, датируемый V в. до н. э.[61]

В пользу нашего варианта локализации говорит еще и название эмпория — Κρημνοί — в переводе с древнегрече-

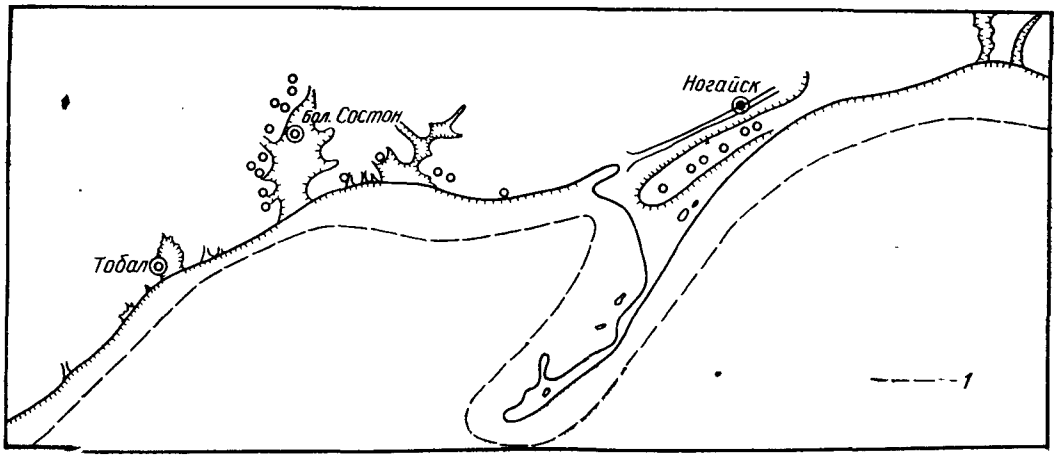


Рис. 5. Участок побережья Обиточного залива по лоции 1833 г. Е. М. Манганари.

ского означает «кручи». Клифф к западу от устья р. Корсак достигает высоты 36 м, что на участке побережья от г. Геническа до Обиточной косы является максимальной высотой [62]. Тогда как максимальные высоты берегового обрыва близ устья р. Домузла, где помещает Кремны Б. А. Рыбаков, достигают всего 8 м [63]. По данным разведки Б. Н. Гракова, близ устья р. Домузла встречена лишь позднесредневековая керамика [64]. Отсутствуют здесь и другие элементы палеотопографии, указывающие на следы поселения, все это противоречит локализации Кремн в этом месте. Следовательно, следует пересмотреть отождествления Б. А. Рыбаковым птолемеевых наименований для побережья Обиточного залива. Они должны коснуться р. Агар и рощи «Рыболовля бога». Поскольку мы предполагаем размещение эмпория Кремны на р. Корсак, в которой Б. А. Рыбаков видел р. Агар, то Агар следует отождествлять с р. Лозоваткой. Кстати, в верховьях р. Лозоватки находится ряд денудативных останцов, самый высокий среди которых — гора Корсак (высота 132 м), возможно, в них и следует видеть следы «Лагеря Дария», тем более что с точки зрения обороны эти высоты более удобны, чем ровная степь.

Разделяя отождествления Б. А. Рыбакова в отношении р. Лик — Обиточной и мыса Агар — Обиточной косы, священную рощу «Рыболовля бога», находящуюся между устьями рек Агар — Лозоватка и Лик — Обиточная, мы склонны помещать в районе слабовыраженного безымянного мыса. Этот мыс, сложенный из песчаных наносов, чередующихся со слоями морской травы, предохраняет коренной берег от волновой эрозии. В результате этого здесь образовался нетипичный для побережья участок рельефа с задернованными склонами коренного берега и группой вековых деревьев у самого моря. Найденные здесь фрагменты амфор римского времени [65], а также курган, находящийся на краю террасы коренного берега, указывают на древность этого урочища, а благоприятные условия для рыбной ловли (обилие морской травы и мелководье) наталкивают на мысль о правомочности локализации священной рощи «Рыболовля бога» в данном месте, тем более, подчеркиваем еще раз, это место на побережье уникально.

Все вышеизложенные аргументы говорят в пользу выдвинутого авторами тезиса, что Кремны следует локализовать в районе современного с. Ботиево, расположенного в устье р. Корсак.

[1] Здесь и далее цитируем по: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота.— М., Наука, 1982.

[2] Две взаимодополняющие подборки литературы по этому вопросу помещены: *Kothe H.* Der Skythenbegrff bei Herodot // Klio.— 1969.— Bd. 51.— S. 23,3; *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Указ. соч.— С. 242—243.

[3] *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия.— М., Наука, 1979.

[4] *Westberg F.* Zur Topographie des Herodot // Klio.— 1904.— Bd. 4.— S. 183.

[5] *Брун Ф.* Черноморье.— Одесса, 1880.— Ч. 2.— С. 52.

[6] *Minns E.* Scythians and Greeks.— Cambridge, 1913.— P. 21.

[7] *Середонин С. М.* Историческая география.— Пг., 1916.— С. 30.

[8] *Жебелев С. А.* Скифский рассказ Геродота // Жебелев С. А. Северное Причерноморье: Исслед. и ст. по истории Сев. Причерноморья ант. эпохи.— М.: Л., 1953.— С. 330.

[9] *Kothe H.* Op. cit.— S. 23.

[10] Там же.

[11] *Latyshev W.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini: IOSPE.— Petropoli, 1890.— Карта.

[12] *Völcer K.* Mythische Geographie der Griechen und Römer.— Leipzig, 1852.— 1. T.— S. 182.

[13] *Reichardt C.* Landeskunde von Skythien nach Herodot.— Halle, 1889.— Karte 2.

[14] *Minns E.* Op. cit.— Map. 4.

[15] *Kothe H.* Op. cit.— S. 23.

[16] *Граков Б. Н.* Скифы.— М., 1971.— С. 16.

[17] *Neumann K.* Die Hellenen im Skythenlande.— Berlin, 1855.— S. 541.

[18] *Stein H.* Herodotos.— Berlin, 1869.— Bd. 2.

[19] *Kiepert H.* Never Atlas von Hellas und den Hellenishen colonien.— Berlin, 1879; *Бондарский М. С.* Античная география.— М., 1953.— Карта.— С. 22.

[20] *Мищенко Ф. Г.* Геродот. История: В 9-ти кн.// Пер. с древнегреч.— М., 1886.— Т. 2 — Указатель — С.

[21] *Браун Ф. А.* Розыскания в области готославянских отношений.— Спб., 1899.— С. 238.

[22] *Борисов В.* Карта Сарматии — нынешней России: С прилегающими частями Скифии — Сибири.— Спб.— Вып. 3.

[23] *Kothe H.* Op. cit.— S. 24.

[24] *Rawlinson G.* History of Herodotus.— London, 1875.— Bd. 4.

[25] *Kothe H.* Op. cit.— S. 24.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] *Козуб Ю. И.* Кремны // Рад. енцикл. історії України.— 1970.— Т. 2.— С. 502.

[29] *Надеждин Н.* Геродотова Скифия. объясненная через сличение с местностями // ЗООИД.— 1844.— Т. 1.

[30] *Kothe H.* Op. cit.— S. 24.

[31] *Lhardy B. H.* Herodotos.— Leipzig, 1836.— Bd. 2.— Fig. 127.

[32] *Kretschmer K.* Scythae.— Pauly's Real-Enciclopädie der classischen Altertuswissenschaft.— Stuttgart, 1923.2 A.— S. 930.

[33] *Kothe H.* Op. cit. S. 24.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] *Baer K. E.* Historische Fragen mit Hilfe der Naturwissenschaften beantwortet.— St-Petersburg, 1873.— T. 3.— S. 67.

[37] *Gutschmid A.* Die Scythen.— Leipzig, 1892. Bd. 3, S. 424.

[38] *Chica D. I.* Istoriile lui Erodot.— Bucureşti, 1902.— Vol. 4.— S. 28.

[39] *Zbořil J.* Herodotova Skythie a sousede // Slovenská Archeólogia.— 1957.— T. 7.— S. 365.

[40] *Kothe H.* Op. cit.— S. 24.

[41] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч.— С. 58—59.

[42] Благодарим за консультацию М. В. Скржинскую: см. также: *Анохін В. О.* Торгівля і грошовий обіг // Археологія Української РСР.— К., 1971.— Т. 2.— С. 424.

[43] Там же.

[44] Пользуемся «Таблицей расстояний по карте Птолемея», приложенной к кн.: *Браун Ф. А.* Указ. соч.— С. 361. О величине стадия см.: *Черненко Е. В.* Поход Дария в Скифию // Древности степной Скифии.— К., 1982.— С. 14.

[45] Вопрос отождествления упомянутой у Геродота р. Герр остается спорным; под птолемеевым Герросом почти все исследователи понимали р. Молочную. На русских картах прошлого века р. Геррос соответствует р. Молочной. См. напр. упомянутую выше карту Борисова, а также «Карту полуострова Таврического и около лежащих мест» [ЦНБ АН УССР.— Инв. № 13847]; *Граков Б. М.* Скіфи.— К., 1947.— Рис. 1.— С. 8; Археологія Української РСР.— Т. 2, карта 3.

[46] *Браун Ф. А.* Указ. соч.— С. 238.

[47] *Отрощенко В. В., Болтрик Ю. В.* Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины.— К., 1982.— С. 39, 44.

[48] *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // МИА.— 1956.— № 50.— С. 32; *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. е.— К., 1974.— С. 7.

[49] *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова.— М., 1870.— С. 94. О курганах вдоль дорог у Фанагории см.: *Поночевный М. О.* Географический очерк Боспорского царства // Кубан. сб.— Екатеринодар, 1891.— Т. 2.— С. 29.

[50] *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор.— Л., 1925.— С. 265.

[51] *Щеглов А. Н.* Некрополь у Песчаной Бухты близ Херсонеса // КСИА.— 1975.— Вып. 143.— С. 109.

[52] *Велишский Ф. Ф.* Быт греков и римлян.— Прага, 1878.— С. 615; Atlas zu Kruse Hellas.— Halle, 1825.— Pl. 3.

[53] Разведкой Приазовской экспедиции 1983 г. установлено, что западная дорога запахана, благодаря чему цепочка курганов сохранилась почти полностью, вдоль остальных дорог часть курганов поглощена насыпью дороги при расширении их проезжей части в недавние годы.

[54] По данным, приведенным в кн.: Історія міст і сіл Української РСР: Запорізька область.— К., 1970.— С. 614, на месте с. Ботиево до 1862 г. существовал ногайский аул Улькен — Сасик — Богун. Обращает на себя внимание перевод наименования аула — «Умерший — гнилой узел (веревка)».

[55] *Зенкович В. П.* Берега Черного и Азовского морей.— М., 1958.— С. 165.

[56] *ВДИ.*— 1947.— № 2.— С. 324.

[57] Там же.— № 4.— С. 186.

[58] *Обмеление* Азовского моря // Прил. к морскому сб. № 5.— Спб., 1861.

[59] Благодарим руководителя отряда Лукьянова В. А. за предоставленную информацию.

[60] *Граков Б. Н.* Отчет Скифской степной экспедиции за 1949 г. // НА ИА АН УССР.— Инв. № 1949/16.

[61] *Яценко И. В.* Скифские погребения близ Ногайска // ВДИ.— 1956.— № 1.— С. 163—164.

[62] По данным разведки, проведенной С. Б. Буйских в 1983 г.

[63] Там же.

[64] *Граков Б. Н.* Отчет Скифской степной экспедиции за 1949 г.

[65] Материалы разведки Приазовской экспедиции ИА АН УССР 1983 г. Определения амфор сделаны С. Б. Буйских.

С. Я. Ольговский

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Среди археологов прочно утвердилось мнение об исключительной роли Каменского городища, как единственного политического и ремесленного центра степной Скифии, мастера которого обеспечивали едва ли не все кочевое население степи металлическими изделиями.

На памятник обратили внимание еще в конце XVI в. Но только в середине XIX в. его начали посещать археологи, однако исследование ограничивалось лишь визуальными осмотрами и сбором подъемного материала. Мнений относительно интерпретации городища высказывалось много. Его датировали и скифским, и средневековым временем, отождествляли с птоломеевыми Серимом и Азагарионом. Исчерпывающую информацию по историографии Каменского городища приводит Б. Н. Граков [1]. Особенно он выделяет сведения исследователей прошлого столетия — геолога В. В. Соколова и учителя с. Каменка Д. Я. Сердюкова, которые в результате сборов подъемного материала и шурфовки памятника получили обширный материал, свидетельствующий о ремесленной специализации Каменского городища. Планомерное исследование городища начала экспедиция Никопольского краеведческого музея в 1938 г., а с 1944 по 1952 г. продолжила Степная скифская экспедиция ИИМК под руководством Б. Н. Гракова. Результаты исследований экспедиции изложены в ряде статей [2], а затем обобщены в известной работе Б. Н. Гракова [3]. В результате работ этой экспедиции был получен материал, позволивший Б. Н. Гракову считать установленным, что металлургия меди и железа, а также обработка черных и цветных металлов были основным занятием жителей Каменского городища на Днепре [4]. Ранее Б. Н. Граков отмечал, что Каменское городище — это постоянное поселение мастеров — металлургов по преимуществу [5]. На основании какого же материала доказывается положение о первостепенной роли металлургии и металлообработки в жизни его обитателей?

Выводы о наличии черной металлургии и кузнечного ремесла сделаны на основании обнаружения нескольких фрагментов [6] и одного целого горна [7], нескольких находок кусочков болотной руды, железных криц, шлаков. Из кузнечных инструментов известны молот-пуансон и 24 железных пробойника и зубила [9]. О металлургии меди, по мнению Б. Н. Гракова, свидетельствуют литейные шлаки меди, куски металлической меди, капли, пластинки со следами распиливания, литники, обломки тиглей, льячек со следами медной окиси [10].

Несомненно, описанные находки уникальны и выделяют Каменское городище среди прочих степных памятников скифского оседлого быта. Но свидетельствуют ли они о металлургии железа и меди, т. е. непосредственной добыче металла из руды?

Упомянутый выше горн в плане имел форму неправильного четырехугольника. Его размеры наверху 1×1, внизу 1,35×1,35, высота 0,7 м. Форма горна уникальна, до сих пор среди металлургических горнов подобных находок не обнаружено. Но мог ли он служить для получения железа? Перекаленность глиняных стенок и отсутствие шлаков [11] свидетельствуют о том, что в нем

могли лишь нагревать металл перед ковкой и плавить в тиглях медь. Шлак на Каменском городище встречается только в виде небольших кусков, которые могли быть отходами кузнечного, а не металлургического производства. К сожалению, в настоящее время нет возможности более полно исследовать эти шлаки с привлечением естественнонаучных методов для выяснения их происхождения. Но несмотря на это, можно сделать вывод, что на Каменском городище мы имеем дело только с обработкой железа, то есть с кузнечным ремеслом. Находки болотной руды, упоминающиеся в отчетах Б. Н. Гракова, также не противоречат таким выводам. Кузнец, не являясь металлургом, мог получать в небольших количествах железо из болотной руды так называемым тигельным способом в кузнечном горне. Но основная масса железа поступала к каменским кузнецам в виде товарных криц из горно-металлургических центров. И здесь прав Б. Н. Граков, выделяя как источник сырья Криворожский бассейн [12].

Нет никаких оснований говорить и о медной металлургии на Каменском городище. Во-первых, самый близкий источник меди для каменских ремесленников — это Донецкий бассейн, где добывалась медь в позднебронзовом веке. В скифское же время никаких находок, свидетельствующих о мededобыче, не обнаружено [13]. Вообще из горно-металлургических центров обычно доставляли сырцовый металл, а не руду. Во-вторых, все перечисленные Б. Н. Граковым находки, свидетельствующие якобы о наличии металлургического производства, на поверку являются показателем всего лишь обработки меди и сплавов на ее основе.

Таким образом, ремесленное производство Каменского городища на Днепре характеризуется только обработкой металлов. Впрочем, и в металлообрабатывающем производстве этого памятника, а также в топографии городища обращают на себя внимание некоторые противоречивые моменты.

Центральную часть городища составляет акрополь, обнесенный валом, остатки которого сохранились на северо-западной околице с. Велико-Знаменка. На территории акрополя никаких следов производственной деятельности не зафиксировано ни в результате работ Степной скифской экспедиции, ни в результате специальных поисков Историко-технической экспедиции ИА АН УССР в 1981 г.[14] Все остатки металлообрабатывающего производства, обнаруженные Б. Н. Граковым, концентрируются в районе Каменских кучугур, которые располагаются в нескольких километрах севернее и северо-восточнее от акрополя. Такая удаленность производственных комплексов от основной территории городища не может быть объяснена простой изоляцией ремесленников от центра поселения в целях избежания пожаров, что наблюдалось, например, в Ольвии. При такой удаленности поселения в кучугурах от акрополя между ними можно наблюдать довольно существенные отличия. Так, если на акрополе с самого основания культурного слоя в начале IV в. до н. э. при строительстве серьезную роль играл камень [15], то на кучугурах в основном строились столбовые и плетневые дома [16]. О постройках на кучугурах Б. Н. Граков пишет буквально следующее: «...так как жить в таком жилище зимой было невозможно, то нужно было бы ожидать остатков глиняной обмазки. Никаких, даже минимальных следов ее нет» [17]. Наряду со столбовыми и плетневыми жилищами на кучугурах обнаружены и землянки. Ни одна из них полностью не исследована. Тем не менее можно отметить очень большую площадь, которую они занимали — 150—200 м^2 [18]. Удивляет и то, что на поселении не обнаружено ни одного рабочего помещения. Все производственные комплексы находились за стенами построек [19], а значит, они не могли функционировать зимой.

Следует отметить и большую площадь, занимаемую Каменским городищем — 1200 га [20]. Это самая большая площадь из всех городищ и поселений скифского времени. Бóльшую занимал только комплекс Бельских городищ — 4020,6 га [21], но площадь каждого в отдельности городища не превышала те, которые занимали наиболее крупные кельтские оппидумы в Европе Кельхайм и Манхинг — 650 и 400 га [22].

Высчитывая же численность населения на Бельских городищах, Б. А. Шрамко пишет, что одно Восточное городище с площадью 65 га аналогично древнеримскому городу Помпеи с населением 20—30 тыс. человек [23]. Если даже принять во внимание неравномерное, очаговое заселение Каменских кучугур, то численность населения городища получается просто неправдоподобной.

Отсутствует на Каменском городище и некрополь. Б. Н. Граков пишет о небольшом количестве погребений на территории кучугур и недалеко от них, которые в большинстве своем относятся к позднесредневековому времени. Погребений, которые можно датировать скифским временем, очень мало и отношение их друг к другу и к городищу не ясно [24]. В сущности же, некрополь Каменского городища на Днепре не известен, несмотря на довольно тщательное исследование и самого городища, и его периферии.

И наконец, еще один, на первый взгляд не очень существенный вопрос. На Каменском городище не обнаружено ни одной литейной формы. В отчете о раскопках 1950 г. есть упоминание об обломке формы для отливки гривны или браслета, обнаруженной в верхнем слое [25]. Фотографии или прорисовки этой находки нет и это не дает оснований с полной уверенностью называть ее литейной формой. Кроме того, обнаружение ее в верхнем слое не дает возможности точно датировать и установить связь со скифским бронзо-литейным ремеслом. Так, по-видимому, считал и Б. Н. Граков, так как в разделе о металлообрабатывающем производстве он пишет, что литейных форм на Каменском городище не найдено, отмечая при этом неясность вопроса о литейных формах Скифии в целом и говоря, что последних известно немного — три-четыре каменные для отливки украшений и три медные для отливки наконечников стрел [26]. Не известны на Каменском городище и другие инструменты литейщика. У Б. Н. Гракова отмечена лишь одна находка узкой серповидно изогнутой железной пластины, которую он называет металлургической пилкой, однако сам отмечает проблематичность такого заключения знаком вопроса [27], а в другом месте называет эту находку серпом [28].

Вопрос о литейных формах на Каменском городище заслуживает особого внимания. Их отсутствие на городище нельзя оправдывать возможностью будущих находок. На фоне большого количества отходов бронзолитейного ремесла и готовой продукции литейщика, обнаруженных на Каменском городище, любая находка литейной формы или ее обломка будет выглядеть случайной, так как отсутствие таковых на городище стало закономерностью, которая требует подробного объяснения.

Наряду с Каменским городищем, в Северном Причерноморье известны скифские и греческие ремесленные центры с развитым бронзолитейным ремеслом. И хотя они возникли раньше, чем Каменское городище, бронзолитейное ремесло на них развивалось в одно время с каменским. Более того, в IV в. до н. э. на некоторых памятниках обработка цветных металлов достигла наивысшей степени своего равзития. В Ольвии, например, к моменту опубликования Б. Н. Граковым материалов Каменского городища было известно более сорока литейных форм IV—III вв. до н. э. Это наибольшее количество находок по сравнению с другими эпохами в истории Ольвии [29]. На березанском поселении основная масса литейных форм для изготовления украшений относится также к IV—III вв. до н. э.[30] На сельскохозяйственных поселениях ольвийской хоры, где обработка цветных металлов играла значительно меньшую роль, чем в Ольвии или на Березани, также известны находки литейных форм, относящиеся, правда, к V в. до н. э.[31] В лесостепной Скифии одним из крупнейших ремесленных центров было Бельское городище. Наряду со множеством отходов бронзолитейного производства, полуфабрикатов изделий и готовой продукции на этом памятнике обнаружено более 90 обломков литейных форм, как для литья в технике восковой модели, так и разъемных, для серийного производства [32]. Известны литейные формы и на Люботинском городище [33], поселениях Грищенцы [34] и Полковая Никитовка [35]. Кроме литейных форм, на Бельском городище известны и другие

инструменты литейщика — железный нашильник с остатками меди в насечке [36], бронзовая линейка [37].

Таким образом, Каменское городище является в определенной степени исключением среди прочих производственных центров Северного Причерноморья. Б. Н. Граков предполагает, что фрагментами литейных форм для отливки в технике восковой модели являются кусочки обожженой глины, обнаруженные в небольшом количестве в жилище при раскопках 1939 г.[38] Но сейчас известно достаточно таких осколков на других памятниках с отпечатавшимися на них фрагментами изделий, и фрагменты с Каменского городища не имеют с ними ничего общего. Примером могут служить обломки литейных форм с Суботовского городища чернолесской культуры [39], а также упомянутые фрагменты с Бельского городища.

Совокупность описанных признаков, а именно: значительная удаленность ремесленной части городища от акрополя, отсутствие в кучугурах долговременных жилых комплексов и специальных производственных помещений, отсутствие некрополя, а также тот факт, что на городище не обнаружено ни одной литейной формы, позволяет усомниться в непрерывности жизни и производственной деятельности ремесленников на Каменских кучугурах. В то же время описанные признаки позволяют провести параллель между Каменским городищем и Ягорлыцким поселением. Хотя время существования этих памятников различное — к моменту возникновения культурного слоя Каменского городища в IV в. до н. э. Ягорлыцкое поселение уже прекратило свое существование — все-таки типологические признаки этих памятников идентичны. Ягорлыцкое поселение также расположено в песчаных дюнах, ранее здесь протекал один из рукавов днепровской дельты, старица которого наблюдается и в настоящее время. В древности этот район был геродотовой Гилеей [40], поросшей густыми лесами. На Ягорлыцком поселении тоже отсутствуют долговременные жилые комплексы, а при массовости находок отходов бронзолитейного, кузнечного, стеклоделательного ремесел не обнаружено ни одной литейной формы. Отнесение А. С. Островерховым единственного обработанного куска мелкозернистого песчаника к литейной форме [41] весьма проблематично. Из инструмента литейщика обнаружены только обломки тиглей со следами медной окиси и медными наплывами.

По поводу Ягорлыцкого поселения уже высказывалось мнение, что мастерские этого памятника носят скорее сезонный характер [42]. Не сезонными ли были мастерские Каменских кучугур? Об этом свидетельствуют все перечисленные аргументы. Сезонное функционирование мастерских Каменских кучугур говорит о торговой направленности его экономики. Торговые контакты между греками и скифами имели место с VII в. до н. э., о чем свидетельствуют находки импортных изделий в лесостепных районах Скифии, которые с исчерпывающей полнотой картографировала Н. А. Онайко [43]. О путях доставки товаров из греческих городов-колоний в Скифию сейчас можно говорить только предположительно. Но несомненно, водный путь по Днепру играл при этом первостепенную роль. Путь по воде был более безопасен — он значительно уменьшал вероятность нападения на караван кочевников, а кроме того, давал возможность торговать без посредничества кочевников. Но серьезным препятствием для купцов и путешественников были днепровские пороги. Из-за них большие суда не могли проникать вглубь страны. Некоторые купцы с риском для жизни пытались добираться до мест назначения в небольших челнах. Об этом свидетельствует челн, найденный в торфянике р. Супой у с. Песчаное, вместе с набором бронзовой посуды и костяком мужчины, относящимся, по определению антропологов, к средиземноморскому типу [44].

Были в Скифии и сухопутные пути. О них пишет Геродот, хотя при этом отмечает, что проезжих дорог там (в Скифии.— *О. С.*) нет [45]. По всей видимости, дорогами в Скифии считались определенные отрезки расстояния между какими-либо ориентирами, например колодцами, водопоями. Ю. В. Болтрик не без оснований предполагает наличие торгового пути из Боспорского царства

в лесостепные области Скифии через брод-переправу в районе Каменского городища [46]. Переправа эта функционировала и в средневековое время [47]. К. К. Шилик предполагает, что сухопутные торговые пути с системой бродов играли более важную роль, чем водные в торговле греков-колонистов с номадами [48].

Расширение торговых связей между греками и скифами в IV в. до н. э. требовало более оптимального решения вопроса о месте торговых контактов. Это и обусловило возникновение сезонного торжища, легко допустимого для греческих и скифских торговцев. Каменские кучугуры были наиболее удобным местом для этого. Расположены они ниже днепровских порогов, тут же имеется переправа через Днепр, а значит, проходят традиционные сухопутные торговые пути.

Вновь возникшее торжище (часть городища, расположенная в кучугурах) функционировало в теплое время года. Об этом говорит отсутствие долговременных жилых комплексов, а также открытое устройство производственных комплексов. Торговля продолжалась, по-видимому, все лето, для чего в кучугурах строились столбовые и плетневые дома, служившие, как временным жилищем, так и складом для товара. Не случайно во многих постройках обнаружено до нескольких сотен черепков амфорного боя. Многие товары скифские мастера изготовляли на месте, для чего за стенами жилища устраивались открытые кузницы и бронзолитейные мастерские. Совместные находки отходов этих двух производств говорят, что были и мастера-универсалы, работавшие с черными и с цветными металлами. О широких возможностях временных мастерских по обработке металлов свидетельствует и то, что более поздние номады, например кочующие цыгане, за короткое время устраивали кузнечные горны и тут же торговали готовой продукцией. По-видимому, с таким типом торговли мы имеем дело и на каменских кучугурах, где не строили специальных производственных помещений, сооружали только заслоны от ветра. Образец такого заслона дали раскопки 1949 г.[49]

С завершением торгового сезона купцы и ремесленники разъезжались. Мастера при этом забирали весь инструмент, в том числе и литейные формы, а также обломки последних, чтобы дома по их образцу изготовить новые. Этим и объясняется практически полное отсутствие литейных форм и прочего инструмента на Каменских кучугурах. Таковы же причины отсутствия литейных форм и инструмента на Ягорлыцком поселении.

Активизация торговли между греческими городами-колониями и скифами и явилась одним из решающих факторов, обусловивших наивысший подъем Скифии в IV в. до н. э., и далеко не последнюю роль в этом сыграло сезонное торжище в Каменских кучугурах. Однако это не значит, что роль городища была решающей. Тем более нет никаких оснований для утверждения, что это была политическая столица Скифии эпохи Атея. Раскопки на кучугурах никаких свидетельств этому не дали, акрополь же исследован крайне недостаточно, а дальнейшее его исследование невозможно — большая часть акрополя размыта водами Каховского водохранилища.

[1] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА.— 1954.— № 30.— С. 32.

[2] *Граков Б. Н.* Никопольская экспедиция // КСИИМК.— 1947.— Вып. 21.— С. 73—74; *Граков Б. Н.* Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК.— 1947.— Вып. 22.— С. 38—47; Его же. О работе Степной скифской экспедиции // КСИИМК.— 1951.— Вып. 36.— С. 131—136.

[3] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре

[4] Там же.— С. 115.

[5] *Граков Б. Н.* Литейное и кузнечное ремесло у скифов.— С. 45.

[6] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— С. 194, 212, 229.

[7] Там же.— С. 187.

[8] Там же.— Табл. XVII, 7.— С. 205.

[9] Там же.— Табл. XVI, 1—11.— С. 205.

[10] Там же.— С. 115.

[11] Там же.— С. 188.

[12] Там же.— С. 125.

[13] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР.— М., 1976.— С. 17.

[14] *Бидзиля В. И., Недопако Д. П., Ольговский С. Я.* О работе Историко-технической экспедиции в 1981 г. // НА ИА АН УССР.— 1981/12, № 995.

[15] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— С. 63.

[16] Там же.— С. 60, 61.

[17] Там же.— С. 61.

[18] Там же.— С. 62.
[19] Там же.— С. 122.
[20] Там же.— С. 45.
[21] *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности.— Киев, 1973.— С. 111.
[22] Там же.— С. 111.
[23] Там же.— С. 111.
[24] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— С. 55, 56.
[25] Там же.— С. 230.
[26] Там же.— С. 123.
[27] Там же.— С. 124.
[28] Там же.— С. 195.
[29] *Фурманська А. І.* Ливарні форми з розкопок Ольвії // АП УРСР.— К., 1958.— Т. 7.— С. 40.
[30] *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев, 1966.— С. 137.
[31] *Рубан В. В.* Литейная форма с поселения Козырка — XV // СА.— 1979.— № 3.— С. 249.
[32] *Шрамко Б. А.* Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— С. 196.
[33] *Шрамко Б. А.* Нові дані про господарство скіфської епохи // Вісн. Харк. ун-ту.— 1966.— № 17: Сер. іст.— Вип. 1.— С. 79.
[34] *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ.— 1967.— Вып. Д1—4.— С. 11.
[35] *Моруженко А. А.* Скифская экспедиция // АО 1971 г.— М., 1972.— С. 332.
[36] *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление Бельского городища.— Рис. 4.— С. 89.
[37] Там же.— С. 89.
[38] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— С. 123.
[39] *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье.— Киев, 1961.— Рис. 77, 78.— С. 111.
[40] Геродот, IV, 18.
[41] *Островерхов А. С.* Обробка кольорових металів на античних поселеннях // Археологія.— 1981.— № 36.— С. 26.— Рис. 4—7.
[42] *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ.— 1980.— № 1.— С. 135.
[43] *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—II вв. до н. э. // САИ.— 1966.— Вып. Д1—27.— Рис. 4—7.— С. 42—45.
[44] *Ганіна О. Д.* Античні бронзи з Піщаного.— К., 1970.— С. 95.
[45] Геродот, IV, 136.
[46] *Болтрик Ю. В.* Об одном из вероятных торговых трактов Скифии // Актуал. пробл. археол. исслед. в УССР.— Киев, 1981.— С. 59—60.
[47] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— С. 58.
[48] *Шилик К. К.* Транспортные пути античного Северного Причерноморья // Материалы II Всесоюз. симпоз. по древ. ист. Причерноморья.— Тбилиси, 1979.— С. 87.
[49] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— С. 122—123.

С. В. Махортых

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СКИФО-КАВКАЗСКИХ КОНТАКТАХ

В истории Скифии выделяется несколько этапов, среди которых наименее изученным является первый этап — VII—VI вв. до н. э., соответствующий началу образования Скифии. Во всем многообразии точек зрения на истоки скифского культурного комплекса общим является признание его сложного, синкретического характера, требующего внимательного изучения скифских памятников за пределами степной зоны Северного Причерноморья, т. е. района будущего центра Скифии, где памятники архаических скифов крайне малочисленны.

Одной из областей значительного сосредоточения скифских памятников является Северный Кавказ. Помимо Прикубанья, они известны и в более восточных районах региона — Центральном Предкавказье и Северо-Восточном Кавказе, являясь надежным основанием для уточнения времени и характера пребывания скифов на Кавказе.

Деятельность на исторической арене Предкавказья ираноязычных племенных групп внесла определенные коррективы в судьбы многих племен Северного Кавказа. Испытывая разное по глубине и содержанию воздействие номадов, местные племена перенимали некоторые черты их культуры, в свою очередь подспудно действуя на своих северных соседей. Материальным подтверждением этих контактов является проникновение в быт аборигенов предметов так называемой скифской триады, наиболее ярко представленной образцами вооружения, поскольку скифы располагали совершенными по тем временам орудиями ведения войны, а как известно, новый тип оружия всегда

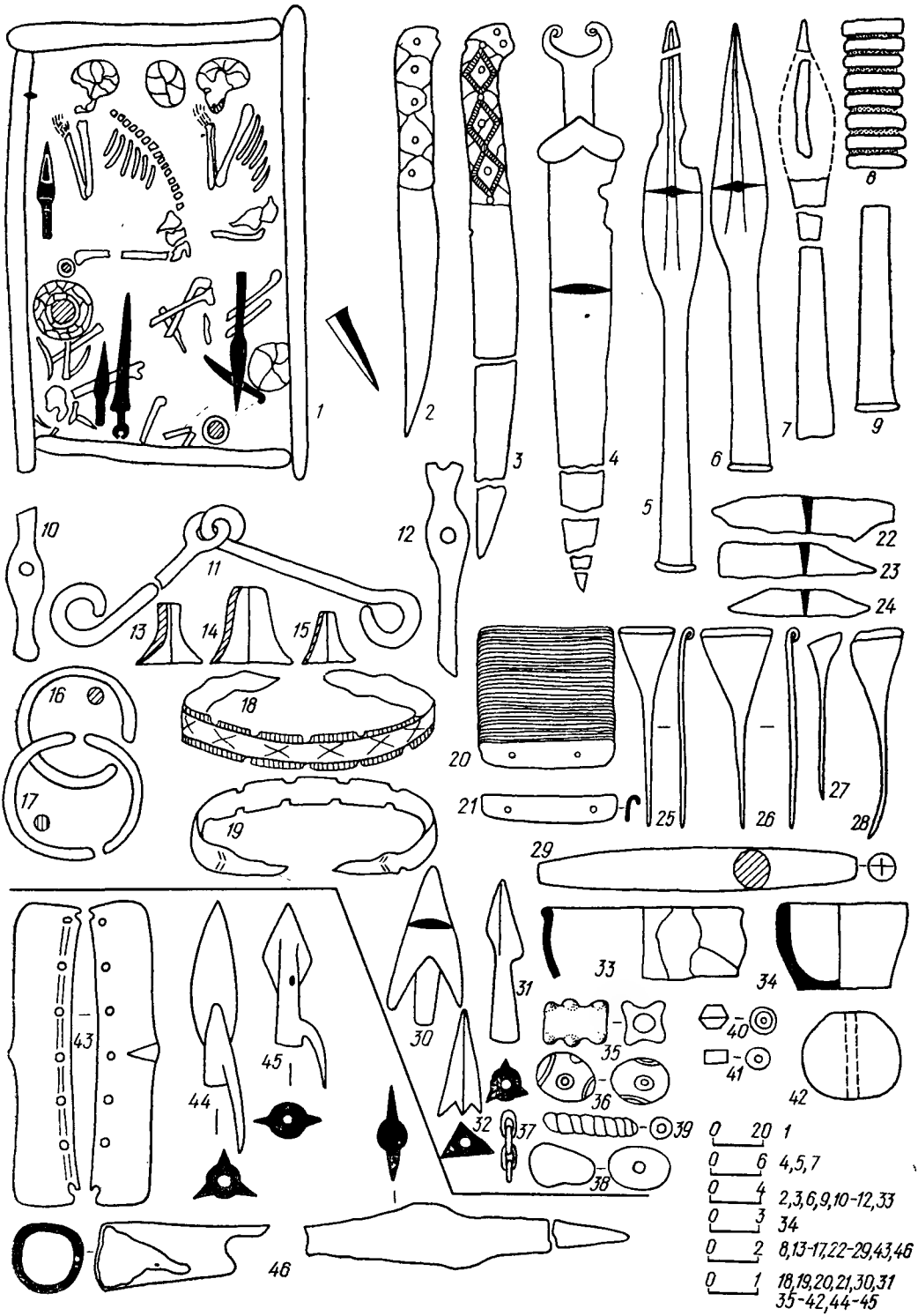


Рис. 1. Материалы скифского времени из погребения № 5 Ялхой-Мохкского 3-го могильника (*1—42*) и погребения у г. Аргун (*43—46*).

находил быстрое распространение во все времена и у всех народов. Таким образом, материалы местных, кавказских памятников, содержащие элементы скифской культуры, могут служить отдельным источником ее изучения. Достаточно красноречиво подтверждают это находки, выявленные изысканиями Предгорно-Плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета в последние годы [1]. Они и являются предметом нашего анализа.

Наконечники стрел.

а) Из разрушенного грунтового погребения в г. Аргун происходят два бронзовых наконечника стрел раннескифского типа. Один из них двухлопастной с ромбической головкой и длинным шипом на втулке; другой — также с шипом, но трехперый с головкой лавролистной формы (рис. 1, *44, 45*). Подобные наконечники хорошо известны в памятниках VII — начала VI в. до н. э. из Причерноморья и Кавказа [2]. Этой дате не противоречат и другие находки из рассматриваемого погребения: фрагментированный железный наконечник копья и прямоугольная бронзовая поясная пряжка с загнутым внутрь крючком и отверстиями для скрепления с поясом (рис. 1, *43, 46*).

б) Набор наконечников стрел из потревоженного курганного погребения под г. Малгобеком. Три наконечника из кости вытянутой формы имеют втулку, квадратную в сечении (рис. 2, *9—11*). Форма железного наконечника неопределима (рис. 2, *8*). Из 15 бронзовых наконечников, представленных трехлопастными и трехгранными образцами (рис. 2, *12—15*), 11 — короткие и четыре вытянутой формы. Концы лопастей под острым или прямым углом срезаны к выступающей втулке. Только у одного наконечника (с треугольной в плане головкой) лопасти срезаны вровень с основанием скрытой втулки (рис. 2, *12*). По классификации А. И. Мелюковой, он может быть датирован второй половиной VI — началом V в. до н. э.[3] На Северном Кавказе такие наконечники известны, например, в Султан-горском могильнике [4]. Этим же временем на основании близких аналогий, датируются и остальные наконечники данного колчана [5].

в) Интересны наконечники стрел из Ялхой-Мохкского могильника № 3. Представлены двумя типами. К первому относятся десять бронзовых трехлопастных наконечников следующих вариантов: шесть экземпляров вытянуто-удлиненных пропорций, треугольные или сводчатые в продольном сечении со слабо выступающей втулкой и остро обрезанными концами граней (рис. 2, *16—19, 22, 26*); четыре трехлопастных наконечника близких форм с различными рельефными изображениями — в виде расплывшейся буквы «Т», двух полосок-«елочек», крестообразными (рис. 2, *20—21, 24, 25*).

Высказано мнение, что легкие трехлопастные сводчатые стрелы с узкой головкой преобладали у савроматов Поволжья в конце VI—V вв. до н. э., откуда, вероятно, попали в Скифию и на Северный Кавказ [6]. Стрелы же с треугольной головкой более характерны для Северного Причерноморья, получили там наибольшее распространение с середины и второй половины V в. до н. э.[7] Этот вариант наконечников хорошо представлен в кочевнических погребениях Предкавказья VI—V вв. до н. э.[8] Стрелы с различным рельефным орнаментом, чаще всего крестообразным, по мнению Б. Н. Гракова, были типичны для Скифии с середины V в. до н. э.[9] Известны они и на савроматской территории, где чаще всего датируются V в. до н. э.[10] На Северном Кавказе подобные наконечники встречаются крайне редко, поэтому ялхой-мохкский набор заслуживает особого внимания.

Ко второму типу относится бронзовый трехгранный наконечник с острой треугольной головкой, опущенными шипами и выступающей втулкой (рис. 2, *23*) — отдел III, вариант 3 по А. И. Мелюковой; тип четвертый трехгранных наконечников по К. Ф. Смирнову. У кочевников южнорусских степей эти наконечники наиболее популярны с V в. до н. э.[11], на территории же бассейна Терека они немногочисленны и встречаются значительно реже, чем трехлопастные.

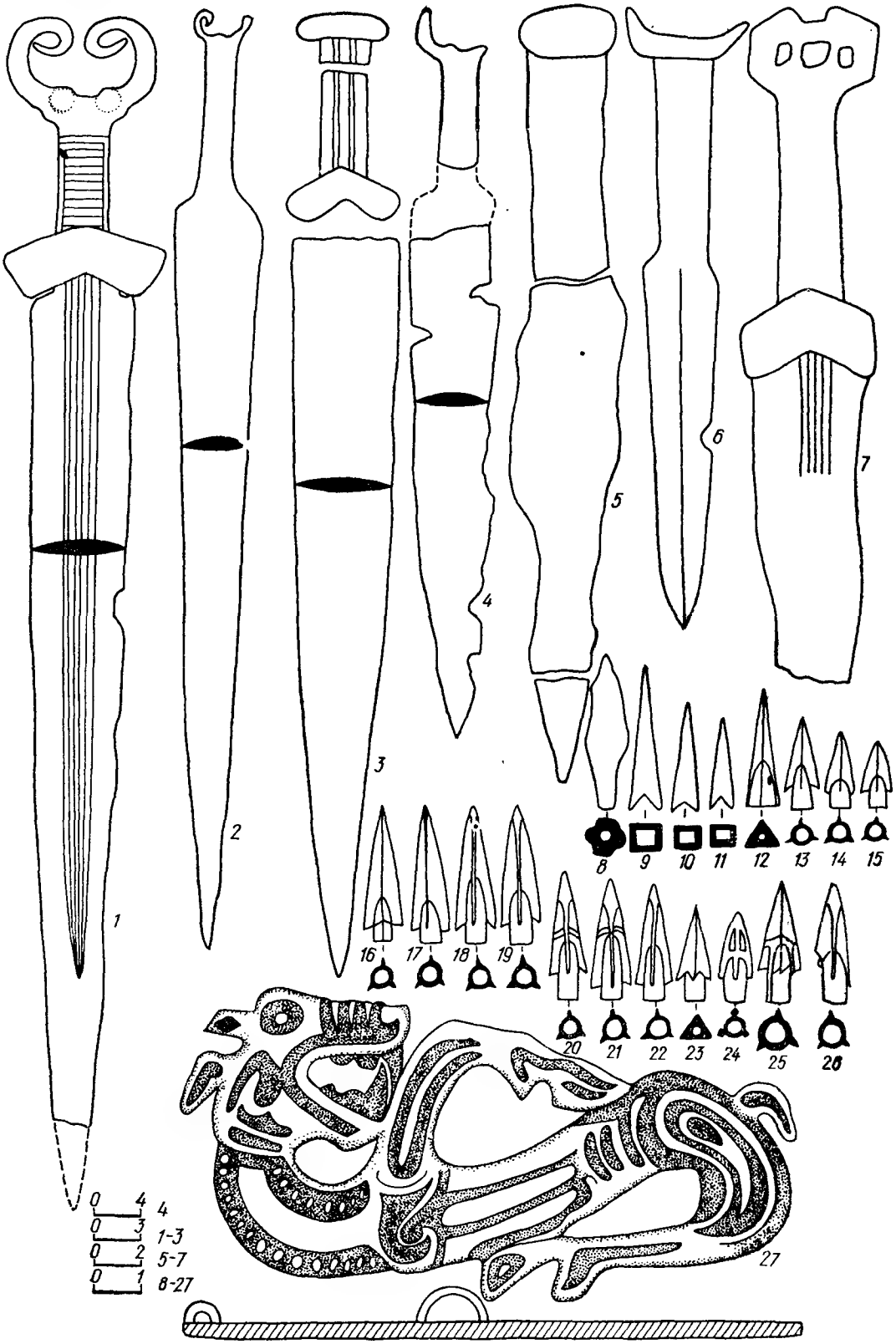


Рис. 2. Находки из Ялхой-Мохкского 3-го (*1—4, 7, 16—26*) и 4-го могильников (*27*) и Малгобекского кургана (*8—15*).

Мечи и кинжалы.

а) Фрагментированный железный кинжал из Пседахского 2-го могильника с брусковидным навершием и линзовидным в сечении клинком (рис. 2, *5*). Вероятно, это один из ранних образцов данного вида вооружения. На его архаичность указывает как несовершенство технического производства, так и брусковидное навершие, обычное для раннескифских и савроматских мечей VII в. до н. э.[12]

б) Из того же могильника происходит в качестве случайной находки железный кинжал (рис. 2, *6*). Немного расширяющаяся кверху прямоугольная рукоять в месте перехода в постепенно суживающийся книзу клинок образует подтреугольные плечики. Перекрестье, по-видимому, было, но не сохранилось. Рукоять венчается простым антенным навершием, окончания которого загнуты вверх.

На скифо-савроматской территории мечи этого типа датируются VI — первой половиной V в. до н. э.[13] Но наиболее близкие аналогии нашему мечу имеются на Северном Кавказе — из Пятигорска, Каррасского и Нестеровского могильников[14]. Все они сближаются формой навершия (в отличие от кочевнических образцов она не имеет загнутых внутрь окончаний антенн), наличием ребра на клинке, прямоугольной вытянутой рукоятью. Кроме того, у пятигорского и каррасского образцов отсутствуют перекрестья, как и у пседахской находки. По-видимому, эта группа кинжалов представляет местную модификацию кочевнических мечей и кинжалов с простыми антенными навершиями. Датировать ее следует, повидимому, самым началом VI в. до н. э.

Богатый набор железных мечей происходит из Ялхой-Мохкского 3-го могильника.

в) Железный меч с валютообразным навершием, бабочковидным перекрестием и местами фрагментированным линзовидным в сечении клинком из погребения № 5 (рис. 1, *4*). Его общая длина 68,2 см, ширина клинка у основании 8,6 см. На территории Скифии известные нам мечи этого типа происходят главным образом из Среднего Приднепровья, где датируются VI — началом V в. до н. э.[15] Этим же временем определяются они у савроматов Нижнего Поволжья[16]. На Северном Кавказе мечи, близкие ялхой-мохкскому, известны из Кисловодского могильника, окрестностей Нальчика, могильников Корца и Новогрозненского[17].

г) Из погребения № 6 происходит железный меч длиной около 60 см, ширина клинка у основания 6,6 см (рис. 2, *3*). Плоская рукоятка с двумя продольными бороздками снабжена слегка изогнутым брусковидным навершием и узким бабочковидным перекрестием. Боковые лезвия параллельны и постепенно сужаются к острию клинка. Время наибольшего распространения такого типа оружия — VI — первая половина V в. до н. э.[18] Эту дату подтверждает богатая коллекция северокавказских находок, особенно мечи из Лугового и Аллероевского 1-го могильников[19].

д) Массивный железный меч из разрушенного погребения имеет зооморфно оформленное навершие (валюты трактованы как пара когтей хищной птицы, в основании которых выпуклинами переданы глаза), (рис. 2, *1*). Его длина 69, ширина у основания 6,3 см. На рукояти с обеих сторон видны поперечные насечки. По лезвию линзовидного в сечении клинка идут шесть бороздок, которые соединяются в 9 см от края обломанного острия. По форме перекрестия, напоминающего сломанный под тупым углом брусок, наш меч сближается с савроматскими находками V в. до н. э. из Вольска и Осьмушкина[20]. Подобная форма перекрестия не чужда и северокавказским мечам, у которых она появляется одновременно или даже чуть раньше, чем у савроматских[21].

Два железных меча происходят из окрестностей Ялхой-Мохка как случайные находки.

е) Фрагментированный железный меч с сохранившейся частью зооморфно оформленной рукояти (рис. 2, *4*). Ширина клинка у предполагаемого перекрестия (как и у большинства рассмотренных выше мечей) значительна (6,8 см), что, по справедливому замечанию К. Ф. Смирнова, указывает на их связь с кавказскими бронзовыми мечами и кинжалами эпохи поздней

бронзы [22]. Датировать данный меч следует так же, как и меч из Ялхой-Мохкского 3-го могильника — V в. до н. э.

ж) Железный меч с обломанным клинком (рис. 2, 7). Его зооморфное навершие трактовано в виде пары когтистых лап, в три изгиба соединенных между собой поперечной перекладиной. Перекрестье оформлено в виде сломанного под тупым углом бруска. Клинок с параллельными лезвиями и выпукло-линзовидным сечением украшен пятью нарезными полосками. Подобный способ орнаментации Е. И. Крупнов сопоставил с желобчатыми известными кинжальными клинками кобанской культуры, что свидетельствует, вероятно, об их местном производстве [23]. Мы также разделяем эту точку зрения.

Исследователи единодушны, что такая модель оформления навершия характерна для скифского оружия V—IV вв. до н. э.[24] На территории Северного Кавказа мечей, подобных этому ялхой-мохкскому, как кажется, нет. Единственной аналогией можно назвать разве бронзовые обкладки рукояти урус-мартановского меча, которые изображают двух противостоящих зверей, чьи тела повторяют контур когтевидного навершия [25].

Особое место в рассматриваемой группе мечей и кинжалов занимают однолезвийные охотничье-боевые ножи из Ялхой-Мохкского 3-го могильника, которые подразделяются на два типа.

Первый тип представлен двумя ножами из погребения № 5 (вытянутой формы с прямой лезвийной частью и выгнутой спинкой), (рис. 1, *2, 3*). Их длина 33 и 42,6 см. Рукояти снабжены костяными (фрагментированными) накладками, крепившимися к основе с помощью железных заклепок. У одного из ножей она орнаментирована рядом «двойных» ромбов, пространство между которыми заполнено насечками. Окончания рукоятей загнуты в сторону, противоположную лезвийной части клинка и, по-видимому, имитируют голову хищника, подобно ножу из Аллероевского 1-го могильника [26]. Боевые ножи с костяным оформлением рукоятей, помимо Аллероевского 1-го могильника, представлены также в Луговом и некоторых других могильниках Чечено-Ингушетии [27]. В этом, по-видимому, проявляется влияние скифо-савроматского мира, где оформление рукоятей железных ножей костяными накладками обычно, начиная с VII в. до н. э.[28] Наши находки более поздние и датируются V в. до н. э., на что указывает весь состав богатого погребального инвентаря (рис. 1, *2—42*).

Появление же традиции зооморфного оформления рукоятей головой хищника восходит еще к эпохе поздней бронзы и связано, возможно, с Закавказьем. Так, в Трельском могильнике (погребение № 9) был найден бронзовый однолезвийный кинжал с бронзовой же рукоятью, заканчивающейся изображением хищника [29].

Второй тип представлен массивным ножом из погребения № 6 (рис. 3, 7). Длина сохранившейся части 26 см. Форма его серповидная с прямым лезвием и утолщенным бортиком вдоль спинки. Обломанная рукоятка, являющаяся продолжением клинка, сохранила следы костяных обкладок. Начиная с VII в. до н. э. этот вид оружия получает широкое распространение в Закавказье и на Северном Кавказе, являясь местным вкладом в комплекс вооружения древних обитателей названных регионов.

В числе случайных находок близ с. Ялхой-Мохк есть также и железный однолезвийный меч с несохранившейся рукоятью (рис. 3, *8*). Его длина 40,4 см. Клинок вытянутой формы с прямым лезвием и дуговидной спинкой. Вместе с находками из Лугового и Ханкальского могильников он пополняет коллекцию этого вида оружия на Северном Кавказе [30]. На оформление и распространение некоторых разновидностей могла повлиять греческая махайра, появившаяся в Северном Причерноморье в IV в. до н. э.[31] Но возникновение, очевидно, должно связываться с местными кавказскими прототипами, в частности рассмотренными выше однолезвийными охотничье-боевыми ножами. По аналогии с упомянутыми находками ялхой-мохкскую следует датировать V—IV вв. до н. э.

Следующую группу предметов составляют *железные втоки* от копий. Среди них втоки конической формы с заост-

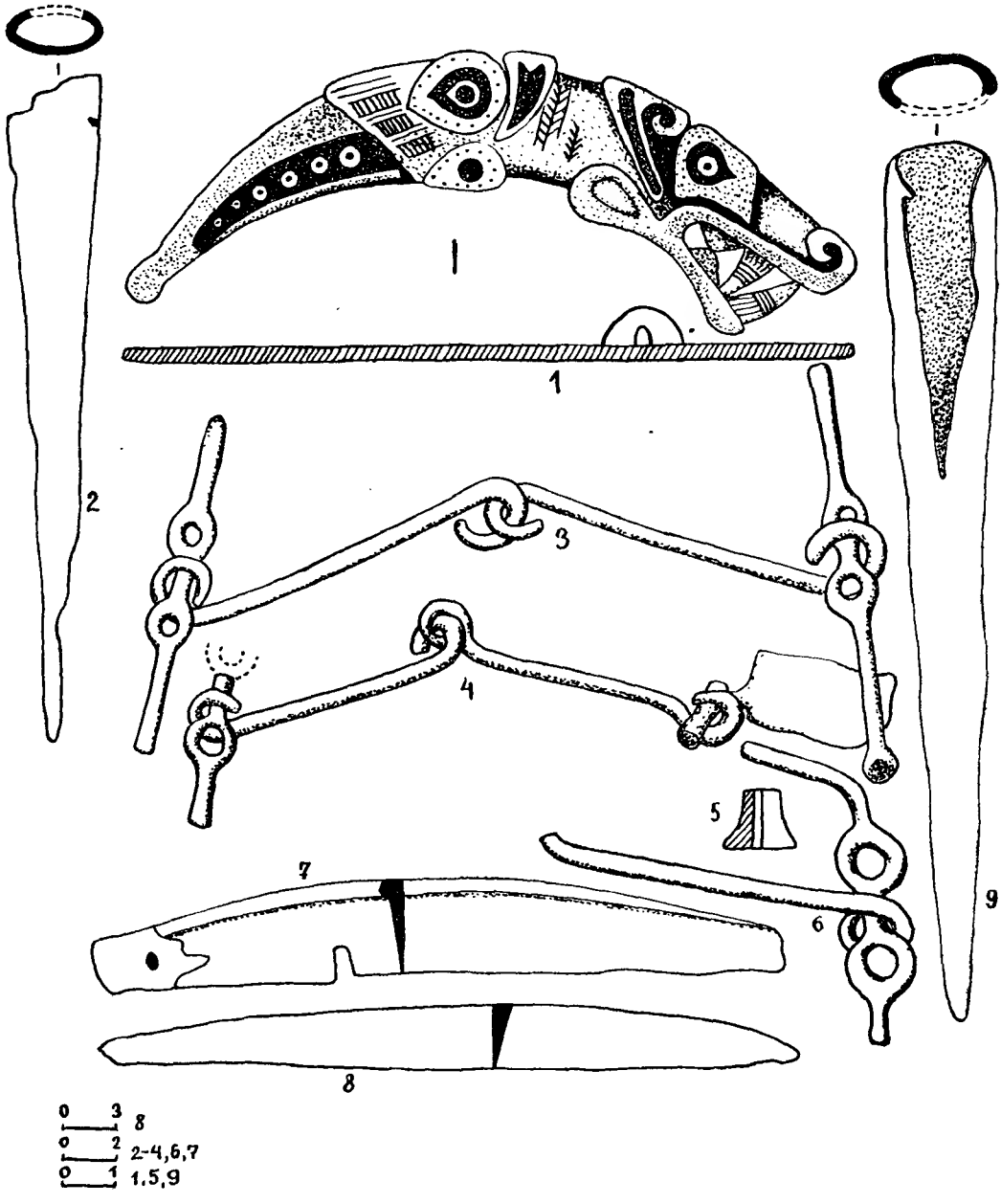


Рис. 3. Материалы из разрушенных погребений скифского времени на территории Чечено-Ингушетии.

ренным нижним концом (погребение № 6 Ялхой-Мохкского 3-го могильника, случайная находка из того же села), (рис. 3, *2*, *9*), и вток в виде простой цилиндрической трубки, нижний конец которой опоясан кольцом (погребение № 5 Ялхой-Мохкского 3-го могильника) (рис. 1, *9*).

Наиболее характерная форма этой принадлежности копья для Центрального и Северо-Восточного Кавказа коническая, причем самые ранние из них изготовлены еще из бронзы [32]. Находки, аналогичные ялхой-мохкским, хорошо известны в кобанских могильниках VI—V вв. до н. э. правобережья Терека (Исти-Су, Бойси-Ирзо, Аллерой), а также синхронных и смежных памят-

никах иных культур (Гойтинские курганы, Гунийский могильник) [33].

Втоком, вероятно, следует считать набор, состоящий из восьми железных колец, надетых на деревянную основу (скорее всего, древко копья). Найден он в погребении № 5 Ялхой-Мохкского 3-го могильника (рис. 1, *8*). Такое оформление рукояток было известно савроматам Нижнего Поволжья [34]. Но, возможно, этот вид втока — местного, кавказского происхождения, поскольку оформление рукояток топоров, посохов бронзовыми спиралями, а также кольцами известно здесь еще с предскифского времени [35].

Бронзовые пластинки, связанные с костюмом воина, встречены в погребении № 5 Ялхой-Мохкского 3-го могильника. Они прямоугольной формы, по краям имеют отверстия для закрепления на основе (рис. 1, *21*). Ширина пластинок 0,7—0,8, длина 2,8 см. Они плотно накладывались друг на друга (рис. 1, *20*). Незначительная толщина и хрупкость не позволяют говорить о них, как о выполняющих защитную функцию. Скорее всего, они просто нашивались на кожаную основу, служа своего рода наплечной портупеей — знаком отличия. Пластинки, аналогичные ялхой-мохкским,— редкая находка на Северном Кавказе [36], зато значительно чаще встречаются они у кочевников южнорусских степей [37].

С комплексом вооружения тесно связана и *конская узда*, представленная образцами из Ялхой-Мохкского могильника № 3 (в основном находки из разрушенных погребений).

Четыре пары железных удил изготовлены из круглого в сечении прута с загнутыми в кольцо концами. В крайние кольца продеты двудырчатые псалии, а внутренние соединены между собой, образуя законченную конструкцию (рис. 3, *3*).

От другого экземпляра сохранилось лишь одно звено с железным Г-образным двудырчатым псалием (рис. 3, *6*). Третий экземпляр аналогичен двум предыдущим, но конструкция псалий отличается тем, что конец у одного из них оформлен в виде лопасти (рис. 3, *4*). Еще одна пара удил происходит из погребения № 5 Ялхой-Мохкского 3-го могильника. Двучленные железные удила состоят из круглых в сечении стержней, концы которых загнуты в петли (рис. 3, *11*). Их сопровождали стержневидные двудырчатые псалии с обломанными окончаниями.

В этом же погребении были найдены бронзовые ворварки, по-видимому, связанные с конским убором. Все они усеченно-конической формы со сквозным отверстием (рис. 1, *13—15*). Из случайных находок происходит еще одна ворварка близкой формы (рис. 3, *5*).

Железные удила с петлями на концах появились на Кавказе уже в VII в. до н. э., но только через столетие широко вошли в быт как господствующая форма удил [38].

Широким разнообразием в древностях региона скифского времени отличаются псалии, которые в основном были двудырчаты, причем средняя часть их имела вид «восьмерки». Объясняется это тем, что начиная с V в. до н. э. псалии не привязывались, а вкладывались внутрь кольца удил [39].

Для Северного Кавказа характерны псалии Г-образной формы: они популярны до IV в. до н. э., в частности, в степных районах, а также и в плоскостных кобанских могильниках [40]. Прямые стержневидные псалии встречаются довольно редко и датируются в основном концом VI—V вв. до н. э.[41] В целом же по сравнению с предшествующим периодом в скифское время в аборигенных некрополях детали конского облачения встречаются реже, что, возможно, свидетельствует о сокращении роли всадничества в жизни коренного населения Северного Кавказа, находившегося в это время под политическим влиянием ираноязычных номадов [42].

Бронзовые ворварки находят наиболее близкие аналоги в савроматских памятниках VI—V вв. до н. э. из Поволжья и Южного Приуралья [43].

Вероятно, с парадно-боевым убранством коня следует сопоставлять и два замечательных изделия, оформленных в скифо-сибирском зверином стиле [44].

К деталям конской уздечки относится бронзовая подвеска-амулет, представляющая собой имитацию кабаньего клыка (рис. 3, *1*). Ее длина 13,8 см.

На тыльной стороне имеется петелька для подвешивания. Один конец подвески украшен оскалившейся мордой волкоподобного хищника, другой — головой грифона. Подобное сочетание часто встречается в савроматских памятниках Нижнего Поволжья VI—V вв. до н. э. и в лесостепной Скифии [45], откуда и заимствован на Кавказе этот сюжет.

Ялхой-Мохкская подвеска — третья находка подобного рода на Северном Кавказе и вторая в Чечено-Ингушетии. Она может быть датирована VI—V вв. до н. э. Конским налобником, вероятно, служила массивная бронзовая пластина в виде фантастического животного с перекрученной задней частью туловища из разрушенного погребения Ялхой-Мохкского 4-го могильника (рис. 2, *27*). Длина ее 13 см. На тыльной стороне имеются две петельки для подвешивания. Все туловище покрыто сплошной системой орнаментации, подчеркивающей мускулы животного. Плечевой пояс усилен схематичным изображением орлиного клюва. Техника изображения, а также трактовка и исполнение различных деталей фигуры хищника (на голове, впереди уха виден рог, лапы заканчиваются копытами, короткий олений хвост) не оставляют сомнений в том, что перед нами новый интересный образец предкавказского варианта скифо-сибирского звериного стиля, выполненный местными мастерами под непосредственным художественным воздействием племен лесостепной Скифии, Среднего Подонья и савроматов Поволжья и Приуралья [46].

На основании сопутствующего погребального инвентаря и по стилистическим признакам изображения ялхой-мохкский налобник датируется концом IV — началом III в. до н. э.

Наша публикация преследовала цель ввести в научный оборот новые материалы о составе вооружения и воинского убора обитателей Чечено-Ингушетии в скифское время. Эти материалы имеют важное значение для изучения собственно скифской культуры, которая является одним из источников их происхождения. Вместе с тем выше неоднократно была продемонстрирована продуктивная тенденция творческой переработки в конкретных условиях некоторых широко популярных типов изделий, заимствованных от ираноязычных номадов. Все это дополнительно раскрывает глубину и своеобразие скифо-северокавказских (в частности, и скифо-кобанских) контактов, которые не прекратились с окончанием эпохи переднеазиатских походов, а продолжали развиваться и дальше, в VI—IV вв. до н. э.

[1] Приношу сердечную благодарность начальнику экспедиции В. Б. Виноградову за возможность публикации выявленных материалов.

[2] *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту).— М., 1959.— С. 240; *Іллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія.— 1973.— № 12.— Рис. 2—3. С. 16—23; *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА.— 1974.— № 2.— Рис. 3, 19.— С. 201.

[3] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ.— 1964.— Д1—4.— С. 21.

[4] *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС—3.— Грозный, 1969.— С. 134.— Рис. 14, 25—26.

[5] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья.— Киев, 1968.— Табл. 27, *11—12*, 39, *9*.— С. 94; *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.— Киев, 1975.— С. 106; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ.— 1967.— Д 1—4.— С. 45; *Крупнов Е. И.*— Указ. соч.— рис. 48, *3*; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время.— Грозный, 1979.— Рис. 19, 8; 21; 26, 4; *Виноградов В. Б.* Новогрозненский кобанский могильник VI—V вв. до н. э. // АПЧИ.— Грозный, 1979.— Рис. 1, 26—27; 2, 3, 8.

[6] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— М., 1961.— С. 49, 69.

[7] *Мелюкова А. И.* Указ. соч.— С. 21.

[8] *Марковин В. И.* Скифские курганы у с. Гойты // СА.— 1965.— № 2.— Рис. 4.— С. 163; *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Указ. соч.— Рис. 7—9.— С. 127; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ.— Рис. 3, 13—14.— С. 319 и др.

[9] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА.— 1954.— Вып. 36.— С. 130.

[10] *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— С. 69; *Засецкая И. П.* Савроматское погребение у с. Никольское в Нижнем Поволжье // Скифы и сарматы.— Киев, 1977.— С. 218.

[11] *Мелюкова А. И.* Указ. соч.— Табл. V.— С. 19; *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— Табл. IV.— С. 52; *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности.— Киев, 1973.— Рис. 48, *2* и др.— С. 173.

[12] *Мелюкова А. И.* Указ. соч.— С. 47; *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кин-

жалы // Скифский мир.— Киев, 1975.— Рис. 21.— С. 29; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— С. 10.

[13] *Мелюкова А. И.* Указ. соч.— С. 60; *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— С. 17.

[14] *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли.— М., 1908.— Альбом, 161; *Крупнов Е. И.* Указ. соч.— С. 482; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— С. 335 и др.

[15] *Мелюкова А. И.* Указ. соч.— С. 55.

[16] *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— С. 19.

[17] *Замятин С. Н.* Отчет о работах на строительстве санатория КСУ в Кисловодске // Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг.— 1.— М.; Л., 1935.— Рис. 200, *3*.— С. 216; МАК.— 8.— М., 1900.— Табл. 77, *3*; *Виноградов В. Б.* Новогрознепский могильник...— Рис. 1, 17.— С. 26.

[18] *Мелюкова А. И.* Указ. соч.— С. 50; *Петренко В. Г.* Указ. соч.— С. 42.— Табл. 33, 1; *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— С. 12—15; *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья // САИ.— 1977.— Д 1—33.— С. 37.

[19] *Крупнов Е. И.* Указ. соч.— Рис. 47.— С. 281; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— Рис. 44, 1.— С. 360.

[20] *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— Рис. 3, *3—4*.— С. 103.

[21] *Мунчаев Р. М.* Археологические раскопки в Ассинском ущелье в 1956 г. // Известия ЧИРКМ.— 10.— Грозный, 1961.— С. 79; *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА.— 1941.— Вып. 3.— Рис. 6, *1*; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— С. 360, рис. 44, *1, 3*.

[22] *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— С. 14; *Виноградов В. Б.* К характеристике кобанского варианта в скифосибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— Рис. 1, *1*.

[23] *Крупнов Е. И.* Древняя история...— С. 281.

[24] *Мелюкова А. И.* Указ. соч.— С. 58; *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— С. 22; *Шилов В. П.* Ушаковский курган // СА.— 1966.— № 1.— С. 185 и др.

[25] *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Грозный, 1963.— С. 23—27; ДП.— Киев, 1900.— Вып. 3.— Табл. 55,а; *Смирнов К. Ф.* Указ. соч.— С. 19.— Рис. 3, *3*.

[26] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— С. 361.— Рис. 45, *1*.

[27] *Мунчаев Р. М.* Луговой могильник.— ДЧИ.— М., 1963.— С. 164.— Рис. 9, *6*; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— С. 229.

[28] *Ковпаненко Г. Т.* Памятники скифского времени на Ворскле.— Киев, 1967.— С. 87; *Шрамко Б. А.* Металеві знаряддя виробництва лісостепової Скіфії // Питання історії народів СРСР.— 1.— Харків, 1965.— С. 137; *Смирнов К. Ф.* Савроматы.— М., 1964.— С. 104; *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья...— С. 160.

[29] *Абрамишвили Р. М.* Археологические исследования на новостройках большого Тбилиси // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР.— Тбилиси, 1976.— С. 27.— Табл. 8.

[30] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— С. 108; *Мунчаев Р. М.* Луговой могильник.— С. 175.— Рис. 23, *13*; 27, *2*.

[31] *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир.— М., 1979.— С. 199—200.

[32] *Техов В. Б.* Скифия и материальная культура Центрального Кавказа в VII—V вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ.— Киев, 1980.— С. 260.— Рис. 9, *3*; 12, *7*.

[33] *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА.— М., 1950.— № 14.— С. 52.— Рис. 22, *2*; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— С. 375.— Рис. 59, *8* и др.

[34] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Д 1—9.— М., 1963.— С. 19.— Табл. 14, 15.

[35] *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.* Указ. соч.— С. 188.— Рис. 4, 9; *Трапш М. М.* Памятники колхидской и скифской культур в с. Куланурхва.— Сухуми, 1962.— С. 30.— Табл. 8, *3*.

[36] Бронзовые пластинки, напоминающие ялхой-мохкские, были встречены на Новогрозненском могильнике, но там они выполняли роль накладок на деревянную посуду (*Виноградов В. Б.* Новогрозненский могильник...— С. 28.— Рис. 1, *4*).

[37] *Черненко Е. В.* Скифский доспех.— Киев, 1968.— С. 58; *Манцевич А. П.* Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АС.— Л., 1973.— С. 34.— Рис. 9, *6-а*.

[38] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА.— 1953.— № 18.— С. 81; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— С. 82.

[39] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья.— С. 110.

[40] *Крупнов Е. И.* Указ. соч.— С. 265; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— С. 211.

[41] ДП.— Киев, 1899.— Вып. 2.— Табл. 18, 318; *Ильинская В. А.* Указ. соч.— С. 114.

[42] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ...— С. 130.

[43] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Указ. соч.— С. 29.— Табл. 16.

[44] Фотоизображения и рисунки см.: *Петренко В. А.* Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО.— 1977.— М., 1978.— С. 136; *Виноградов В. Б.* Зооморфные «превращения» в искусстве древних горцев // Природа.— 1979.— № 2.— С. 119.

[45] *Яковенко Э. В.* Клыки с зооморфными изображениями // СА.— 1969.— № 4 и др.

[46] *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо Восточного Кавказа.— Рис. 7, *3*; *Виноградов В. Б.* Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА.— 1970.— № 3.— С. 263.

Б. Н. Мозолевский

МАЛЫЙ ЧЕРТОМЛЫК

В 1978 г. при проведении топографической съемки останцов знаменитого скифского кургана Чертомлык, исследованного И. Е. Забелиным в 1862—1863 гг., среди отвалов из этого памятника нами был обнаружен небольшой курган, тщательно обойденный исследователем, несмотря на дополнительные трудности, возникшие из-за этого при раскопках Чертомлыка. На следующий год он был исследован Орджоникидзевской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством автора. Настоящая статья посвящена научной публикации и первичной исторической интерпретации материалов исследования этого небольшого, но во многих отношениях уникального памятника.

Курган стоял в 43 м к юго-востоку от полы Чертомлыка, едва выделяясь среди его отвалов (рис. 1; 2). Насыпь сферическая. Высота ее от уровня поля 1,78 — 2,3 м, от уровня древней поверхности — 1,9, диаметр 30 м. На вершине сохранилась воронка диаметром 4 и глубиной 0,4 м на месте грабительского хода. Северная пола была попорчена ямами новейшего времени, зато курган никогда не распахивался.

Памятник ракопан на снос с оставлением центральной бровки шириной 1,6 м по линии юг — север. Под насыпью на периферии кургана обнаружен кольцевой ров, в центре — единственная скифская гробница (рис. 3).

Насыпь (рис. 2; 4). Выкид при сооружении гробницы укладывался вокруг ее входной ямы подковой с разъемом в западной части. Ширина этой подковы 2,5—3,2, толщина до 0,48 м. Одновременно с сооружением гробницы вокруг нее стали возводить подковообразную же насыпь, для чего на расстоянии 10—12 м от гробницы и дальше подкапывался чернозем. Уровень снятия последнего понижался по мере удаления от гробницы, пока не достиг материка. Образовавшаяся за счет этого чернозема и суглинка подковообразная насыпь, перекрывшая выкид из могилы, имела диаметр 16—17 м. Ширина ее кольца 4—6, высота 0,6—0,7 м. Ширину разъема в западной части установить не удалось.

Вслед за снятием суглинка, постепенно углубляясь, продолжали подкапывать и материк. Линия его в 3—4 м от рва понижается до 0,2 м. Это понижение выравнивается уже за рвом, однако как далеко оно тянулось, установить практически не было возможности. Выйдя на отмеченный уровень, на дне образовавшейся таким образом широкой ложбины, опоясывавшей насыпь, выкопали ров. Вся глина, полученная при этом, была уложена не на внешние, а на внутренние склоны первичной черноземной подковообразной насыпи. Ее диаметр вследствие этого остался прежним, ширина же подковы увеличилась до 6—8, а высота до 1,25 м. В центре подковы оставалась воронка только над входной ямой гробницы. Покойник к ней был пронесен по оставленному в первичной насыпи коридору с запада. После совершения похорон и воронка и коридор были засыпаны, очевидно, черноземом: определить характер грунта точнее нельзя, так как вся эта часть насыпи оказалась разрушенной двумя грабительскими ходами. Первичный из них находился непосредственно над гробницей, вторичный — к северу от нее. В результате ограбления центральная часть кургана состояла из затечного чернозема с включением мелких камней и комьев глины.

Одновременно с оформлением центра подковообразной насыпи черноземом были подсыпаны и ее склоны, за счет чего насыпь достигла в диаметре 20—22,5 м. Наконец, понизу курган был облицован камнем, выбранным в XIX в. крестьянами из Чертомлыцких хуторов одновременно с крепидой Чертомлыка. Судя по оставшейся в насыпи крошке и отдельным камням, ширина кольца облицовки составляла около 2,5 м, верхний его край находился на высоте 1,2 м от уровня древней поверхности. На основании профилей кургана можно предположить, что первоначальная его высота была не менее 2,5—3 м. Линия погребенного чернозема под ним отчет-

Рис. 1. Малый Чертомлык. Вид с северо-запада.

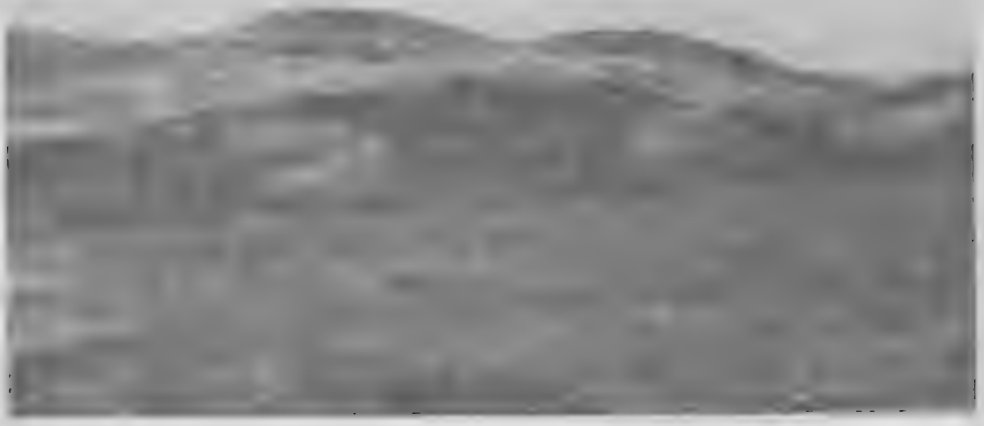


Рис. 2. Разрез кургана. Вид с востока. На дальнем плане — северный и юго-восточный останцы Чертомлыка.

ливо прослеживалась только в пределах подковообразной насыпи. По-видимому, сразу за ней начиналась выборка грунта для ее сооружения.

Полученные материалы позволили еще до расчистки гробницы сделать предположение, что курган был сооружен в V в. до н. э.— такая конструкция насыпей в районе г. Орджоникидзе до этого встречалась только в памятниках этого времени (Чабанцова, I и II Завадские, III Испанова Могилы [1] и целый ряд других менее выразительных курганов). С другой стороны, они дали возможность окончательно уточнить делавшиеся и ранее нами наблюдения относительно принципов сооружения насыпей курганов степных скифов, и в частно-

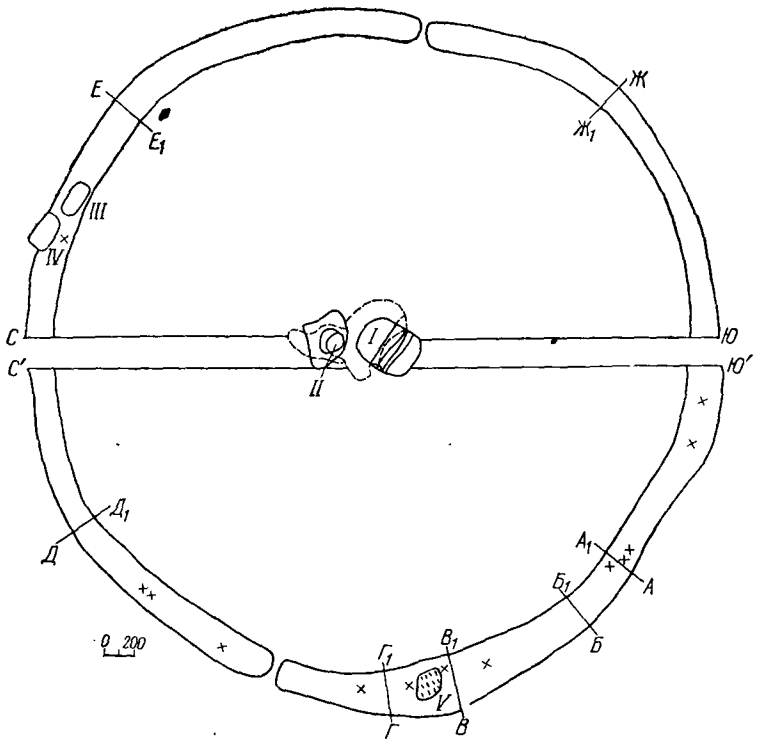


Рис. 3. Общий план кургана.

I — гробница, II — восточный грабительский ход, III, IV — погребения коней новейшего времени, V — камень во рву, х — места находок крупных костей.

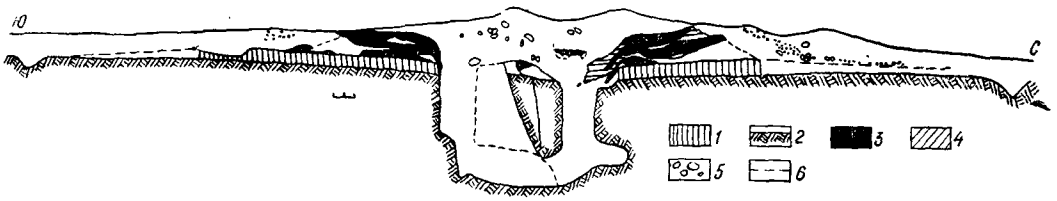


Рис. 4. Разрез кургана по линии Ю—С.

1 — погребенный чернозем, *2* — материк, *3* — глина, *4* — чернозем с вкраплениями глины, *5* — камни, *6* — реконструкция.

сти особенности их рвов: последние копались не с уровня древней поверхности, а непосредственно в материке, до которого снимался вокруг строящейся могилы грунт, использовавшийся для сооружения первоначальной подковообразной насыпи. Это дает основание в корне пересмотреть реконструкцию рвов и вокруг других, уже вошедших в науку скифских памятников не только V, но и, по-видимому, IV в. до н. э.

Р о в. В плане канава имела форму довольно правильного круга (см. рис. 3). Внутренний диаметр его в среднем 33 м, глубина от уровня древней поверхности (дальше все замеры глубин — от этого же уровня) колеблется в пределах 1,36—1,56 м. С ВЮВ и ЗСЗ в канаве оставлены материковые перемычки шириной 0,6 и 0,5 м. Концы рва к перемычкам незначительно сужаются и закругляются. Начиная с 2 м от западной перемычки к югу ров на протяжении 12 м имеет сильное расширение: если ширина его по всему периметру на снятом уровне (0,6—0,9 м) равняется 1,3—1,7 м, то здесь посредине достигает 2,8 м. По-видимому, эта деталь

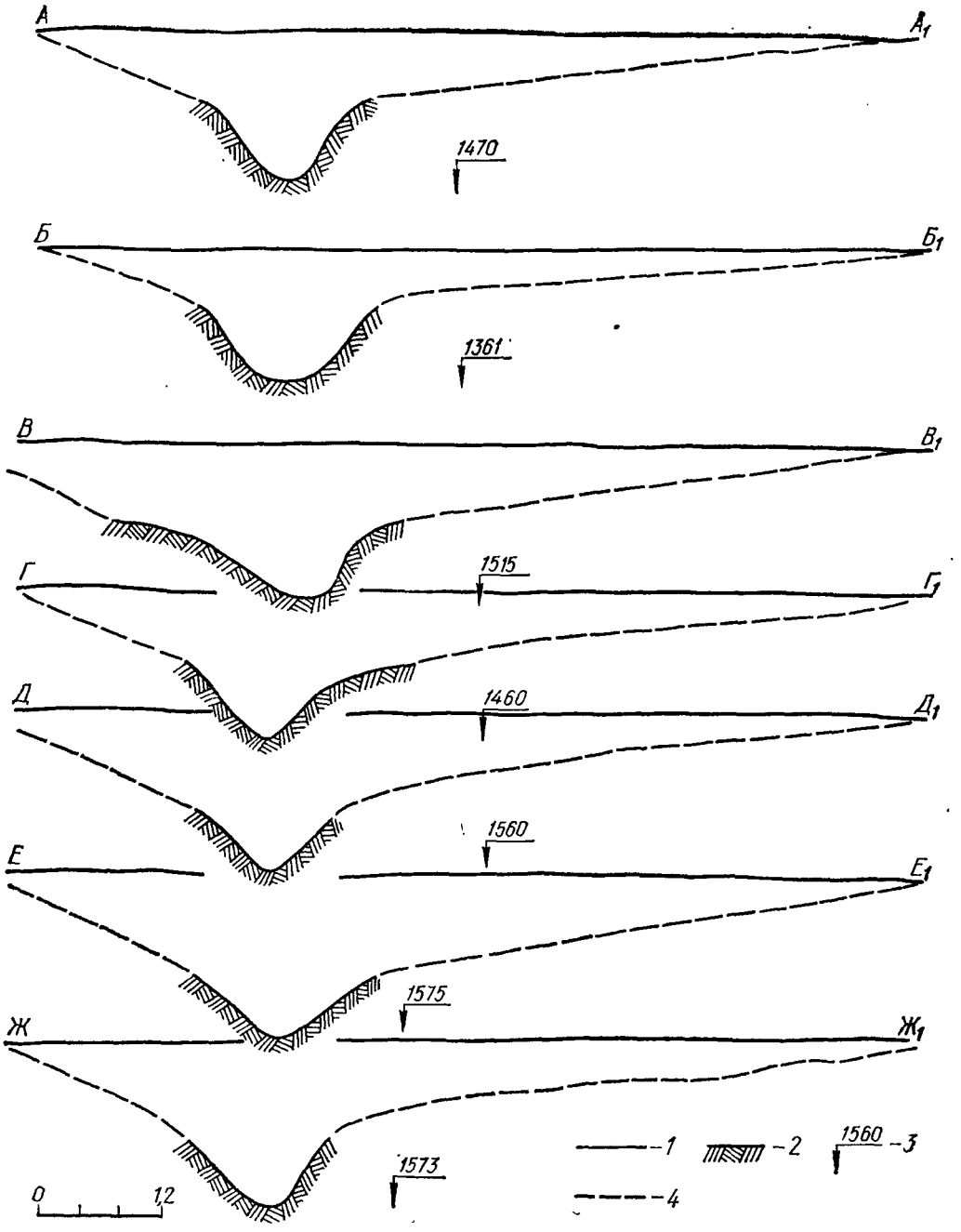


Рис. 5. Профили рва.
1 — древняя поверхность, *2* — материк, *3* — глубина от уровня древней поверхности (см), *4* — реконструкция.

конструкции рва отнюдь не случайна: такое же расширение и именно в этом месте было отмечено нами в I Завадской Могиле [2], а также в нескольких раскопанных в последние годы курганах V в. до н. э. у г. Орджоникидзе.

В центре отмеченного расширения на глубине 0,4—0,6 м лежал плоский гранитный камень размерами 0,8×0,95 м

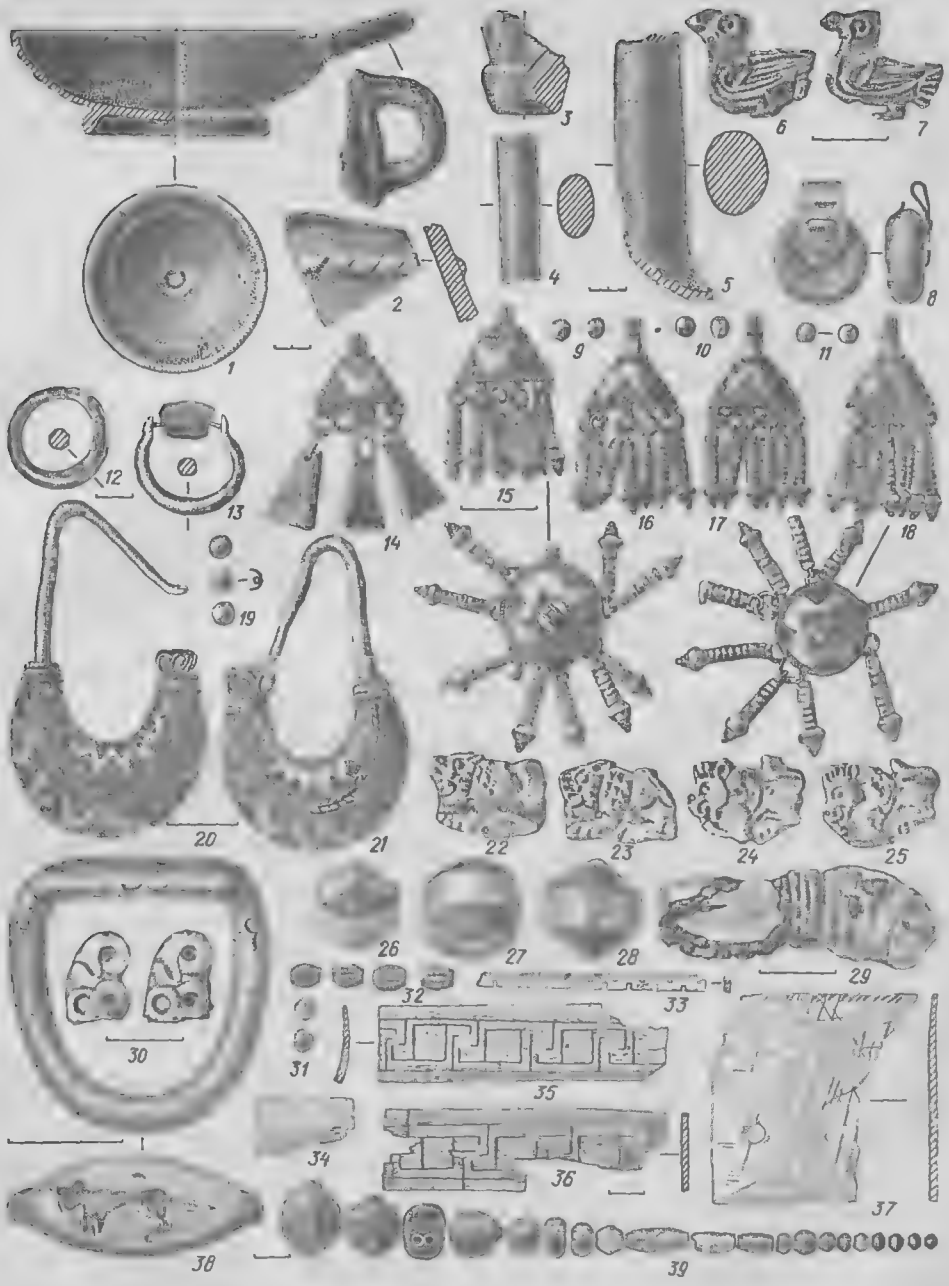


Рис. 6. Находки из рва (2—5) и гробницы (1, 6—39).

при толщине до 0,3 м. Именно в этом месте подобные камни встречаются и на других скифских памятниках[3],— очевидно, они ставились над рвом у западной перемычки или просто у западной полы кургана с ритуальной целью.

Ров раскопан по всему периметру трехметровыми участками с оставлением между ними бровок шириной 0,5 м. Такая методика значительно эффективнее сплошных раскопок и дает возможность точнее определять профили рва. На Малом Чертомлыке он сужался ко дну на клин. Дно в большинстве случаев желобчатое, местами

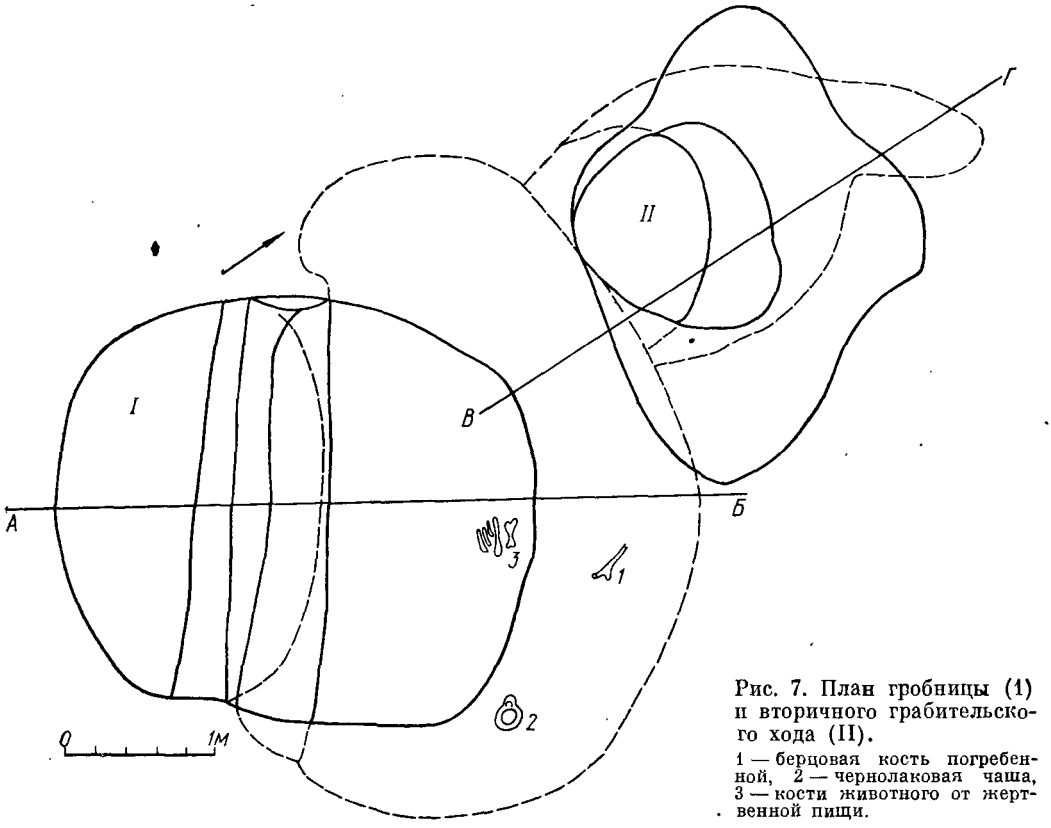


Рис. 7. План гробницы (I) и вторичного грабительского хода (II).

1 — берцовая кость погребенной, 2 — чернолаковая чаша, 3 — кости животного от жертвенной пищи.

почти плоское шириной до 0,4 м (рис 5).

На всю глубину ров был заполнен черноземным затеком. С запада и востока по обе стороны от перемычек на глубине 0,6—0,7 м в затеке по средней линии рва лежало много обкатанных водой небольших известняковых и песчанниковых камней, совершенно отсутствующих в северной и южной частях рва. Создается впечатление, что они не свалились сюда с кургана, а были тщательно уложены. Среди камней встречались отдельные экземпляры, напоминающие фигурки животных и человека, однако следов обработки на них не обнаружено.

На этой же глубине в западной части рва находились разрозненные кости животных и обломки амфор. В восточной части канавы их было значительно меньше, в других же ее частях они почти полностью отсутствовали. Кости преимущественно конские (конечности и черепа), но были и кости мелких животных. Амфорный материал представлен мелкими фрагментами амфорных стенок. На западной половине рва найдены также ножка и обломки двух ручек (рис. 6, *3—5*). Ножка колпачковая, изготовлена из розоватой глины с мелкими слюдяными блестками и принадлежит амфоре раннего хиоского типа (по определению В. В. Рубана, вторая половина V в. до н. э.). «Колпачек» явно налеплен на основание ножки, что очень хорошо заметно по его отслаиванию в верхней части. Высота колпачка 2,6, диаметр вверху 4,5, внизу — 3,8 см. Снизу на ножке широкое углубление диаметром 2,5 и глубиной около 1 см.

Обе ручки овальны в сечении толщиной 3,3×4,3—4,5 см. Одна розоватого, другая кирпичного цвета, в глине обеих — вкрапления белых частиц и в очень незначительном количестве — мелкие слюдяные блестки. Предположительно обе ручки, как и ножку, можно также отнести к амфорам хиосского типа.

С востока у южной части бровки в

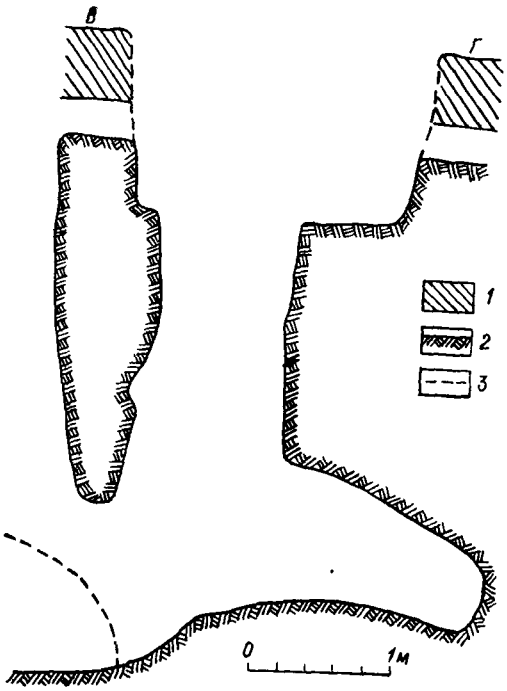


Рис. 8. Разрез вторичного грабительского хода. *1* — погребенный чернозем, *2* — материк, *3* — реконструкция.

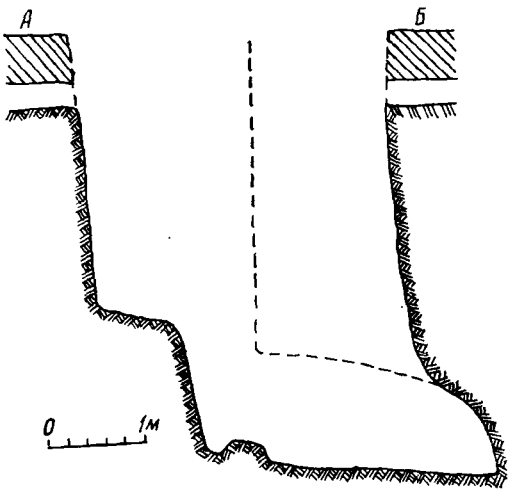


Рис. 9. Разрез гробницы (усл. обозн. см. на рис. 8).

затеке рва встречен осколок лепного сосуда, возможно, эпохи бронзы, украшенный валиком с косыми насечками (рис. 6, *2*).

На глубине 0,7 и 0,9 — 1 м в ССВ секторе над рвом находились две недавние конские могилы. По всему периметру с внутренней стороны ко рву примыкали прямоугольные ямы размерами около 2—2,5×1,5 м. В трех из них найдены железная оковка лопаты, осколок толстой бутылки зеленого стекла и граненный железный гвоздь, что позволяет, как и конские могилы, отнести их к новому времени.

Грабительские ходы. Оба грабительских хода в насыпи слились, так что судить об их форме нет данных. Первый из них, вышедший непосредственно на могилу, доведен до чернозема, второй на 0,8 м врезался в материк. На этом уровне он имеет форму вытянутого с СЗ на ЮВ прямоугольника размерами 3,1×2,4 м (рис. 7). С отмеченного уровня у ЮЗ стены хода вниз ведет округлая в плане дудка диаметром до 1,4 м, доведенная до глубины 4 м (рис. 8). К СВ от нее в поисках гробницы сделана глухая нора длиной 0,8 и диаметром в устье 1 м. К дальнему концу она сужается до 0,4 м. Нора, пробитая в противоположном направлении, достигла погребальной камеры в ее западной половине. К этому времени гробница уже была ограблена и заполнена затечным черноземом. Вряд ли грабители стали перерывать его заново. Судя по находке в этом ходе полуистлевшей палки и обгоревшего кочана кукурузы, можно думать, что новая попытка ограбления могилы была сделана уже после раскопок И. Е. Забелиным Чертомлыка, тогда как первичное совершено еще в древности.

Гробница (рис. 7; 9). Погребальное сооружение обрушилось после ограбления и на уровне материка представляло собой пятно размерами 3,2×2,8 м. Первоначально входная яма, очевидно, имела овальные очертания, вытянутые с СЗ на ЮВ, размеры ее составляли 2,6×1.8 м. Длинная ЮЗ стена была скошена книзу. На глубине 2,8 м под ней оставлена материковая ступенька с наклонным дном, шириной 0,8 м. Ниже нее стена продолжала оставаться скошенной. Дно ямы находилось на глубине 4,25 м. Вдоль ступеньки в дне была сделана канавка для установки заслона устья погребальной камеры,

устроенной под СВ стеной. Ширина канавы 0.3, глубина около 0,12 м. В черноземном замыве шахты встречались кости человека, в том числе обломки черепа, а также кости животных, пропитанные окислами бронзы,— безусловно, они были выброшены грабителями из котла.

Погребальная камера овальна в плане размерами до 4,4×2,5 м ориентирована вдоль входной ямы. Торцы ее далеко заходили в материк по сторонам от входного колодца. Площадь камеры очень внушительна — для сравнения достаточно сказать, что размеры склепа в центральной гробнице Толстой Могилы составляли 4×2,2 м[4]. Дно подземелья понижалось в СВ направлении на 0,2 м — от 4,35 до 4,55 м. Предположительная высота свода немногим более 1 м.

Верхняя часть камеры была заполнена затечным черноземом, ниже на высоте около 0,5 м находилась перерытая первичными грабителями глина обрушившегося до ограбления свода.

Погребение полностью разрушено грабителями. От скелета покойника (судя по инвентарю — женщины) на месте остался только обломок берцовой кости правой ноги. Судя по его местонахождению, покойница была положена вдоль ЮВ половины дальней стены склепа головой на юг. Это подтверждают и другие находки. Справа от берцовой кости в 0,1 м выше дна были найдены фаланги правой руки покойницы, обращенные концами к северу. На двух из них находились золотой и серебряный перстни, невдалеке найден еще один золотой (6—8).

К югу от того места, где должна была находиться голова погребенной, стояла чернолаковая греческая чаша (1), рядом с ней на полу найден развал костяной шкатулки с куском оранжевого минерала у нее (2). В этой же части гробницы во взвешенном состоянии собрана и основная часть бус (3), обломков небольших бронзовых предметов (4), фрагментов костяного гребня (5). Здесь находились преимущественно также нашивные бляшки от одежд (9—13) и детали золотого ожерелья (14—17), хотя встречались они и в других частях гробницы. Не зафиксировано

Рис. 10. Чернолаковая чаша.

место находки костяной бусины с золотой петлей (18), золотого наконечника железной гривны (19) и пары золотых серег (20).

Поскольку находки встречались по всему 50-сантиметровому слою заполнения склепа, оно дополнительно перебиралось ножами наверху, а затем было перемыто на ситах. В результате удалось найти еще несколько мелких золотых украшений отмеченных выше типов, а также четыре золотых гвоздика (21) и 14 зачастую бесформенных обломков золотых украшений (22).

Находки из гробницы. 1. Чернолаковая греческая чаша с плавно расходящимися стенками и слегка расширенным, уплощенным сверху венчиком, на невысоком кольцевом поддоне (рис. 6, *1*; 10). Вверху толстая петельчатая ручка, слегка приподнятая кверху. Лак хорошего качества, с металлическим блеском. Снизу поддон не покрыт лаком и имеет цвет обожженной глины. Такая же, но более узкая полоса имеется и под валиком на дне чаши. В центре находятся один в другом два светлых кружка с черной точкой посредине. Высота чаши 5.5, поддона — 1 см; наружный диаметр венчика 17,8, поддона — 10 см. Толщина венчика около 1 см.

Много подобных чаш найдено на Афинской агоре. Ближайшие аналоги

чертомлыцкой датируются от 480 до 425 г. до н. э.[5]

2. Среди развала шкатулки выявлены костяные детали трех типов:

а) украшенные прочерченным меандровым орнаментом пластинки длиной 7,7 и шириной 2 см — два экземпляра (рис. 6, *35, 36*);

б) зигзагообразные палочки и их обломки шириной до 4 мм при толщине 2—3,5 мм. Длина двух целых палочек по 5,6 см, наибольшего обломка третьей — 6,3 см. В целом обнаружено 17 палочек и более или менее крупных их обломков, а также несколько совсем мелких (рис. 6, *33*);

в) несколько мелких обломков тонких неорнаментированных пластинок шириной 1,6 см (рис. 6, *34*).

3. Простые бусы из заполнения гробницы представлены следующими типами (рис. 6, *39*):

— крупной биконической из пасты серо-голубого цвета длиной 1,4 и диаметром 2 см;

— такой же формы массивной бронзовой длиной 1,9 и диаметром 1,5 см;

— голубой пастовой с тремя гнездами синих глазков (по семь в каждом) на поверхности диаметром 1,4—1,5 см;

— коричневатой бочонковидной диаметром 0,9 см;

— двумя из просвечивающейся горной породы розового и густо-красного цвета диаметром 1 и 0,8 см;

— серой и двумя коричневатыми пастовыми биконическими разного диаметра 0.8, 0,7 и 0,6 см;

— тремя удлиненными в виде бочонковидных пронизей: лиловой с белыми прожилками длиной 1,7 см; белой, кажется, выкрошенной с краев, длиной 1,3 см; обломком серой длиной 1 см;

— семью мелкими подбиконическими из просвечивающегося стекла янтарного цвета диаметром 0,5—0,6 см.

4. Мелкие находки из бронзы включают:

— обломки круглых в сечении гвоздей с круглой шляпкой. Два из них сохранившиеся лучше, согнуты под прямым углом, длина их по 2 см;

— четыре полусферические бляшки (две сохранились фрагментарно) со следами припоя от петли с обратной стороны диаметром 0,8 см;

Рис. 11. Колокольчикообразные подвески.

— три невыразительных обломка плоского предмета.

5. Концевой обломок костяной пластины, орнаментированный с внешней стороны нерегулярно прочерченными крест-накрест и вдоль линиями. Ближе к одному из углов — круглое отверстие диаметром 0,5 см, в котором сохранился костяной штырек длиной 1,3 см со следами продольных срезов. Ширина пластины 5,6, наибольшая длина обломка 4,8 см. Фрагмент, без сомнения, происходит от составного костяного гребня (рис. 6, *37*).

6. Серебряный или электровый перстень (металл белесого цвета, без коррозии) с плоским овальным щитком и круглой в сечении дужкой. На щитке выгравирована фигурка стоящего хищника кошачьей породы, плакированная золотом. Ребра щитка орнаментированы рядом углубленных дужек, от которого на дужку с обеих сторон опускаются разные фигуры в виде кавычек и вопросительного знака или запятой (рис. 6, *38*).

7. Массивный золотой перстень из граненого, утончающегося к концам стержня. Концы плотно прилегают друг к другу. Внешний диаметр 2,6—2,7, внутренний 1,9 см. Толщина стержня посредине 0,4, у концов 0,2 см (рис. 6, *12*).

8. Перстень из почти круглой в се-

чении золотой проволоки толщиной 2,5 мм. Концы дужки слегка отогнуты, расширены и уплощены, с внутренней стороны к ним припаяны не сходящиеся золотые стерженьки, служившие для насаживания янтарного щитка, сохранившегося в мельчайших обломках. Внешний диаметр равняется 3 см (рис. 6, *13*; 11).

9. Небольшие золотые бляшки в виде закрученного стилизованного клюва, в основании которого помещен клюв размерами поменьше. Высота 1, ширина в основании 0,8 см. Найдено 32 целых и шесть в обломках (рис. 6, *30*).

10. Мелкие золотые бляшки в виде обращенного влево крылатого львиноголового грифона (15 экземпляров). Длина 1,5, высота до 1,2 см (рис. 6, *24, 25*).

11. Подобные описанным выше по размерам золотые бляшки в виде обращенного влево льва с переданной псевдозернью гривой — пять экземпляров целых бляшек и один обломок (рис. 6, *22, 23*).

12. Небольшие золотые бляшки в виде уточек — 9 экземпляров. Длина бляшек и один обломок (рис. 6, 22, 23). этих бляшек 1,7, высота до 1,5 см (рис. 6, *6, 7*).

13. Мелкие полусферические бляшки с припаянной золотой петелькой с обратной стороны диаметром около 2 мм — 386 экземпляров (рис. 6, *19*).

14. Три бусины из мягкой серой породы, оправленные по длине перекрещивающимися золотыми полосками шириной 4—5 мм, спаянными на торцах. Одна шаровидная диаметром 1,3 см, две биконические, длиной 1 и 1,2 и диаметром по 1,2 см (рис. 6, *26—28*).

15. Четыре золотые боченковидные бусинки, украшенные по всей поверхности чередующимися гладкими и зернистыми продольными каннелюрами, длиной 0,4 и диаметром до 0,3 см (рис. 6, *32*).

16. Мелкие зернистые золотые бусинки, спаянные из двух полусферических половинок, диаметром около 2 мм. Некоторые распались на две части. 742 экземпляра выявлены целыми, 69 — по половинке (рис. 6, *9—11, 31*).

17. Золотые подвески от ожерелья, имеющие форму колокольчика с рубчатым ушком, укрепленным на цилиндрической ножке (три экземпляра, рис. 6, *16—18*) или без нее (два экземпляра, рис. 6, *14, 15*). Сверху каждый колокольчик украшен четырьмя мелкими, а снизу более крупными треугольниками из мелкой зерни, опирающимися основаниями на одинарные ободки из такой же зерни. Нижний ободок дополнительно подчеркнут проволочкой в виде псевдозерни. К ободку припаяны круглые проволочные петли, с помощью которых к колокольчикам посредством колечек на четырех подвесках прикреплены двойные или одинарные привесочки в виде рубчатых пронизей, заканчивающихся снизу припаянными бусинками из двух полусферических половинок и пятью шариками зерни, сложенными пирамидкой, а на одной — минеральные пирамидки из той же легкой серой породы, что и бусы, описанные в пункте 14. Некоторые золотые привески потерялись и на их месте на колокольчиках прослежены пробелы; от некоторых остались только петли. На двух колокольчиках сохранилось по семь привесок, на одной девять и на одной — десять. Колокольчик с каменными привесками украшен тремя пирамидками, с другой стороны сохранились петли еще от трех. В заполнении гробницы выявлены еще одна целая и две разбитые пирамидки из бирюзового и голубого стекла, которые свидетельствуют, что в составе ожерелья были и другие подвески, украшенные этими пирамидками. Размеры и пропорции колокольчиков сильно варьируют. Диаметр трех экземпляров 1,2 см, высота вместе с петлей 1—1,2 см. Диаметр остальных двух (одной с золотыми, другой с каменными привесками), у которых петли без ножек,— 1,2—1,3, высота по 1 см.

18. Костяная бусина в виде колесика диаметром 1,2 и толщиной 0,4 см с грубой, к тому же помятой петлей из полоски золота шириной 0,6 см (рис. 6, *8*).

19. Обломок железной гривны с золотым наконечником в виде головки льва, изготовленным из листового золота. Обнаружен сильно помятым, так что голова льва угадывается с трудом. Длина обломка 3,5, диаметр до 0,9 см (рис. 6, *29*).

20. Две ладьевидные золотые серьги в форме широкого калачика, украшенные по всей поверхности треугольниками мельчайшей зерни и четырьмя продольными полосками филиграни (сверху, снизу, с боков) в виде плетенки, ограниченной с обеих сторон гладкой проволочкой. Концы украшены тремя горизонтальными концентрическими колечками — зернистыми по краям и гладким посредине. Из одного конца выходит заправленная в него проволочная дужка, заканчивающаяся утонченным крючком, другой оформлен припаянной розеткой (рис. 6, *20, 21*). Общая высота серьги вместе с дужкой 4,3, ширина 2,5 см. Толщина «калачика» посредине 1—1,1 см. Зернь по бокам сережек сильно стерта, что свидетельствует о длительном их ношении.

21. Один крупный, согнутый под прямым углом, и три мелких золотых гвоздя, свернутых из тонкого листа на конус, длиной 0,5—0,7 и 1,4 см.

22. Крупные обломки золотых бляшек учтены в описи выше. Кроме них, в заполнении гробницы удалось выявить три обрывка золотой фольги, два обломка полусферических бляшек, проволочную петельку, очевидно, от привески в виде колокольчика, и четыре мелкие бесформенные золотинки.

Находки античной керамики из рва и могилы позволяют датировать погребение второй половиной V в. до н. э. Этой дате не противоречат и другие предметы погребального инвентаря. Среди них прежде всего следует отметить калачикообразные серьги. Массовое распространение их в Скифии начинается с V в. до н. э. и продолжается вплоть до начала III в. до н. э.[6] Однако серьги из Малого Чертомлыка как на основании формы калачика, так и вследствие гармоничности и тщательности отделки орнамента несомненно можно считать одними из наиболее архаичных, изготовленных еще в конце VI — начале V в. до н. э. Конечно, в гробницу они попали несколько позднее, о чем свидетельствует потертость зерни на боках.

Значительный интерес в комплексе представляют подвески от ожерелья в виде колокольчиков. Точные аналоги им неизвестны, но по системе орнаментации они, пожалуй, ближе всего стоят к золотым серьгам из с. Емчиха, датируемым еще VI в. до н. э.[7]

Для уточнения датировки кургана существенно то, что некоторые находки из него имеют прямые аналоги в кургане Бабы. Среди них — оправленные золотом каменные бусы (рис. 6, *26—28*) и пирамидальные привески от колокольчиковидных подвесок (рис. 6, *14*) [8]. Безусловное сходство с найденными в кургане Бабы бляшками в виде львов имеют и малочертомлыцкие нашивные украшения. Правда, датировка кургана Бабы в настоящее время довольно противоречива[9], однако сооружение его не позднее последней четверти V в. до н. э. вряд ли может быть оспорено. По-видимому, близким к этому времени следует датировать и Малый Чертомлык.

Достоен удивления тот факт, что даже после двойного ограбления в кургане обнаружено 1293 золотых предмета. Несмотря на миниатюрные размеры большинства из них, комплекс отличается необычайным для V в. до н. э. богатством. Достаточно сказать, что только зернистые золотые бусинки составляют нить свыше 1,5 м длиной, полусферические бляшки — еще около 0,8 м. Все изделия характеризуются скрупулезнейшей работой, что, в свою очередь не могло не сказаться на их цене. Все это вместе со значительными размерами гробницы позволяет считать, что в этом скромном по размерам памятнике безусловно была погребена представительница элиты скифского общества. Существенно, что погребение женщины под курганом было единственным — для степной скифской знати IV в. до н. э. такие явления уже совершенно не известны[10], тогда как в предшествующий период они довольно обычны (курганы Рожновский, Бабы и некоторые другие). Эти факты позволяют предполагать, что на рубеже V—IV вв. до н. э. скифское общество, вероятно, претерпело значительные социальные изменения.

[9] *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ.— Киев, 1980.— С. 81, 86, 141.

[2] Там же.— С. 87, рис. 25.

[3] Там же.— С. 136, рис. 72; *Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Двугорбая Могила // Древности Степной Скифии.— Киев, 1982.— С. 159, рис. 1.

[4] *Мозолевський Б. М.* Товста Могила.— К.,— 1979.— С. 54.

[5] *The Athenian* Agora: Results of excavations. Black anal plain Pottery of the 6th, 5th and 4th century B. C.— Vol. 12.— P. 12.— Prinston ; New Jersey, 1970, plate 31, N 747—750.

[6] *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ.— Вып. Д 4—5.— М., 1978.— С. 29.

[7] Там же.— С. 24.— Табл. 16, *21*.

[8] ОАК за 1897 г.— Спб., 1900.— С. 134—135.

[9] *Яценко И. В.* Скифские памятники степного Приднепровья и Приазовья VII—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1955.— С. 7; *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э. // Тр. ГИМ.— 1959.— Вып. 36.— С. 58; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. // САИ.— Вып. Д 1—27.— М., 1966.— С. 66; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.— Прага ; Ленинград.— 1966.— С. 29; *Археологія* Української РСР.— К., 1971.— Т. 2.— С. 52.

[10] *Мозолевський Б. М.* Товста Могила.— С. 155.

О. В. Битковский, С. В. Полин

СКИФСКИЙ КУРГАН У с. БОГДАНОВКА НА ХЕРСОНЩИНЕ (К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ V—IV вв. до н. э.)

В 1977 г. Херсонская археологическая экспедиция ИА АН УССР (начальник экспедиции А. И. Кубышев) исследовала одиночный курган у с. Богдановка Каховского р-на Херсонской обл. В результате были получены разнообразные материалы скифского времени, представляющие значительный научный интерес. Их публикации и посвящается настоящая статья.

Курган № 3, раскопками которого руководил О. В. Битковский, находился в 1 км к югу от села, входил в курганное окружение большого степного пода, известного в литературе под названием Черная долина. Высота кургана 0,8 м при диаметре около 36 м. Насыпь подвергалась интенсивной распашке. Курган содержал два скифских погребения. Насыпь была сооружена в один прием над погребением № 1 и окружена рвом с перемычками на западе и востоке. Сечение рва трапециевидное. Диаметр рва и ширина на уровне материка 0,3—0,4 м при глубине 1 м от древнего горизонта. Ширина перемычки 0,8—1 м (рис. 1). В восточном секторе кургана на древнем горизонте, а также в верхних слоях заполнения рва найдены связанные с погребением № 1 остатки тризны, состоявшие из большого количества обломков амфор (1), невыразительных фрагментов лепной керамики, пращевых камней, костей животных. Во рву по обе стороны восточной перемычки найдено по одному черепу лошади, а с обеих сторон западной в ров были уложены небольшие (0,3×0,4×0,1 м) подпрямоугольные необработанные известняковые плиты (размерами 0,3×0,4×0,1 м).

Захоронение № 2 было впущено в готовую насыпь позднее и не сопровождалось досыпками. Материковый выкид из него зафиксирован на поверхности кургана.

Находки из тризны:

1. Профилированные части 23—24 амфор: восемь амфор типа Солоха II, 15—16 — гераклейских (рис. 2). Три амфоры типа Солоха II имели клейма, находившиеся в нижней части горловин. Клейма энглифические, в виде вдавленного круга и буквы внутри. Два клейма — М, одно — Θ (рис. 3, *3—5*).

Три гераклейские амфоры также имели энглифические клейма. Клеймо № 1 двухстрочное, вертикальное. Оттиск смазанный, не читается. Судя по длине строк, содержало два имени. Клеймо № 2 в верхней части горлови-

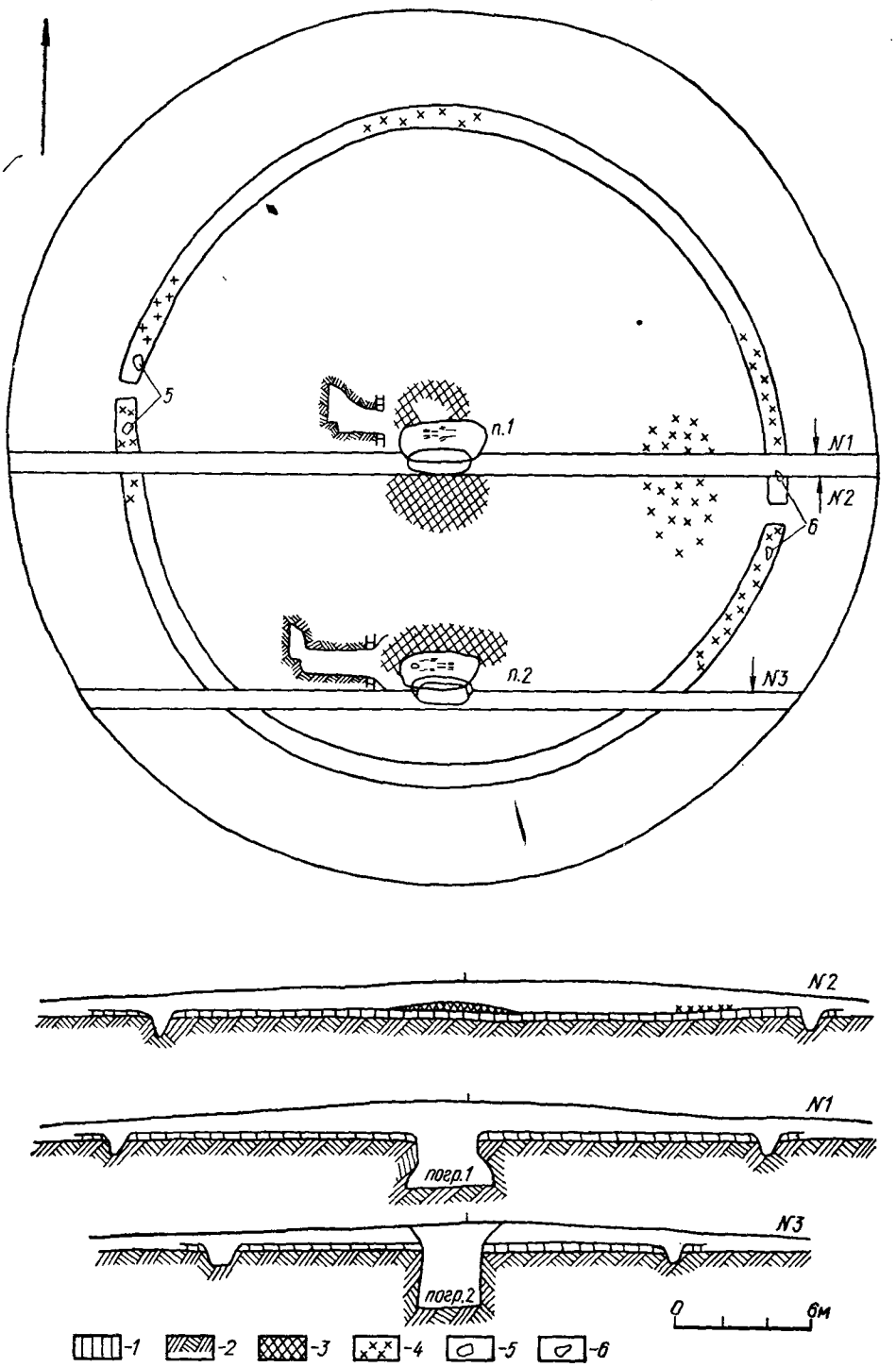


Рис. 1. Общий план кургана № 3 у с. Богдановка.

1 — погребенный чернозем; *2* — материк; *3* — материковый выкид; *4* — фрагменты амфор и кости животных; *5* — каменные плиты; *6* — лошадиные черепа.

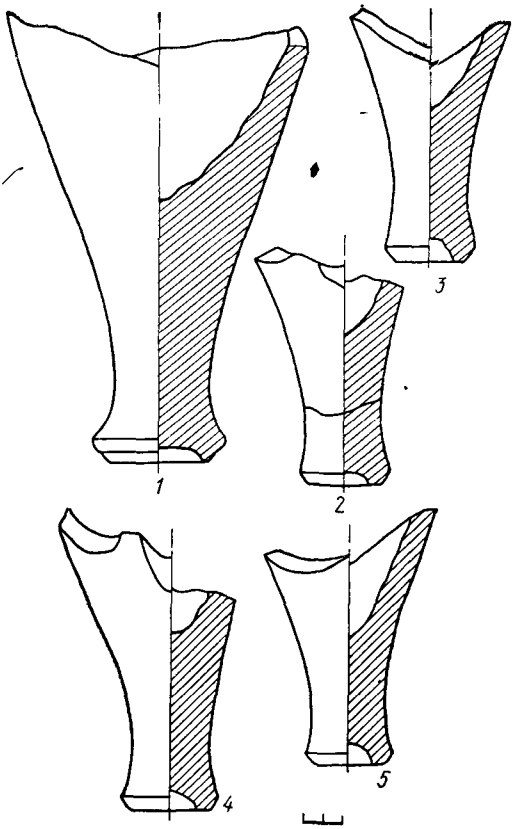


Рис. 2. Фрагменты амфор из тризны.

ны, под венчиком. По кругу надпись: НРАКΛЕΔАГА. Клеймо № 3 в прямоугольной с закругленными углами рамке, оттиснуто под венчиком дважды, с двух сторон горловины. Один оттиск глубокий, второй чуть заметен: ΔΙΟΝ◁ ΥΣΙΟ⋊ (рис. 3, *1, 2*).

Погребение № 1 (основное, мужское) располагалось в центре кургана. Совершено в яме с подбоем. Входная яма подпрямоугольная в плане, ориентирована по линии запад — восток. Размеры 2,9×0,9 м, дно на глубине 3,1 м. Вдоль южной стенки оставлена ступенька шириной 0,35, высотой 0,4 м. В северной стенке входной ямы находился вход в подбой. Камера, подпрямоугольная в плане, имела размеры 3,7×1,7 м. Дно на глубине 2,4 м от древнего горизонта. Свод подбоя обрушен при ограблении, совершенном в древности (рис. 4). В заполнении входной ямы обнаружены чернолаковый килик (1), в заполнении подбоя — фрагментированный псалий (2), четыре наконечника стрел (3), вток (4) и втулка наконечника копья (5).

Скелет погребенного частично разрушен грабителями. По сохранившимся костям видно, что он лежал вытянуто на спине головой на восток. За его головой лежали кости ног крупного домашнего животного — быка или лошади — и рукоять ножа (6). Дно подбоя покрывал тлен белого цвета от травяной подстилки.

1. Чернолаковый килик с одной отбитой в древности ручкой. Изнутри украшен штампованным орнаментом из восьми расположенных по кругу пальметок, соединенных дугами. Внутри круга прочерчены две концентрические окружности, промежуток между которыми заполнен 13 овами. Снаружи плоское донышко украшено пятью концентрическими кольцами лака с точкой в центре. Лак коричневый, блестящий, различной плотности. Высота килика 6,7, диаметр венчика 13,2, поддона 6,7 см (рис. 5).

2. Псалий железный, прямой, двудырчатый, изготовленный из круглого в сечении стержня с восьмеркообразным расширением у отверстий и плоскими шляпками на концах. Длина 12,5, диаметр стержня 0,8, диаметр шляпок 1,4 см (рис. 4, *1*).

3. Наконечники стрел бронзовые, трехгранные, с утопленной втулкой (4 штуки). Длина 3,2 см (рис. 4, *3*).

4. Железный цилиндрический вток с разъемом по всей длине. Длина 6,5, диаметр 2,3 см (рис. 4, *4*).

5. Коническая втулка железного наконечника копья. Длина 8 см, диаметры основания 2,5, у пера 1,8 см (рис. 4, *5*).

6. Костяная рукоять железного ножа. Цельная, восьмигранная в сечении, края расширены. Лезвие крепилось с помощью трех заклепок. Длина 11,5 см, ширина в центре 11, у краев 1,8 см (рис. 4, *2*).

Погребение № 2 (впускное, женское) находилось в 10 м к югу от центра. Совершено в яме с подбоем. Подпрямоугольная в плане яма ориентирована по оси запад — восток. Размеры 2,4×1,0 м, дно на глубине 3,2 м от поверхности насыпи в месте впуска. Се-

Рис. 3. Клейма на амфорах из тризны.

верная, западная и восточная стенки ко дну подбиваются. Вход в подбой находился в северной стенке. Яма переходила в камеру ступенькой шириной 0,4 м. Подпрямоугольный в плане подбой с закругленными углами имел размеры 3,35×1,4, высота свода 0,7 м, дно на глубине 3,6 м. В 0,3 м от ступеньки параллельно ей, обнаружены остатки рухнувшего заклада из поставленных вертикально через 0,4—0,5 м деревянных столбиков диаметром 2—3 см и травяной циновки. В заполнении ямы обнаружены амфорные фрагменты (1).

У северной стенки подбоя в деревянном гробовище вытянуто на спине головой на запад лежал скелет погребенной. Гробовище прямоугольной формы размерами 1,7×0,65 м сделано из двух длинных продольных и двух коротких поперечных плах сечением 9×5 см, поставленных на ребро. Под костяком лежали еще две продольные деревянные плахи сечением 6×2 см, не доходившие концами до торцевых плах. Две короткие поперечные плахи того же сечения перекрывали кости ног крупного домашнего животного — быка или лошади, на которых лежал железный нож (2). Дно покрывал тлен белого цвета от травяной подстилки.

Около головы и туловища погребенной обнаружены в беспорядке золотые

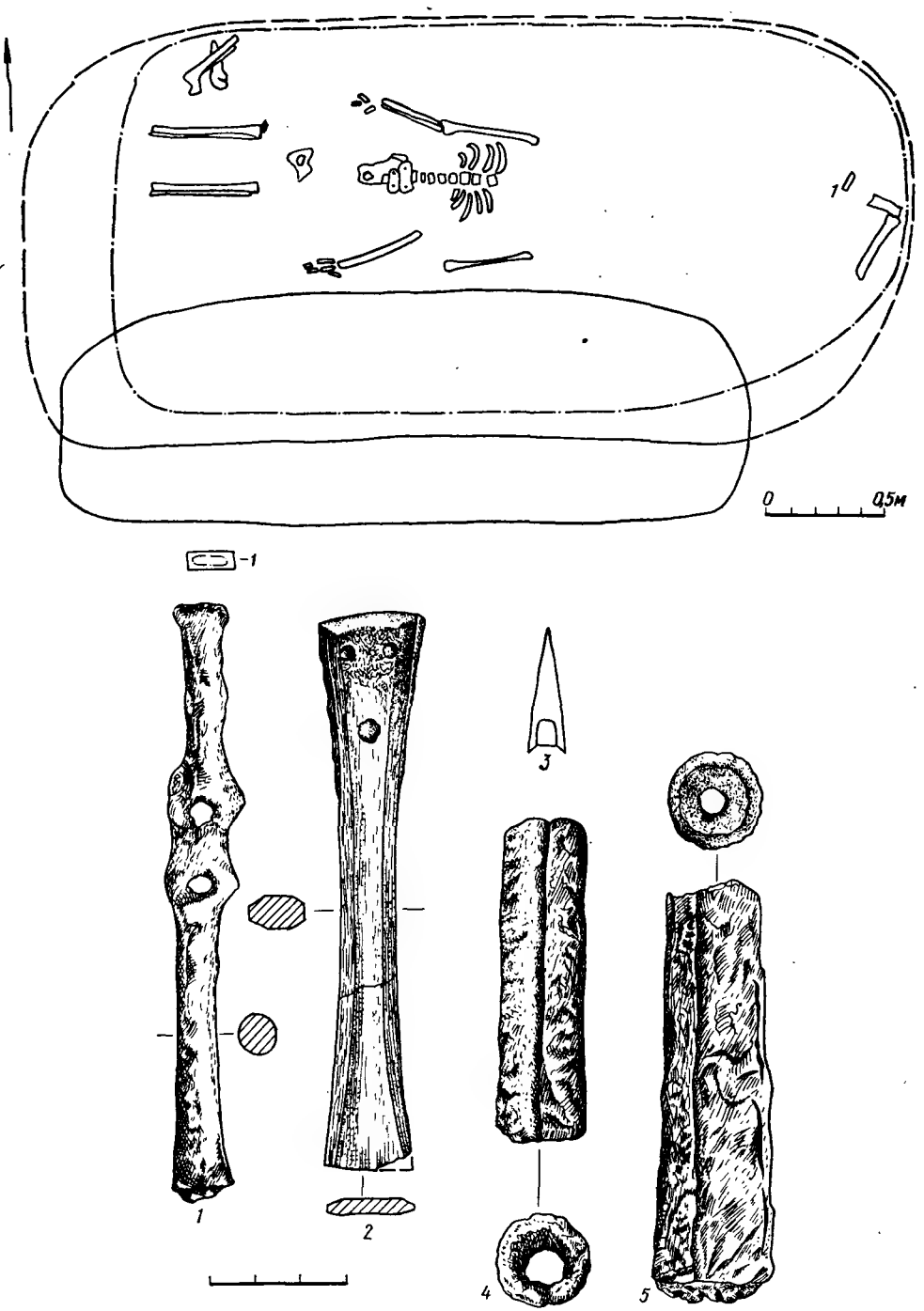


Рис. 4. План погребения № 1 и находки из него (*1* — травяная подстилка).

нашивные бляшки (3) — остатки головного убора, растащенного грызунами. В области грудной клетки и у головы лежали золотые бусы (4), справа и слева от черепа — золотые подвески (5). Слева у головы находилось бронзовое зеркало с железной ручкой (6). На зеркале прослежены остатки фут-

Рис. 5. Чернолаковый килик из погребения № 1.

ляра из войлока, обшитого тканью, имевшей узор из чередующихся вертикальных полос красного, желтого, коричневого и зеленого цвета шириной 1,5—2 см. У кисти левой руки лежал пращевой камень (7), на кисть был надет браслет из зубов животных (8) и бронзовых колец (9), на палец — золотой перстень (10). На кисти правой руки находился браслет из бус (11) и амфоровидной подвески (12). В заполнении, у левой руки найдена (очевидно, перемещенная грызунами) золотая лунница (13). У ног, за гробовищем, лежала истлевшая корзинка из коры с каркасом из деревянных прутьев сечением 0,1 см. В ней находились лепной сосудик (14), свинцовое пряслице (15), свинцовая пластина (16), бусы (17). Недалеко от корзинки обнаружен чернолаковый канфар (18). На дне в разных местах найдены три бронзовых наконечника стрел (19) (рис. 6).

1. Фрагменты амфоры с рюмковидной ножкой. Ножка массивная, с сильно расширяющимся основанием. Тесто красное, с добавлением красного и белого песка (рис. 7, *8*).

2. Железный нож с горбатой спинкой и прямым лезвием. Конец лезвия обломан. Рукоять костяная, цельная, восьмигранная в сечении, крепилась к клинку двумя заклепками. Длина

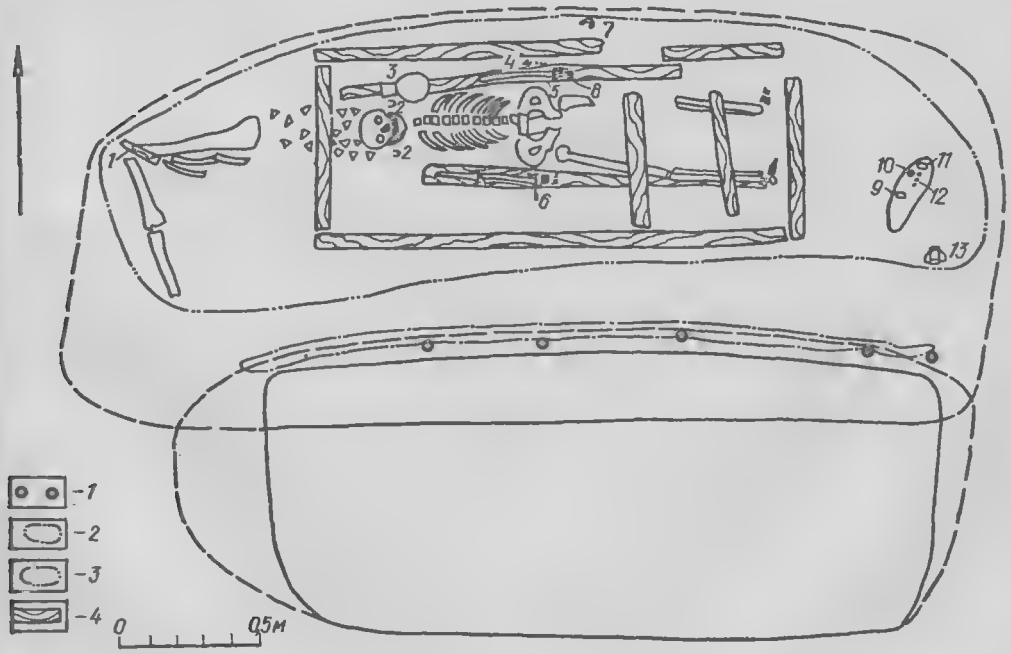


Рис. 6. План погребения № 2 (*1* — деревянные колья заклада, *2* — травяной тлен, *3* — травяная подстилка, *4* — плахи деревянного гробовища).

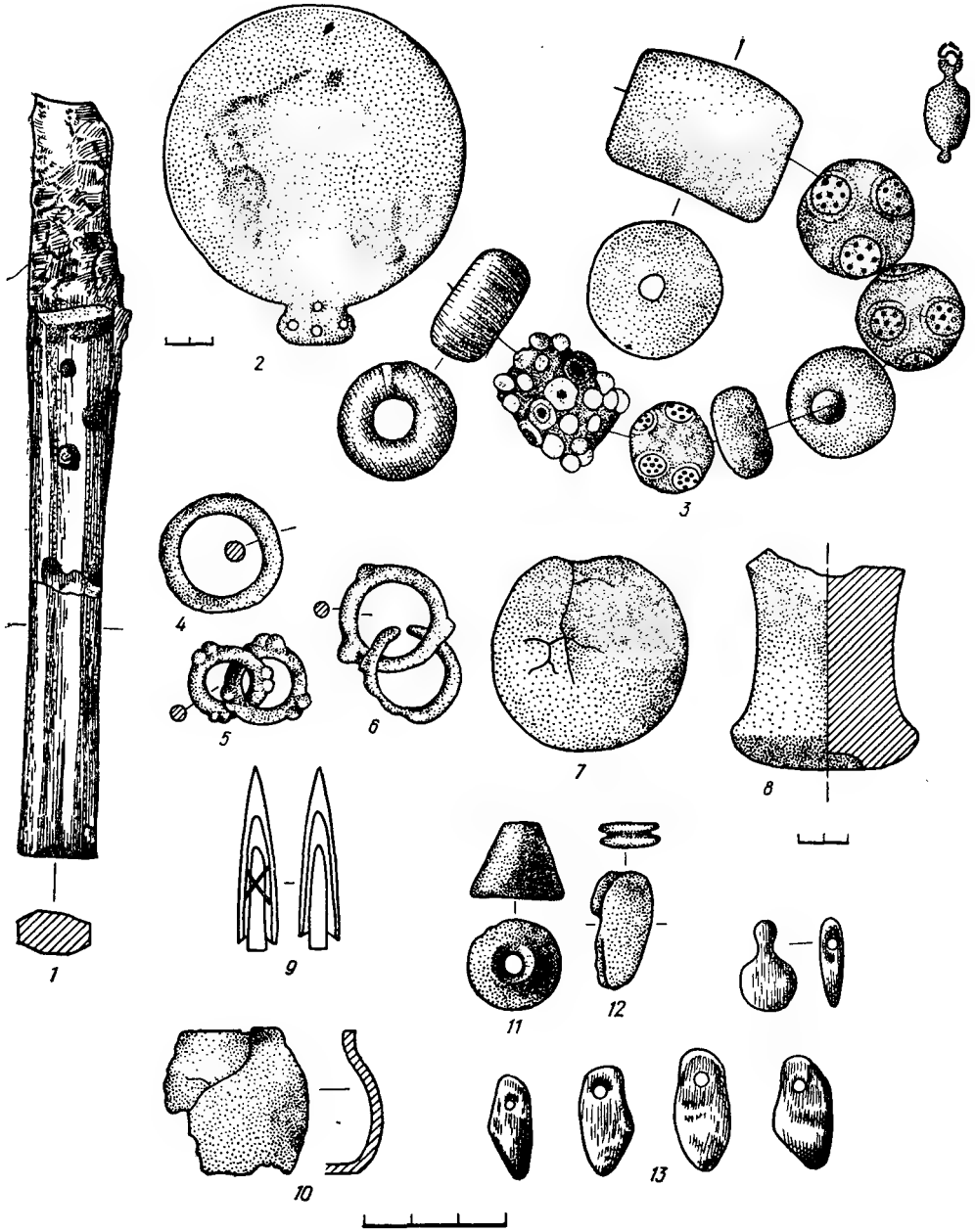


Рис. 7. Находки из погребения № 2.

сохранившейся части лезвия 4,2, ширина 0,7, длина рукояти 10,8, ширина 1,4 см (рис. 7, *1*).

3. Рельефные золотые штампованные бляшки (70 штук). С внутренней стороны припаяны по три петли, в случае их отсутствия пробиты дырочки. Представлены тремя типами: — овальные с изображением человеческого лица, обрамленного волосами (35 штук), на двух из них выделена шея. Размеры 1,5×1,4 см (рис. 8, *2*); овальная со стилизованным изображением лежащего хищника, 1 штука. Размеры 1,5×1,1 см (рис. 8, *4*); треугольные с изображением трех розеток (34 штуки), высота 1,1 см (рис. 8, *3*).

4. Бусы из золотой фольги, двух ти-

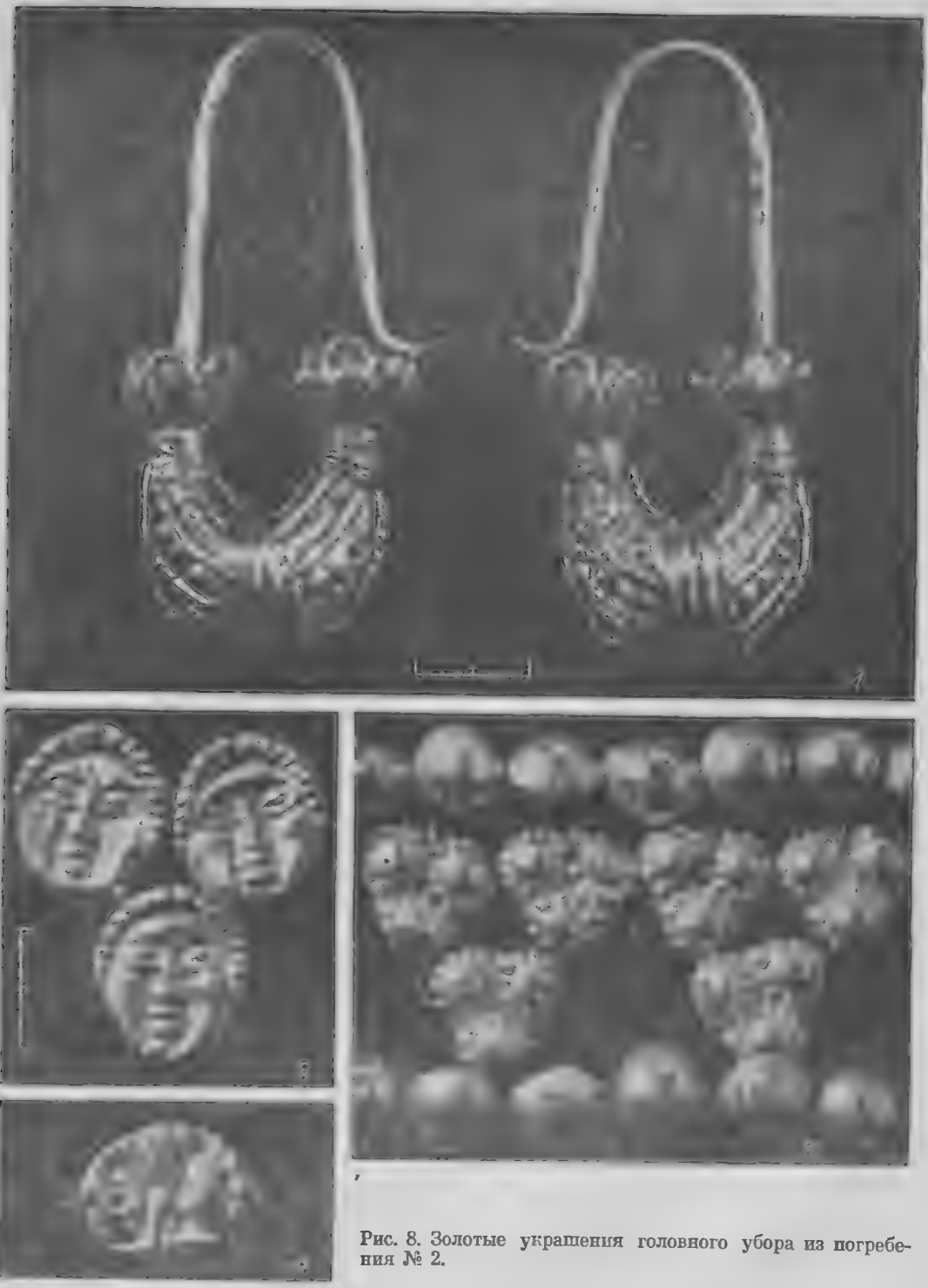


Рис. 8. Золотые украшения головного убора из погребения № 2.

пов: рубчатые овальные (13 штук), длина 0,9, диаметр 0,7 см; биконические (9 штук), диаметр 0,55 см (рис. 9).

5. Две золотые дутые калачиковидные подвески. «Калачик» украшен штампованным узором, имитирующим зернь и скань, снизу и сверху — рядом

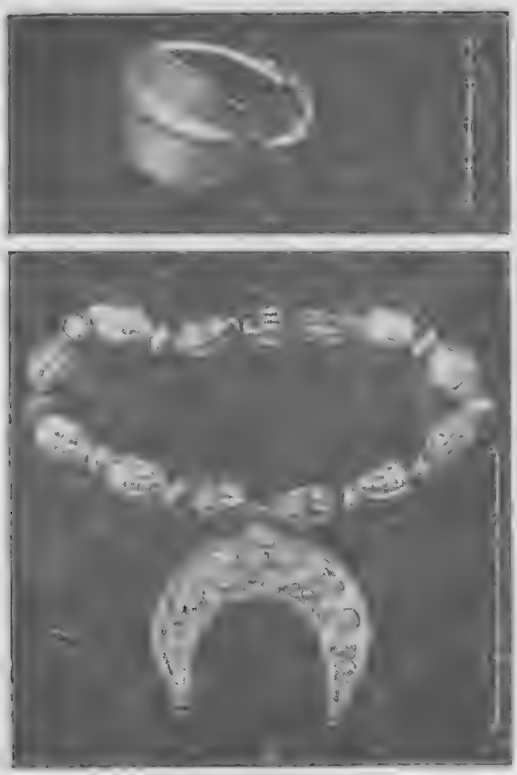


Рис. 9. Золотые украшения из погребения № 2.

сканной плетешки, у концов оплетен тонкой напаянной проволочкой, концы оформлены в виде розеток. К «калачику» одним концом крепилась высокая дужка из золотой проволоки, второй свободный конец которой отогнут наружу. Высота корпуса 2,5, дужки 2,5 см (рис. 8, *1*).

6. Плоское бронзовое зеркало с овальным выступом внизу для крепления рукояти. Ручка железная, прямоугольная в сечении, суженная книзу (не сохранилась). Крепилась к выступу с помощью четырех бронзовых заклепок. Диаметр диска 12,5, длина ручки 9, ширина у диска 4,5, в конце 3 см (рис. 7, *2*).

7. Пращевой камень диаметром 3,6 см (рис. 7, *7*).

8. Зубы животных, просверленные в области корня (8 штук) (рис. 7, *13*).

9. Бронзовые литые кольца нескольких типов: два продетых одно в другое цельных кольца с тремя шишечковидными выступами, (рис. 7, *5*); цельное кольцо с тремя шишечковидными выступами, соединенное с кольцом с несомкнутыми концами (рис. 7, *6*); цельное кольцо (рис. 7, *4*). Диаметры колец 2—2,2, сечения — 0,3, диаметр шариков 0,2 см (рис. 7, *4*).

10. Перстень золотой с изогнутым овальным щитком и несомкнутыми концами. Поперек щитка проходит рельефная линия. Размеры щитка 2×1,6 см (рис. 9, *1*).

11. Бусы нескольких разновидностей: кольцевая костяная, диаметр 1,3 см; кольцевидная пастовая синего цвета, диаметр 0,9 см; кольцевидная рубчатая пастовая бусина зеленого цвета, диаметр 1,4 см; круглые глазчатые из красной пасты, глазки белые, украшенные синими семью точками, заключенными в круг (3 штуки), диаметром 1,25, 1,1, 0,9 см и одна с желтыми глазками и аналогичным орнаментом черного цвета диаметром 1,2 см; цилиндрическая глазчатая из зеленого стекла с выступающими белыми, желтыми и синими глазками, длина 1,1, диаметр 0,9 см; округлая сердоликовая, диаметр 1,2 см; цилиндрическая сердоликовая, длина 1,7, диаметр 1,3 см (рис. 7, *3*).

12. Подвеска амфоровидная бронзовая, высота 1,2 см (рис. 7, *3*).

13. Лунница золотая. Украшена с наружной стороны по краям двойной сканью, обрамляющей узор из S-видных фигур, выполненных зернью и сканью. На концах припаяны по два шарика. К середине выгнутого края припаяна петля из согнутой пластинки. Диаметр 3, ширина в центре 1 см (рис. 9, *2*).

14. Лепной фрагментированный округлотелый сосудик с прямым венчиком и плоским дном. Высота 3, диаметр венчика 1,9 см. Диаметры корпуса и дна не восстанавливаются (рис. 7, *10*).

15. Свинцовое коническое пряслице, высота 1, диаметр основания 0,8 см (рис. 7, *11*).

16. Плоская овальная свинцовая подвеска с круговым пазом по ребру. Размеры 1,2×0,7, толщина 0,2 см (рис. 7, *12*).

17. Пастовые бусы: две кольцевидные желтого и синего цвета диаметром 0,6 см и одна круглая черного цвета диаметром 0,8 см (рис. 7, *3*).

18. Тонкостенный чернолаковый кубок-канфар с высоким прямым коничес-

Рис. 10. Чернолаковый кубок-канфар из погребения № 2.

ким венчиком, выпуклым корпусом, небольшим вогнутым дном и двумя высокими петлевидными ручками. Изнутри и снаружи, за исключением дна, покрыт черным с синеватым отблеском лаком. Высота 9, диаметр венчика 7,7, дна 3,3 см (рис. 10).

19. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой, с ложком до острия. В двух из трех ложков имеются тамгообразные знаки — косой крест и горизонтальная черта. Длина 4 см (рис. 7, *9*).

Для датировки наших комплексов определяющую роль играют античные керамические изделия.

Аттический чернолаковый килик из основного погребения по материалам афинской агоры датируется последней четвертью V в. до н. э.[1] Качество лака, как это специально отмечалось исследователями чернолаковой керамики афинской агоры, на датировку не влияет[2]. Идентичный нашему килик найден в погребении 1906/25 ольвийского некрополя. Датирован Ю. И. Козуб концом V в. до н. э.[3]

Чернолаковый кубок-канфар ионийского, вероятно, хиосского производства из впускного погребения относится к сравнительно редкой категории находок на территории Северного Причерноморья. Период бытования сосудов этого типа с лаковым покрытием и без него ограничивается VI—V вв. до н. э. Чернолаковые сосуды, подобные нашим, по достаточно многочисленной серии находок датируются V в. до н. э., в основном его второй половиной — концом[4]. Предпринятая К. И. Зайцевой попытка пересмотреть хронологию сосудов данного типа не подкреплена археологическими данными и в силу этого не может быть принята[5]. Группа сосудов, отнесенная ею к концу V—IV вв. до н. э., происходит из ольвийских погребений, датируемых Ю. И. Козуб не позднее второй половины V в. до н. э.[6] Датировка сосудов, выделенных К. И. Зайцевой в группу IV в. до н. э., основана на общих соображениях об эволюции форм греческой чернолаковой керамики. Сосуды, включенные в эту группу, беспаспортные. Недавно такой сосуд позднейшего, по К. И. Зайцевой, типа найден в погребении Елизаветовского могильника на Дону в комплексе с киликом последней четверти V в. до н. э.[7]

Бронзовые наконечники стрел из Богдановского кургана относятся к типам, представленным в хронологических группах V—IV и IV—III вв. до н. э. и не противоречат датировкам комплексов концом V в. до н. э.[8]

Прямой железный двудырчатый псалий с 8-видным расширением в середине и расширениями на концах из основного погребения относится к типу, широко представленному в памятниках IV в. до н. э.[9] Судя по нашему комплексу, этот тип появляется в конце V в. до н. э. Наш экземпляр в отличие от изящных псалиев IV в. до н. э. с окончаниями в виде шляпки гвоздя выглядит более архаичным, массивным. Оформление окончаний представляет собой переходный тип от массивных конических утолщений на псалиях VI—V вв. к гвоздевидным шляпкам псалиев IV в. до н. э.

Золотые украшения из впускного погребения № 2 также датируются в пределах V в. до н. э. Золотые лунницы характерны для скифских погребений не моложе V в. до н. э. и в более поздних не известны (Томаковская Острая могила, Херсонский курган, Волковцы, курган 4 раскопок И. А. Линниченко)[10].

Наиболее сходные калачиковидные подвески происходят из кургана 483 у Грушевки, из погребения 4 кургa-

на 4 у с. Волковцы раскопок И. А. Линниченко и беспаспортные из Роменского уезда, которые также относятся к VI—V вв. до н. э.[11]

Штампованные нашивные бляшки в виде человеческого лица, лежащего животного, треугольников из трех розеток, а также биконические гладкие и рубчатые овальные бусы широко представлены в курганах V—IV вв. до н. э.

Не противоречат датировке всего кургана в целом концом V в. до н. э. и иные категории инвентаря, датировка которых в данном случае уточняется по античному керамическому импорту.

В этой связи особый интерес приобретает датировка амфорных клейм из тризны, связанной с древнейшим погребением кургана, по стратиграфическим условиям безукоризненно датируемой в пределах последней четверти V в. до н. э.

Б. А. Василенко обратил внимание на типологическую близость и подражательность форм амфор типа Солоха II и хиосских конца V—IV вв. до н. э., а также близость характера их спорадического клеймения, которое он по материалам Днестровских поселений датировал самым началом IV или концом V в. до н. э.[12] Наши клейма на амфорах типа Солоха II на основании чернолаковой керамики подтверждают раннюю датировку этого типа клейм концом V в. до н. э.

Гераклейские клейма из богдановского кургана по схеме Б. А. Василенко относятся ко II и III типологическим группам клейм, к периоду их сосуществования, и согласно схеме должны датироваться концом первой — началом второй четверти IV в. до н. э.[13] По схеме И. Б. Брашинского наши клейма входят во II раннюю и II позднюю группы и датируются примерно тем же временем[14]. Однако стратифицированность Богдановского кургана и датировки погребений не оставляют сомнений в правильности отнесения клейм из тризны к концу V в. до н. э.

Находки гераклейских клейменых амфор в комплексах конца V в. до н. э. неоднократно отмечались исследователями[15]. Причем клейма из этих комплексов относятся к различным типологическим группам и по различным схемам должны датироваться в весьма широких пределах. До сих пор этот факт оставался вне поля зрения авторов схем гераклейского клеймения. Находки клейм в кургане у с. Богдановка, их надежная датировка доказывают неслучайность наличия гераклейских клейменых амфор в комплексах конца V в. до н. э. и дают надежные основания для их датирования именно этим временем.

Учет данных по составу клейм в комплексах конца V в. до н. э. дает следующее: в них присутствуют клейма I, II и III групп по схеме Б. А. Василенко и I, II ранней и II поздней, III ранней и III поздней групп по И. Б. Брашинскому. Датировка по Б. А. Василенко (период сосуществования клейм I—III групп) — конец первой — начало второй четверти IV в. до н. э., по И. Б. Брашинскому — первая половина IV в. до н. э. Период сосуществования клейм I—III групп, выделенный Б. А. Василенко, и отнесенный им к концу первой — началу второй четверти IV в. до н. э., судя по этим данным, должен начинаться гораздо раньше, буквально с начала гераклейского клеймения. Ю. И. Козуб и Б. А. Василенко относили начало клеймения в Гераклее к концу V в. до н. э.[16] В. М. Скуднова, Б. Н. Граков и И. Б. Брашинский — к рубежу V—IV вв. до н. э.[17] С открытием Богдановского кургана появился надежный аргумент в пользу более ранней датировки.

Клейменые гераклейские амфоры — нередкая находка в скифских курганах. Поэтому уточнение хронологии гераклейского клеймения имеет важное значение для разработки хронологии скифских памятников Причерноморья V и IV вв. до н. э. Материалы богдановского кургана дают ключ к выделению, с одной стороны, группы гераклейских клейм конца V в. до н. э., с другой — скифских памятников этого же времени.

[1] *The Athenian* Agora.— Vol. 12.— P. 11; *Sparker B., Talcott L.* Black and plaine pottery of the 6,5 and 4 centuries B. C.— Princeton (N. J.) 1970 (по форме — № 617—410 г. до н. э., № 622 — 400—380 гг. до н. э.; штампованный орнамент: № 482 — 425 г. до н. э., № 587 — 420—410 гг. до н. э.).

[2] Там же.— С. 2.

[3] *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. е.— К., 1975.— С. 47; рис. 9.— С. 46, С. 144.— № 100.

[4] *Худяк М. М.* Нимфейская экспедиция 1939 г. // Тр. отд. истории искусства и культуры антич. мира.— Л., 1945.— Т. 1.— С. 157, табл. 11, *1*; *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—40 гг. // МИА.— 1952.— № 25.— С. 91, рис. 109, 2; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА.— 1959.— № 69.— С. 165, рис. 12; *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА.— Т. 12.— С. 280, рис. 5; *Белов Г. Д.* Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ.— 1972.— Т. 13.— С. 19; *Иванов Т.* Античная керамика Некрополя Аполлонии // Аполлония — София.— 1963.— С. 192, рис. 76, № 455; *Козуб Ю. І.* Вказ. праця.— С. 48—50, рис. 10, 11.

[5] *Зайцева К. Й.* Кубки V—IV вв. до н. э. // ТГЭ.— 1972.— Т. 13.— С. 90—98.

[6] *Козуб Ю. І.* Вказ. праця.— С. 134, № 7; с. 149, № 144; с. 158, № 202.

[7] *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону.— Л., 1980.— № 162.— С. 127.

[8] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— М., 1964.— С. 23—30.

[9] *Ильинская В. А.* Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности.— Киев, 1973.— С. 42—63.

[10] *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов.— Прага. Ленинград, 1966.— Рис. 19.— С. 17; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // САИ.— М., 1966.— № 31.— С. 57; *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья.— Киев, 1968.— Табл. 41.— С. 139.

[11] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья.— С. 139; *Онайко Н. А.* Указ. соч.— С. 64. № 240—242.

[12] *Василенко Б. А.* Клейма на амфорах типа Солоха II // СА.— 1971.— № 2.— С. 245.

[13] *Василенко Б. А.* О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э. // НЭ.— Т. 11.— С. 6—7.

[14] *Брашинский И. Б.*— Указ. соч.— С. 39.

[15] *Скуднова В. М.* Комплекс находок из раскопок святилища Кабиров в Нимфее // КСИИМК.— 1956.— 63; *Козуб Ю. І.* Вказ. праця.— С. 72.

[16] *Козуб Ю. І.* Вказ. праця.— С. 72; *Василенко Б. А.* О характере клеймения гераклейских амфор.— С. 6.

[17] *Цехмістренко В. І.* До датування гераклейських клейм // Археологія.— № 5.— С. 26; *Брашинский И. Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ.— 1965.— Т. 5.— С. 6.

Г. Л. Евдокимов, М. И. Фридман

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ У с. ПЕРВОМАЕВКА НА ХЕРСОНЩИНЕ

В 1981 г. Краснознаменская экспедиция Института археологии АН УССР (начальник Г. Л. Евдокимов) проводила раскопки четырех курганных групп (I—IV) у с. Первомаевка Верхне-Рогачинского р-на Херсонской обл.

В настоящей статье мы публикуем результаты исследований скифских курганов группы Первомаевка-II. Курганная группа состояла из девяти насыпей высотой от 0,5 до 3,5 м, вытянувшихся цепочкой с востока на запад, на плато левого берега Днепра в 4 км к югу от села и в 1,5 км к северо-востоку от трассы Каменка-Днепровская—Каховка. Группа смешанная. Исследовано четыре кургана (один эпохи бронзы и три скифских) занимавших крайнее восточное положение в группе. Замеры высот насыпей, глубина основных погребальных сооружений производились от уровня погребального чернозема, а глубина впускных погребальных сооружений — от условной точки «О», взятой произвольно на вершине кургана.

Курган № 1. Насыпь круглая в плане, высотой 3,5, диаметром 54 м, состояла из больших кусков дерна. Под насыпью открыт кольцевой ров с перемычками на западе и востоке. Диаметр рва 50, ширина 1, глубина 1,3 м, ширина перемычек 1,6 и 2,2 м (рис. 1, *1*). В заполнении рва, особенно в районе перемычек, обнаружены остатки тризны — кости животных, фрагменты от 7—8 амфор трех типов — гераклейских, с рюмкообразной ножкой, колпачковых (рис. 1, *2*). Амфорный бой выявлен только в западной части рва.

В центре кургана находились два одновременных скифских погребения, материковый выкид из которых лежал на древней поверхности и образовывал вокруг могил округлую площадку размерами 16×18, толщиной до 0,3 м. В 6 м к северо-западу от центра

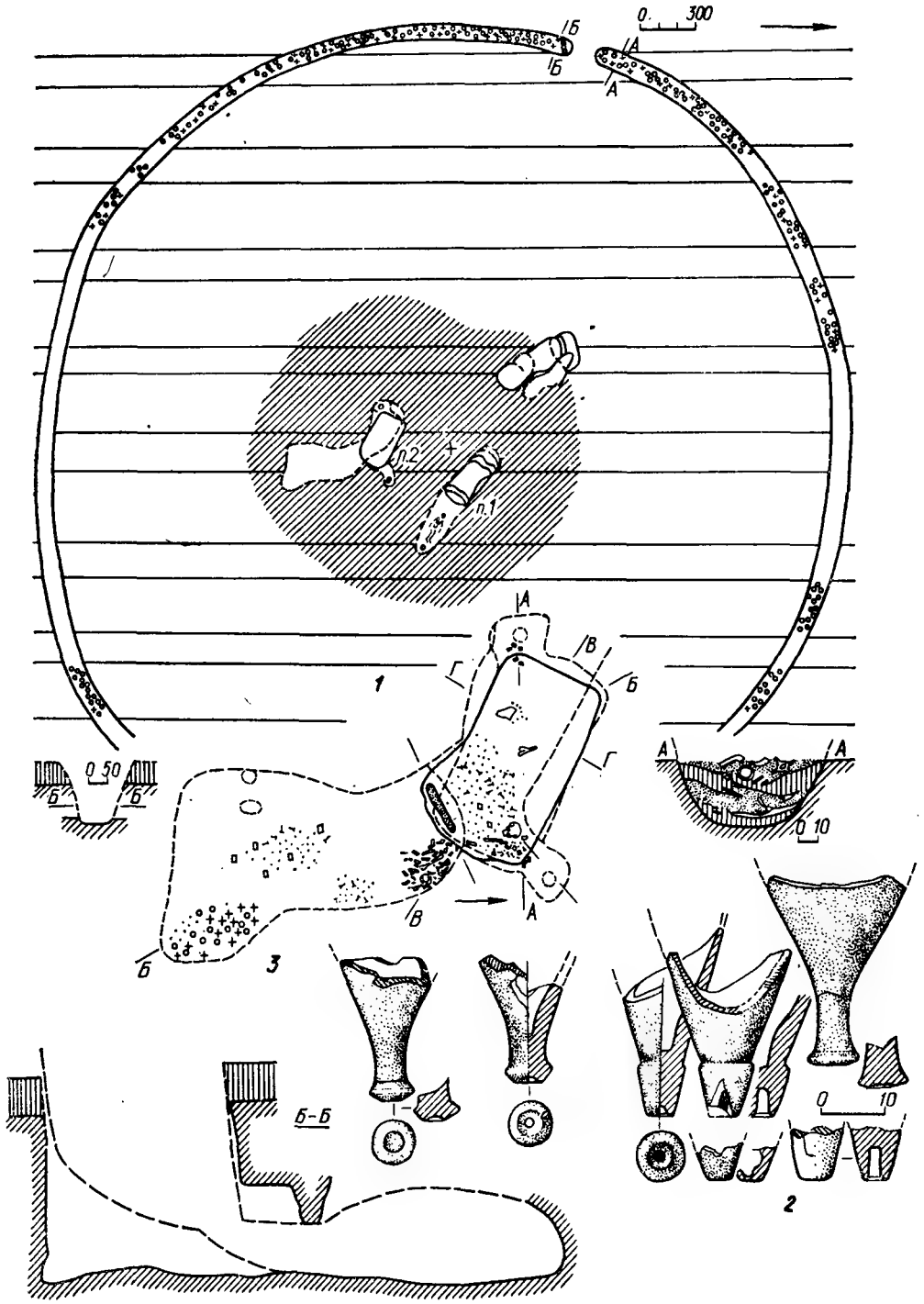


Рис. 1. Курган № 1.
1 — общий план; *2* — фрагменты амфор из тризны; *3* — план и разрез погребения № 2.

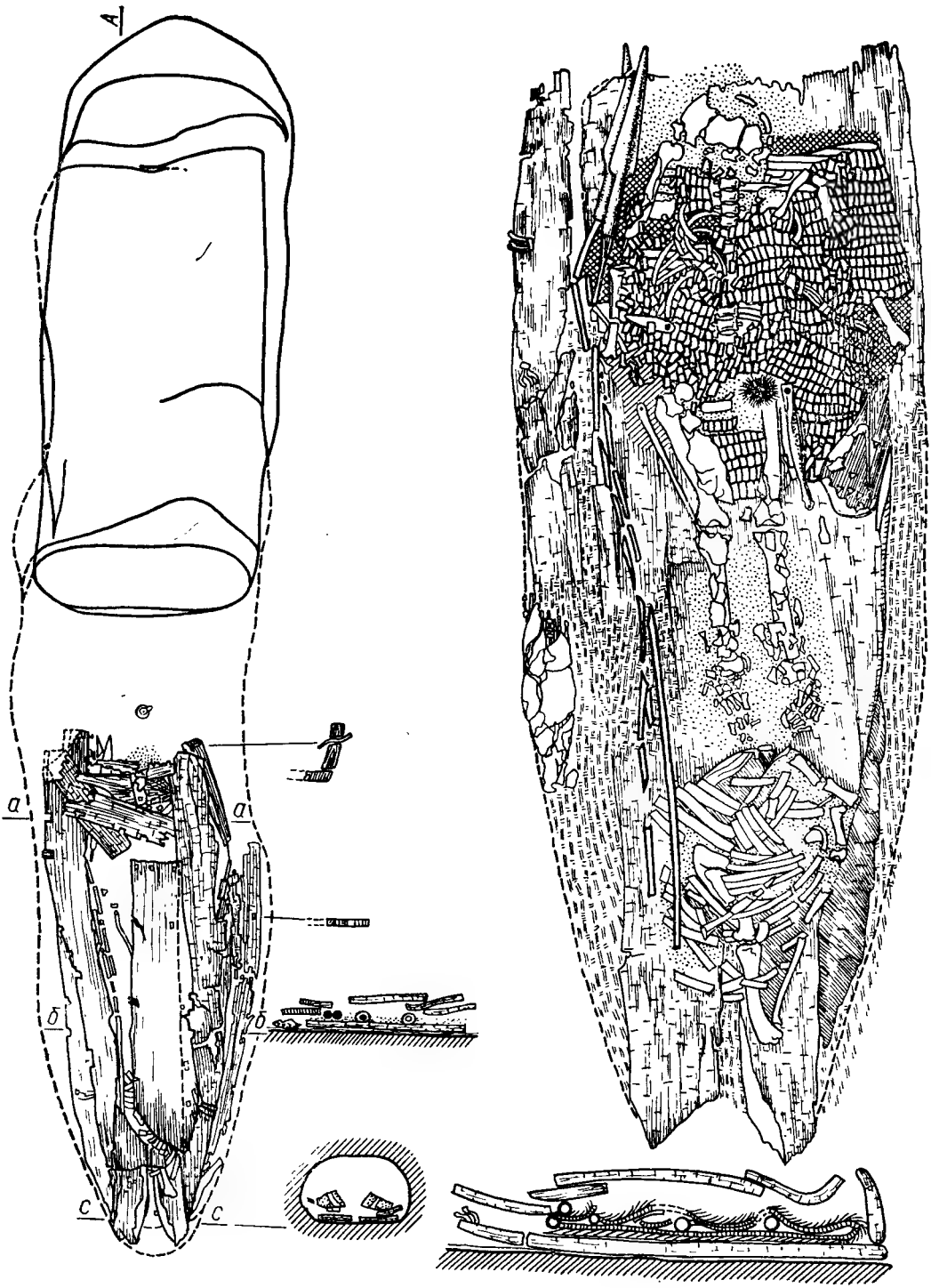


Рис. 2. Курган № 1. План и разрез погребения № 1.

прослежен незаконченный грабительский ход, идущий с северо-запада на юго-восток в сторону второго погребения.

Погребение № 1. (рис. 2, *1*) находилось в центре кургана. Совершено в катакомбе. Овальная входная яма размерами 3,6×1,4 м, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Вдоль северо-западной стенки на глубине 1,8 м оставлена ступенька шириной 0,45 м. Заполнение материковое. На стенках входной ямы сохранились следы тесла с шириной лезвия 4 см. Дно ямы с глубины 2,2 м понижалось на 0,7 м к входу в погребальную камеру. Вход в камеру арочной формы высотой 0,85, шириной 1,4 м находился в юго-восточной стенке. Овальная в плане камера длиной 4,1, шириной у входа 1,4, у задней стенки 0,5 м ориентирована по одной оси с входной ямой. Дно камеры понижается к задней стенке до уровня 3,3, при высоте свода 0,45 м.

Погребенный лежал в деревянном ладьевидном гробовище (рис. 2, *2*) размерами: длина 2,9, ширина в изголовье 1, в средней части 1,1, в ногах 0,45 м. Гробовище сделано из тонких, хорошо обструганных досок, скрепленных между собой веревками и деревянными колышками, вставленными в прямоугольные отверстия. Передняя стенка представляла собой доску с полуовальным выступом в центре. Боковые стенки сделаны из двух досок — длинной и короткой, которые сходились к заднему острому концу гробовища, скреплены между собой массивным деревянным клином. В стенках сделано большое отверстие, в которое вставлен деревянный стержень. Дно гробовища составлено из двух широких досок, сужавшихся к задней стенке. Крышка состояла из трех длинных досок, скрепленных между собой. Перед гробовищем стоял светильник (1).

Погребенный, мужчина 40—45 лет [1], лежал в вытянутом положении, головой на северо-запад, одет в пластинчатый панцырь (2), руки находились внутри панциря. Панцирь поврежден крышкой гробовища и полностью установить его первоначальную форму не удалось. Справа у головы погребенного лежало два копья (3) и костяной гребень (4). Возле локтя правой руки — два оселка (5). На верхнем слое панциря прослежены остатки перевязи (кожаный ремень шириной до 4 см, обмотанный матерчатой тесьмой), лежавшей наискосок через правое плечо. На перевязи, у левого бедра колчан (6), рядом нож (7). На костях таза прослежены остатки кожаного пояса, к которому, очевидно, были подвешены два деревянных предмета (8, 9) и нагайка (10). Возле правой стенки гробовища в ногах погребенного выявлен кожаный футляр цилиндрической формы, круглое дно изготовлено из толстой бересты и пришито к стенкам сухожилиями. Длина футляра 50 при диаметре 10 см. В футляре находилось девять округлых деревянных стержней длиной 25—30, толщиной 0,5 см (на трех палочках накручена кожаная тесьма шириной 1 см) и кости крыла птицы. Предположительно эти стержни можно интерпретировать как прутики скифских прорицателей, описанных Геродотом [2]. На ногах погребенного прослежены остатки кожаных штанов, на ступнях сохранилась кожаная мягкая обувь — «скифики» — полусапожки, стянутые на щиколотках кожаным шнурком. В ногах погребенного стояло деревянное блюдо (11) с частью туши коровы и железным ножом (12).

1. Светильник на кольцевом слабо профилированном поддоне. Рожок вытянутый, с закругленным концом. Диаметр отверстия 1 см. Щиток ровный, с отверстием для наливания масла диаметром 2,2 см. Ручка обломана в древности. Высота светильника 3,7, длина 9,3 см (рис. 3, *1*).

2. Сохранившиеся фрагменты позволяют реконструировать панцырь в виде покрытой железным пластинчатым набором рубахи без рукавов, застегивающейся на правом боку с помощью двух железных застежек в виде полутрубок, расположенных вертикально на расстоянии 20 см одна от другой (рис. 4). Наружные края застежек оформлены в виде валиков, с внутренней стороны валики заканчиваются выступающими и несколько изогнутыми внутрь шипами. Длина застежек 8, ширина 3 см.

К нагрудной части доспеха прикреп-

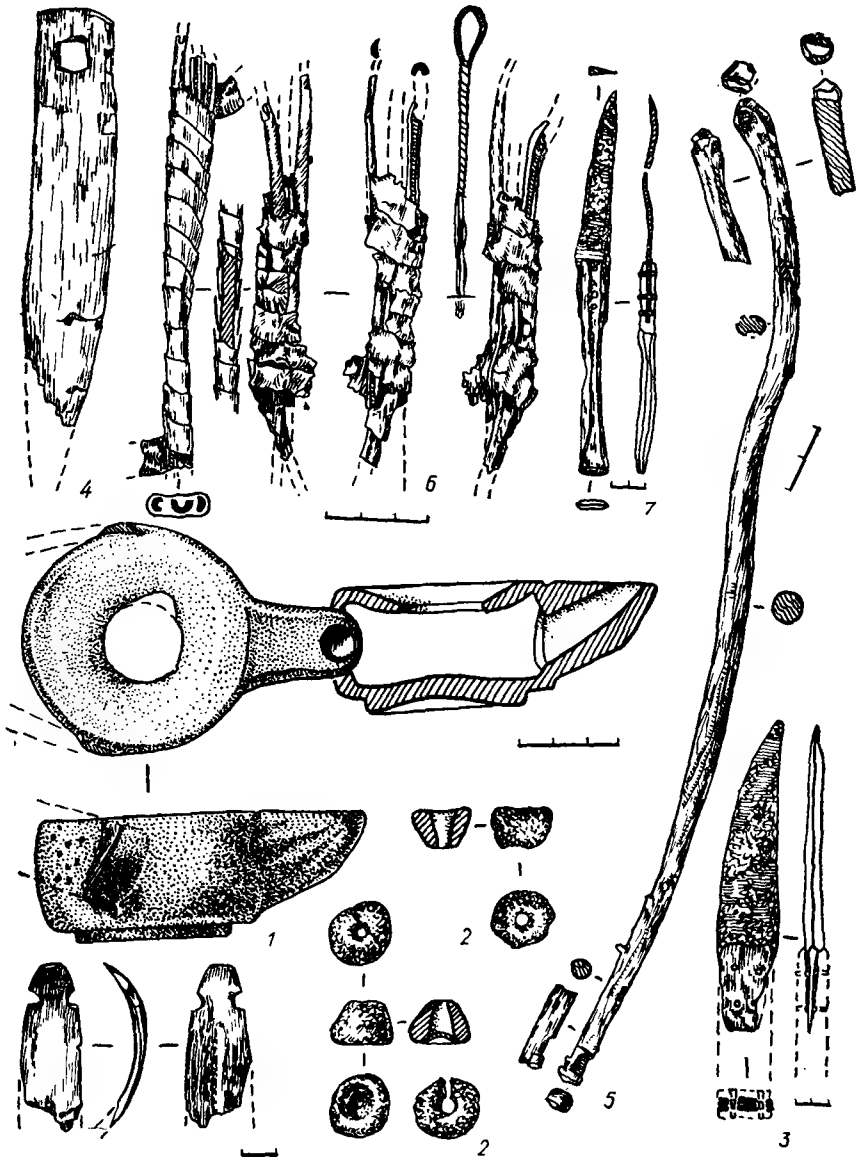


Рис. 3. Курган № 1. Инвентарь погребения № 1.
1 — светильник; *2* — ворварки; *3* — железный нож; *4* — фрагмент деревянного предмета; *5* — палочка; *6* — нагайка; *7* — железный нож.

лены железные ворварки конической формы (рис. 6, *2*) диаметром 1,5 см при диаметре отверстия 0,5 см, к которым с помощью шнурков крепились оплечья, изготовленные из толстой кожи без пластинчатого набора. Передняя часть доспеха длиной около 50 см доходит до низа живота, спинная на 30 см длиннее и опускается почти до колен. Ширина панциря около 60 см.

Железные пластины набора нашиты на кожаную основу горизонтальными рядами снизу вверх. Верхняя пластина находится не непосредственно над нижней, а перекрывает стык между двумя пластинами нижнего ряда (рис. 5, *1*). Принцип размещения пластин правый. В состав набора входили пластины разной величины. Передняя часть набрана из однотипных прямоугольных пластин. Один из боковых и нижний края пластин загнуты внутрь. Пласти-

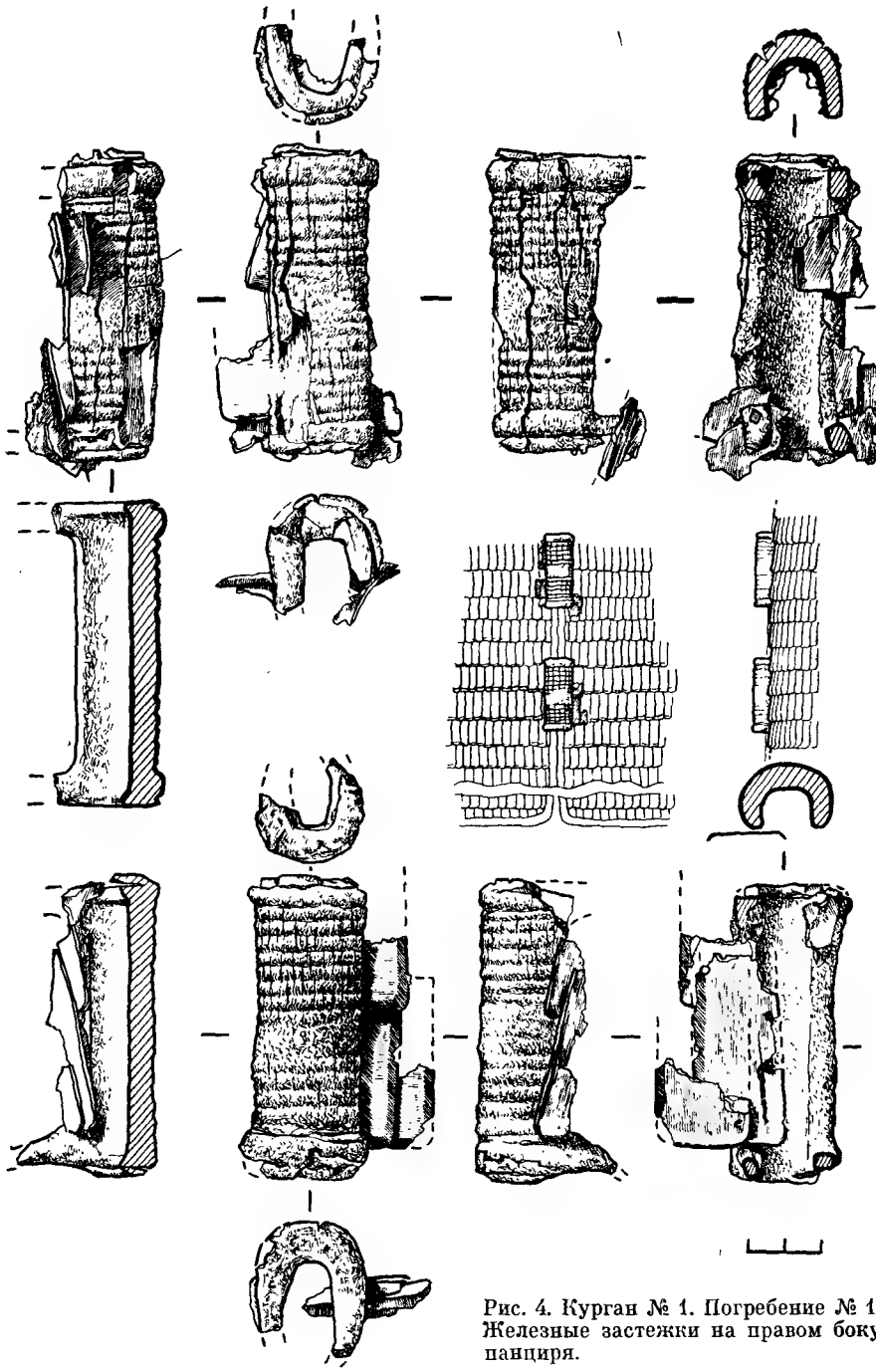


Рис. 4. Курган № 1. Погребение № 1. Железные застежки на правом боку панциря.

ны имеют по 2—3 отверстия в верхней части и на одном боковом крае. Размер пластин 3,5—4,5×2—2,5 см. На спине доспеха прослежены пластины трех типов. До пояса идет набор прямоугольных пластин, однотипных пластинам, находящимся на груди (рис. 5, *2*). На пояснице проходит ряд длинных прямоугольных пластин (7×2 см), выгнутых наружу в нижней трети. Затем ряд коротких широких пластин размерами 4×2 см. В центре некоторых пластин пробиты большие круглые отверстия (рис. 5, *3*). Закан-

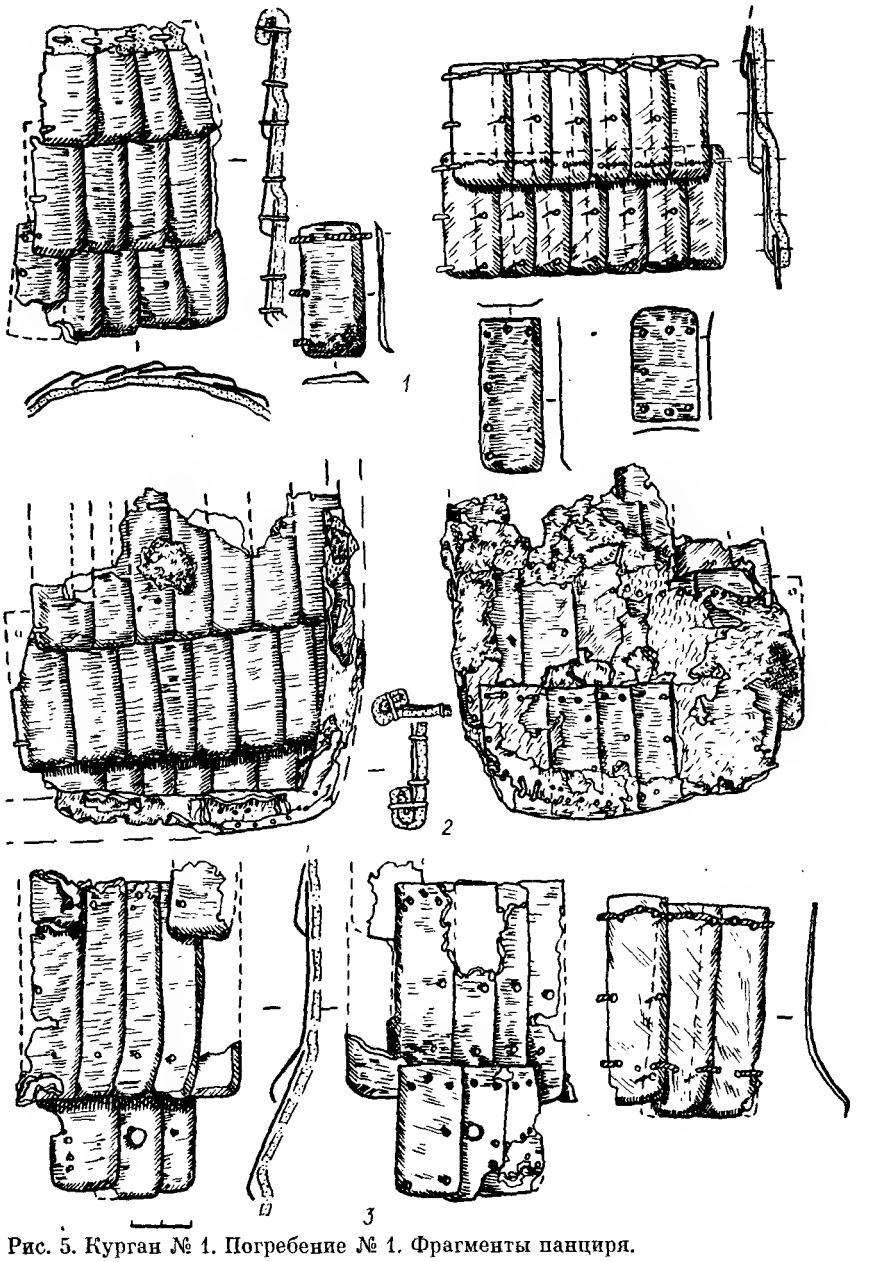


Рис. 5. Курган № 1. Погребение № 1. Фрагменты панциря.

чивается гэдол рядом коротких широких пластин размерами 4,5×2,7 см. По краям кожа основы загнута наружу в виде валика.

3. Копья были уложены в гробовище наконечниками к голове. Общая длина копий 2,4 см. Древки сохранились, наконечники имеют перо с прямыми, сходящимися к острию гранями. Посередине перьев проходит невысокое узкое ребро. Наибольшая ширина пера находится в последней четверти длины. Ко втулке перья плавно сужаются, так что стороны в нижней части пера у первого копья криволинейны, у второго округлы. Втулки конические, на конце валик (муфта). Длина первого наконечника 50, длина втулки 17, второго — 45, втулки 14 см (рис. 6, *1*).

4. Костяной гребень, рукоять орнаментирована в виде пересекающихся волнообразных линий, образующих

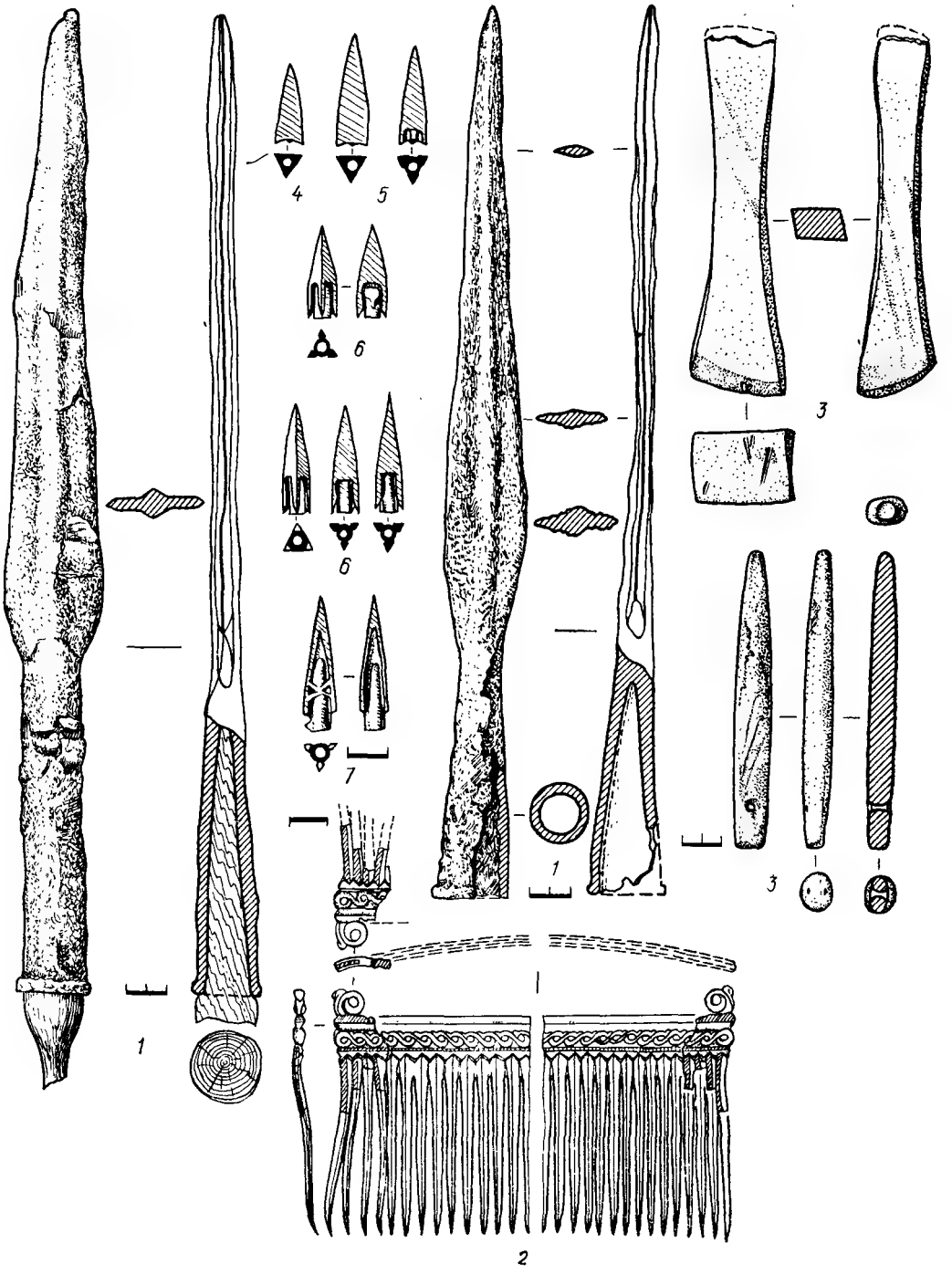


Рис. 6. Инвентарь погребения № 1 кургана № 1.
1 — копья; *2* — костяной гребень; *3* — точильные камни; *4—7* — бронзовые наконечники стрел.

своеобразную плетенку. Длина около 10,5, ширина около 6,5 см (рис. 6, *2*).

5. Точильные камни: первый прямоугольной формы, к середине оселка плоскости в результате сработанности сужаются, длина 18, ширина 3—4 см. Второй оселок в сечении овальный, на одном конце просверлено отверстие диаметром 0,5 см. Длина оселка 15, ширина 1,9 см (рис. 6, *3*).

6. Колчанный набор состоял из 82 бронзовых втульчатых наконечников стрел. Трехгранные: а) 50 — с внутренней втулкой, гладкими свисающими остриями граней. 19 наконечников изготовлены в единой форме. Длина 2,2—2,7 см (рис. 6, *4*); б) 15 — с небольшим П-образным ложком, внутренней втулкой и свисающими остриями. Длина 2,5 см (рис. 6, *5*). Трехлопастные: а) 16 — с прямоугольным ложком на треть длины головки, с втулкой вровень с концами лопастей или чуть выступающей. Лопасти соединяются со втулкой под острым углом. Длина 2,5—3,1 см (рис. 6, *6*); б) один — с ложком до острия, со втулкой, незначительно выступающей. На ложке тамгообразный знак в виде пересекающихся линий, образующих косой крест. Длина 3,4 см (рис. 6, *7*).

7. Железный нож с горбатой спинкой, рукоять обломана. Клинок крепился в цельной костяной рукояти с помощью четырех железных заклепок (рис. 3, *3*).

8. Фрагмент деревянного предмета типа кочедыка длиной 12, шириной 2,1 см. В верхней части квадратное отверстие размером 0,8×0,8 см (рис. 3, *4*).

9. Слегка прогнутая, круглая в сечении палочка с отверстием на одном конце и вырезом на другом. Длина 29,5, диаметр 0,9 см (рис. 3, *5*).

10. Нагайка из кожаных ремешков, сложенных до середины вместе и обмотанных кожаной тесьмой. В верхней части петля (рис. 3, *6*).

11. Деревянное блюдо овальной формы размерами 50×25 см с двумя выступами-ручками.

12. Железный нож с горбатой спинкой, с шестигранной в сечении цельной костяной рукоятью. Лезвие крепилось тремя железными заклепками. Длина ножа 22, рукояти 12,4 см (рис. 3, *7*).

Погребение № 2 (рис. 1, *3*). Находилось в 4 м к югу от погребения № 1. Совершено в катакомбе. Прямоугольная входная яма размерами 3,2×1,8 м ориентирована с северо-запада на юго-восток. Погребение ограблено в древности через входную яму. В заполнении грабительского хода обнаружены фрагментированные бронзовые поножи (1), бронзовые пластины от наборного пояса (2), мелкие золотые бляшки и гвоздики (3), золотые пластинки (4), череп женщины 22—25 лет и отдельные кости двух скелетов. Дно входной ямы на глубине 3,25 м, в центральной части сильно обожжено, выявлены угли и обожженная каменная плитка.

В западном углу находилась округлая ниша длиной 0,6, шириной 0,9, высотой 0,8 м. В ней обнаружен развал лепного сосуда (6) и окрашенные окислами бронзы кости овцы, выброшенные из бронзового котла, унесенного грабителями. Вторая ниша прямоугольная в плане длиной 0,8, шириной 0,7 м открыта в восточном углу входной ямы. В дне ниши обнаружено правильное цилиндрическое углубление, в которое вставлялась ножка похищенного котла, вокруг разбросанные кости овцы, окрашенные окислами бронзы. Дно входной ямы плавно понижалось на 0,25 м ко входу в погребальную камеру и переходило в дно дромоса.

Вход в погребальную камеру арочной формы высотой 0,8, шириной 1,3 м находился в юго-восточном углу входной ямы. Перед входом открыто прямоугольное углубление длиной 0,9, шириной 0,2, глубиной 0,08 м для крепления перекрытия, закрывавшего вход в погребальную камеру. Входную яму с погребальной камерой соединял идущий под углом на юг дромос длиной 2,6, шириной у ямы 1,6, у камеры 2,1 м. В заполнении дромоса выявлены отдельные кости погребенных и череп мужчины 35—40 лет.

Неправильной формы камера размерами 3×1,9 м ориентирована по длине запад — восток с небольшим отклонением к югу. Дно на глубине 3,85 м. Возле западной стенки открыто два округлых углубления диаметром 0,2 и

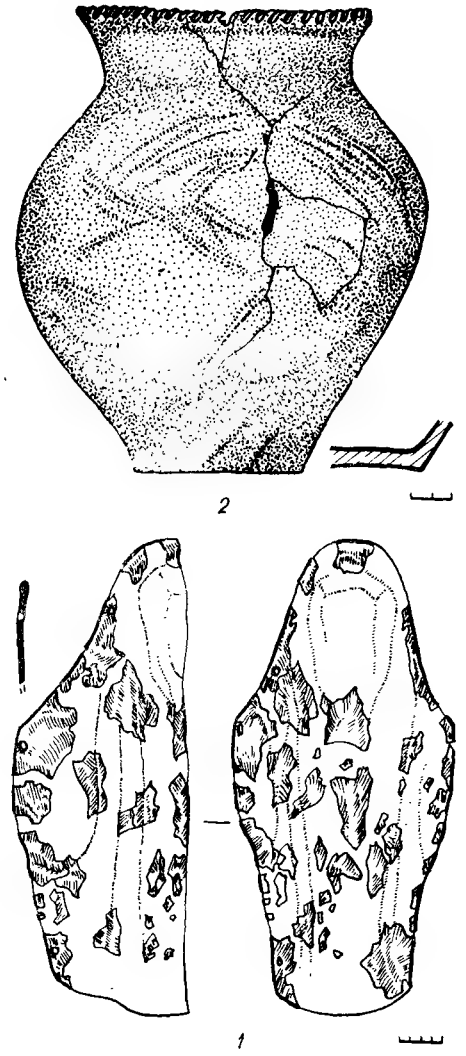


Рис. 7. Инвентарь погребения № 2 кургана № 1.

1 — бронзовые поножи; *2* — лепной сосуд.

0,25, глубиной 0,35 и 0,2 м (тайники?). В затеке камеры обнаружены золотые бляшки (3—5), куски пояса с железным пластинчатым набором (7), втоки (8) и фрагменты наконечников копий (9), бронзовые наконечники стрел (10), фрагмент клинка меча (11), железные ножи (12), железная ворварка (13).

1. Поножи изготовлены из золотистой бронзы, поверхность их тщательно отполирована. Судя по фрагментам, их можно отнести к форме ножного доспеха, защищавшего не только голени, но и колени воина. Нижний край слегка утолщен и отогнут наружу. По периметру пробиты отверстия для крепления подкладки и ремней завязок. Острые края отверстий сглажены. Общая высота 44 см (рис. 7, *1*).

2. Продолговатые бронзовые пластины наборного портупейного пояса. С одной стороны углы пластин срезаны, с другой закруглены. Для крепления к основе по краям пластин имеются отверстия: одно по левому краю, по два с торцовых сторон. Каждая пластина закрывает треть поверхности предыдущей. Размеры пластин 4,5×0,6 см (рис. 9, *4*).

3. Золотые гвоздики с полусферической шляпкой. Длина 0,7—1, диаметр шляпок 0,4 см (рис. 8, *1*).

Нашивные золотые и электровые бляшки, украшавшие одежду. Маленькие золотые (784 экземпляра) полусферической формы, с припаянной внутри петелькой. Диаметр бляшек 0,3—0,5 см (рис. 8, *2*).

4. Семь электровых, выпуклых, прямоугольной формы, размерами 2,1×2,9 см, бляшек с изображением грифона, повернутого вправо, голова оформлена в виде человеческой. Крылья переданы тремя рядами выпуклых черточек. Края оформлены в виде рубчатой рамки. По углам отверстия для нашивания (рис. 8, *3*). 15 электровых крестовидных бляшек размерами 2×2 см, из пяти соединенных кружков диаметром 0,5 см. По углам отверстия для нашивания (рис. 8, *2*).

5. Восемь выпуклых электровых бляшек округлой формы с изображением мужского лица, волосы и борода переданы рубчатым валиком. По краю два отверстия для нашивания (рис. 8, *5*). Фрагмент электровой бляшки с изображением головы человека в профиль (рис. 8, *6*).

6. Лепной сосуд с отогнутым венчиком, украшенным по краю рядом косых вдавлений. В плечиках корпус раздут, дно плоское. Высота сосуда 21,8, диаметр венчика 14, корпуса 19,6, дна 8 см (рис. 7, *2*).

7. Фрагмент портупейного пояса с железным пластинчатым набором. Пластины нашиты на кожаную основу так, что каждая пластина перекрывает

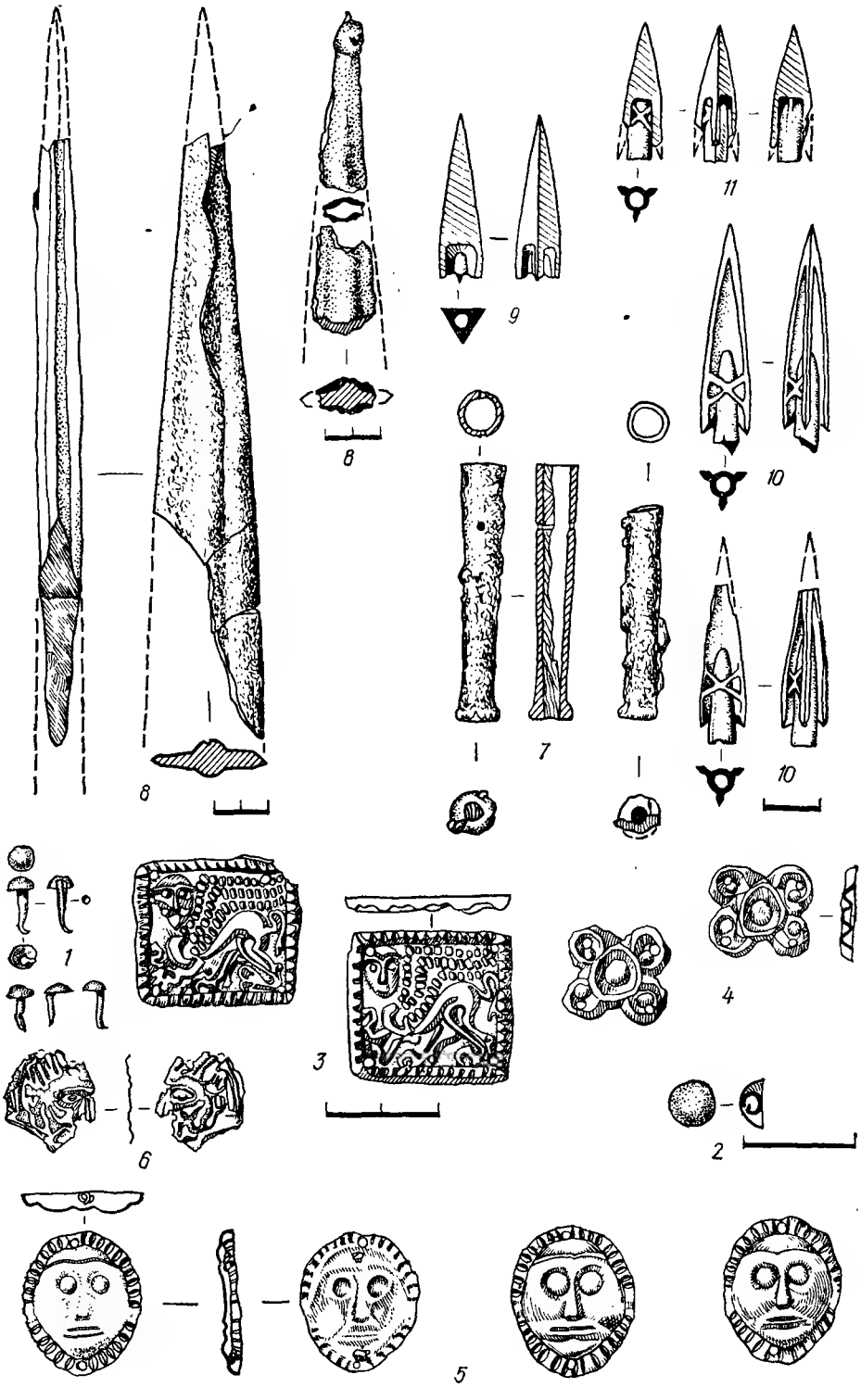


Рис. 8. Инвентарь погребения № 2 кургана № 1.

1—6 — золотые и электровые нашивные бляшки; *7* — фрагмент портупейного пояса (железо); *8* — втокн копий; *10—11* — бронзовые наконечники стрел.

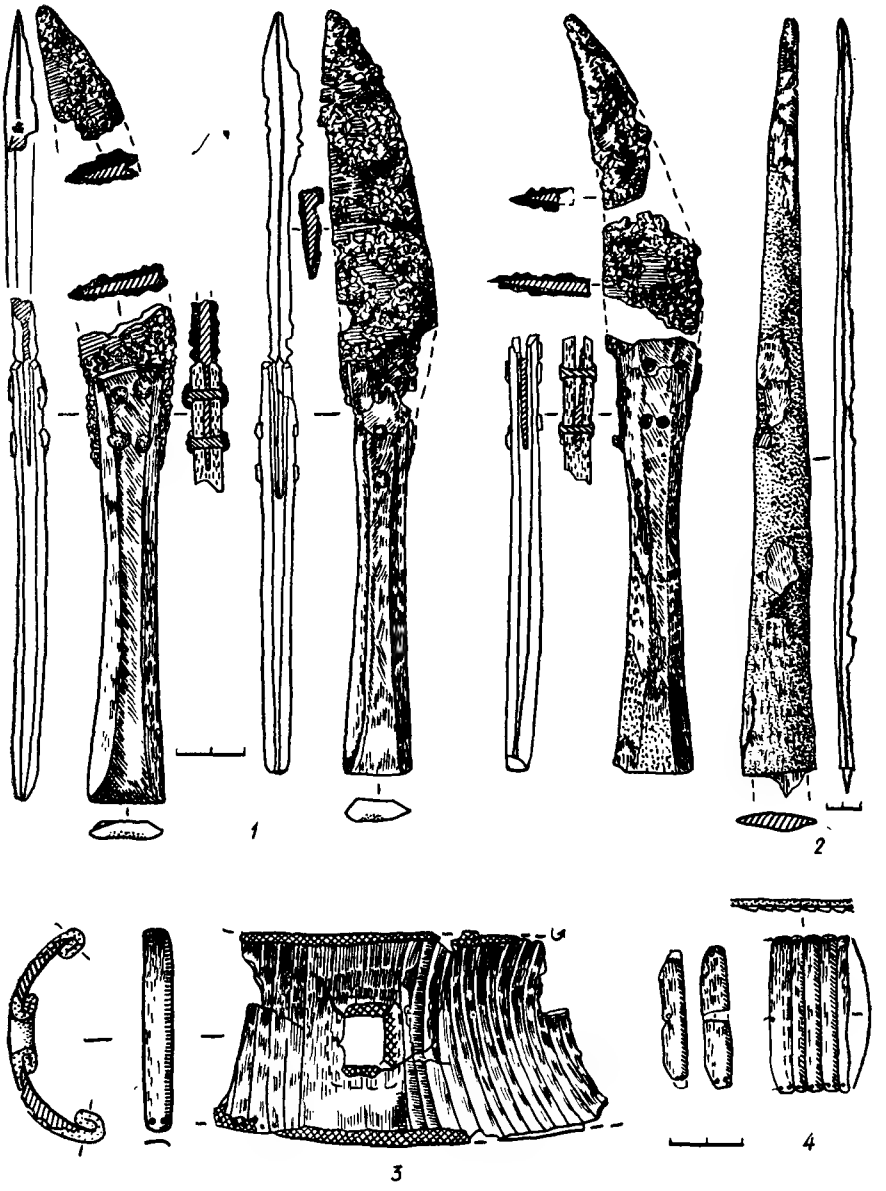


Рис. 9. Инвентарь погребения № 2 кургана № 1.
1 — железные ножи; *2* — фрагмент клинка меча; *3—4* — фрагменты портупейного пояса.

треть поверхности предыдущей. По краям кожа основы загнута наружу в виде валика. Для крепления к основе с торцовых сторон пластин пробито по два отверстия. Средняя часть пластин сильно вогнута внутрь. Размеры пластин 5,7×0,8 см. Серединная пластина прямоугольной формы размерами 5,9×2,8 см с отверстием в центре (1,6×1,2 см) (рис. 9, *3*).

8. Девять железных втоков копий цилиндрической формы. Пять с ободком по нижнему краю. Длина 7,4—9, диаметр 1,4—1,7 см. На двух втоках отверстия для гвоздя (рис. 8, *7*).

9. Фрагменты трех копий с узким листовидным пером и невысоким ребром посредине (рис. 8, *8*).

10. Десять бронзовых втульчатых наконечников стрел. Семь трехгранных,

с небольшим П-образным ложком, внутренней втулкой и свисающими остриями граней. Лопасти соединяются со втулкой под острым углом. Длина 2,8—3 см (рис. 8, *9*). Трехлопастные: а) 2 — с ложком до острия, слегка выступающей втулкой. Лопасти соединяются со втулкой под острым углом. На ложке помещен тамгообразный знак в виде косого креста. Длина наконечников 3,9 см (рис. 8, *10*); б) один — с прямоугольным ложком на $^1/_2$ длины наконечника, со втулкой вровень с концами лопастей. На ложке косой крест. Длина 2,4 см (рис. 8, *11*).

11. Фрагмент клинка меча имеет вид узкого вытянутого треугольника длиной 42, шириной у основания 4 см. В сечении клинок линзовидной формы (рис. 9, *2*).

12. Один целый и фрагменты трех железных ножей с горбатой спинкой. Лезвие крепилось к цельной граненой костяной рукояти при помощи трех-четырех железных заклепок. Длина целого ножа 20,7, рукояти 11,4 см (рис. 9, *1*).

13. Железная коническая ворварка со сквозным отверстием диаметром в верхней части 0,4, в нижней 0,8 см. Высота ворварки 1,3, диаметр в верхней части 1, в нижней 1,7 см.

Курган № 2. Высота 0,5, диаметр 30 см (рис. 10, *1*). Под насыпью открыт кольцевой ров диаметром 24, шириной 0,7, глубиной 1 м с перемычками на северо-западе и юго-востоке шириной 0,6 и 1,2 м. Во рву, в районе перемычек, обнаружены необработанные каменные плиты, фрагменты гераклейских амфор, два бронзовых псалия (1). В южной части рва найдена антропоморфная скифская стела (2). В кургане открыто три погребения: два скифских и одно средневековое. Средневековое было впущено через входную яму основного скифского погребения.

Погребение № 1 (рис. 10, *2*). Находилось в юго-западном секторе кургана. Совершено в яме с подбоем. Прямоугольная входная яма размерами 2,4×0,5 м ориентирована с востока на запад. Дно на глубине 2,6 м, в нем обнаружены два наконечника копий (3), воткнутых в дно так, что края втулок находились на одном уровне с дном. Вход в камеру в северной стенке. Прямоугольная погребальная камера размерами 2,4×1 м ориентирована параллельно входной яме. Дно на глубине 2,77 м. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на запад. За черепом выявлены остатки напутственной пищи и нож (4), лежавшие на деревянном подносе, от которого сохранились фрагменты железных скоб. На черепе погребенного прослежены остатки кожаной ленты, оплетенной по краям бронзовой проволокой. Вокруг черепа и у таза обнаружены наконечники стрел (5).

1. Бронзовые псалии S-видной формы, верхний конец оформлен в виде головы птицы, нижний — лап животного. В средней части псалиев в утолщениях — два отверстия, еще одно отверстие в верхнем крае. Длина псалиев 11 см (рис. 11, *1*).

2. Каменное изваяние изготовлено из грубого ноздреватого ракушечника. Имеет прямоугольную форму, суживающуюся книзу. Голова передана полукруглым выступом размером 28×25 см. Плечи прямые шириной 45 см. Высота стелы 1,75 м, ширина основания 26, толщина 18—30 см (рис. 10, *3*).

3. Железные наконечники копий с остролистным пером, с прямыми, сходящимися к острию гранями. Посредине перьев проходит невысокое ребро. Расширение пера приходится на первую треть длины. Наибольшая ширина составляет 4 см. Втулки конические, на нижнем конце валик. Длина наконечников 40, втулки 12 см (рис. 11, *2*).

4. Фрагмент железного ножа. Лезвие с горбатой спинкой, закреплено в цельной, шестигранной в сечении, костяной рукояти тремя железными заклепками.

5. 65 бронзовых втульчатых трехлопастных стрел четырех типов: а) 50 — с ложком до острия, со втулкой вровень с концами лопастей. Лопасти соединяются со втулкой под острым углом. 27 экземпляров у острия на ложке имеют знак в виде косого креста. Длина 3 см (рис. 11, *3*); б) 5 — с ложком до острия, внутренней втулкой и свисающими остриями граней. Длина 2,8 см (рис. 11, *4*); в) девять — с прямоугольным ложком, со втулкой вро-

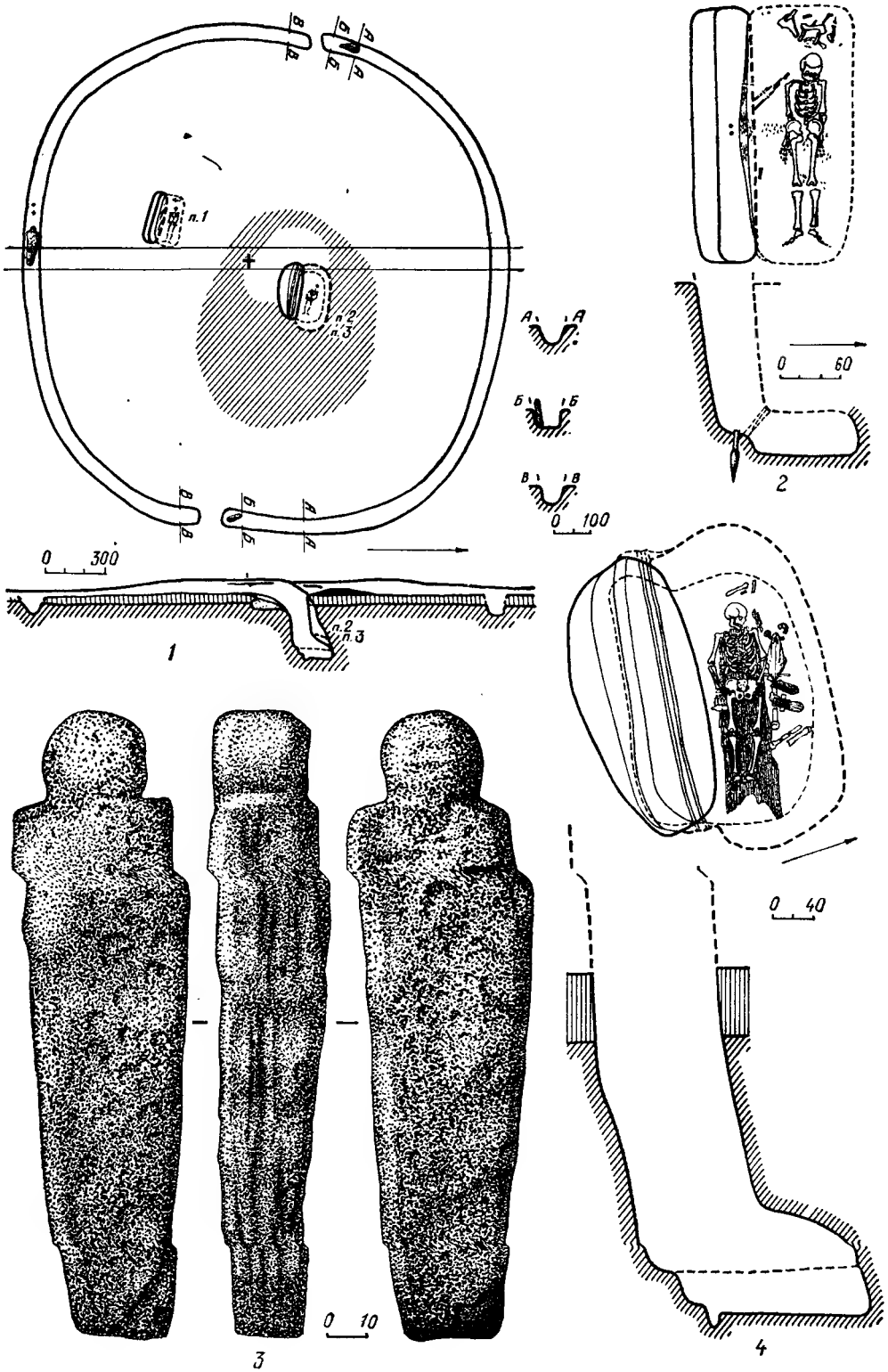


Рис. 10. Курган № 2.

1 — общий план и профиль бровки; *2* — план и разрез погребения № 1; *3* — каменное изваяние; *4* — разрез погребения № 3.

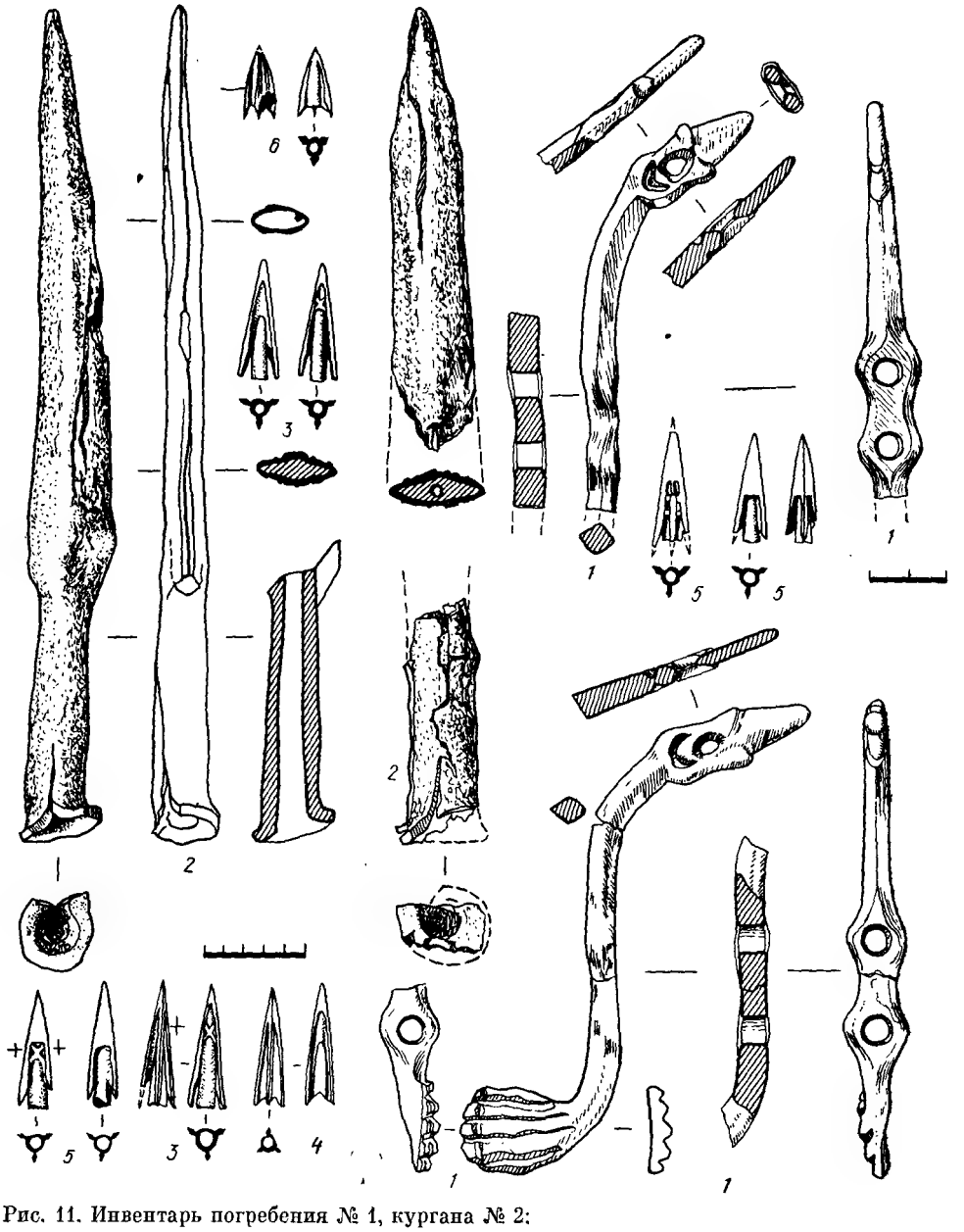


Рис. 11. Инвентарь погребения № 1, кургана № 2:
1 — бронзовые псалии; *2* — железные наконечники копий; *3—6* — бронзовые наконечники стрел.

вень с концами лопастей или чуть выступающей. Лопасти соединяются со втулкой под острым углом. На ложке у некоторых экземпляров тамгообразные знаки в виде косого креста и горизонтальных линий. Длина наконечников 2,6—3 см (рис. 11, *5*); г) одна — с внутренней втулкой, концы граней свисают, образуя шипы. Длина 1,8 см (рис. 11, *6*).

Погребение № 3 (основное) (рис. 10, *4*). Находилось в центре. Совершено в яме с подбоем. Выкид лежал равномерно вокруг входной ямы в виде овала, диаметр 8, толщина 0,3 м. Входная яма овальной формы размерами 2,6×1,2 м ориентирована с востока на запад.

Вдоль южной стенки на глубине 2,95 м оставлена ступенька шириной

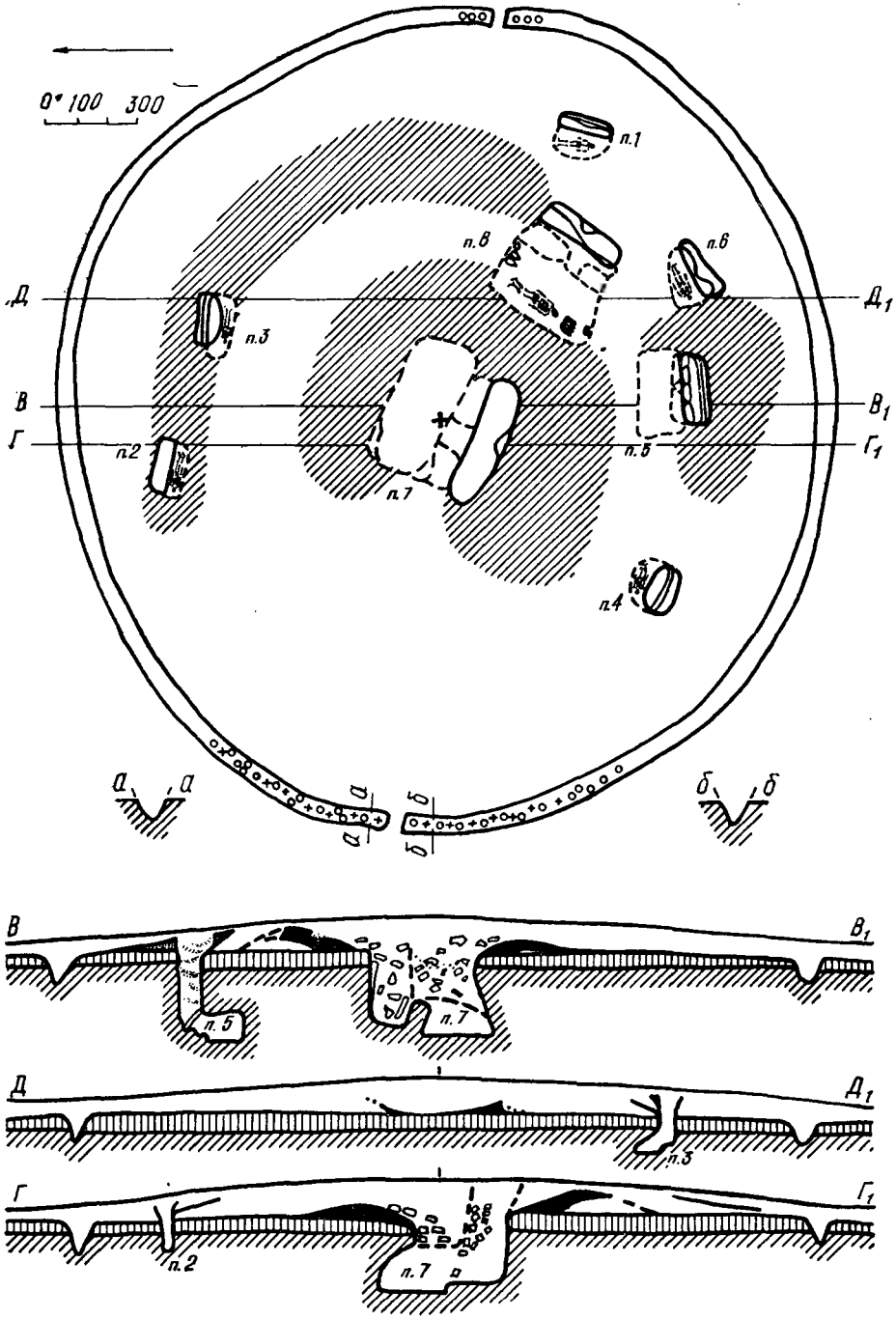


Рис. 12. Курган № 4. Общий план и профили бровок.

0,2 м. Дно на глубине 3,3 м. Перед входом в погребальную камеру, расположенном в северной стенке входной ямы, открыто углубление шириной 0,1 и глубиной 0,15 м для крепления заслона. Овальная в плане камера размерами 3,1×1,4 м расположена параллельно входной яме.

Курган № 4. Высота 1,3, диаметр 29 м (рис. 12). Под насыпью просле-

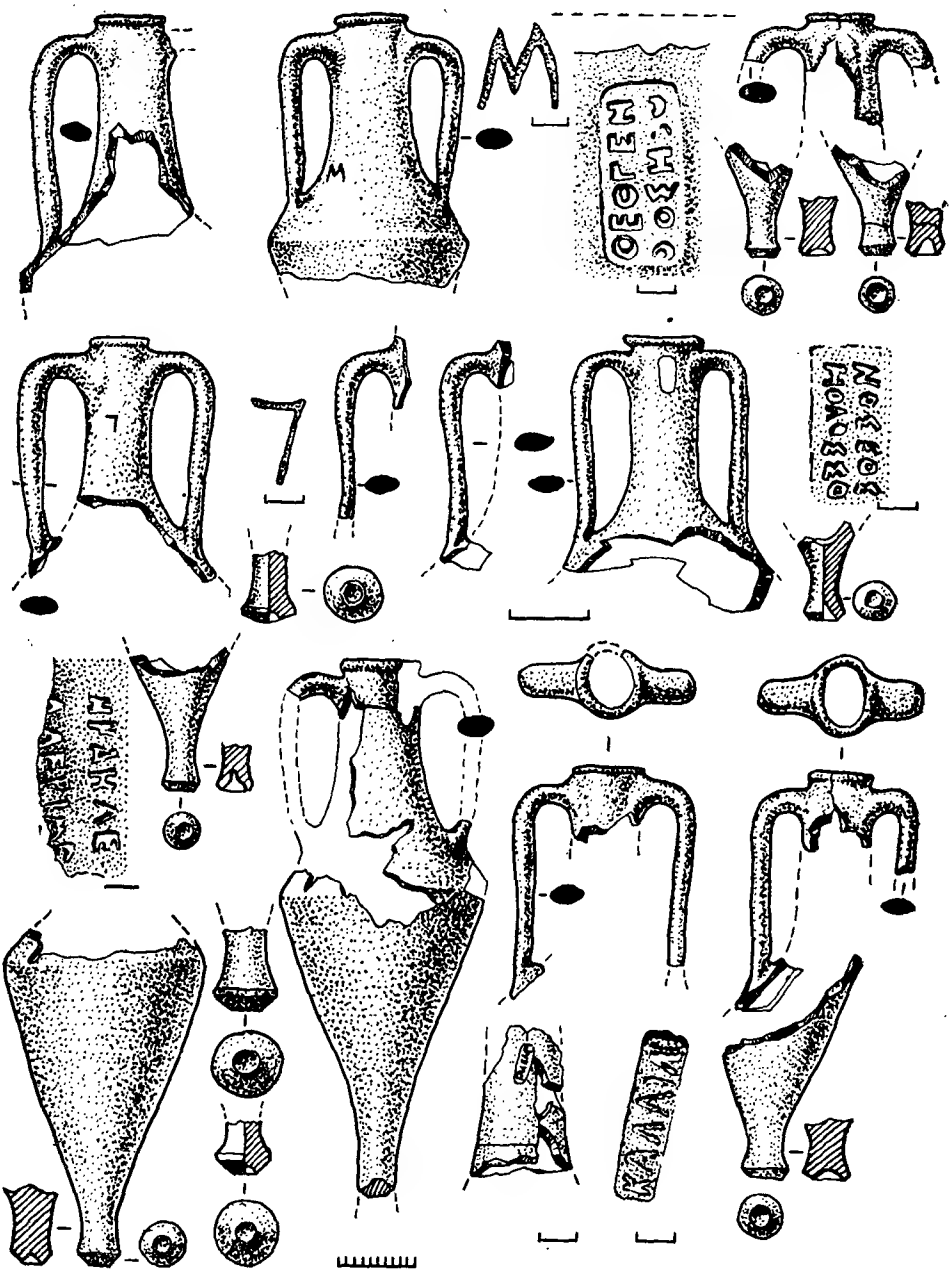


Рис. 13. Курган № 4. Фрагменты амфор из тризны.

жен кольцевой ров диаметром 27, шириной 0,8—1,3, глубиной 0,8—1,2 м с перемычками на западе и востоке шириной 0,6—0,4 м. Выкид из рва лег на подошву кургана. В заполнении рва в районе перемычек выявлены остатки тризны — фрагменты гераклейских клейменных амфор (рис. 13) и кости животных. В кургане открыто восемь скифских погребений.

Погребение № 1 впущено в юго-восточный сектор кургана (рис. 14, *1*). Совершено в яме с подбоем. Овальная входная яма размерами 1,65×0,4 м ориентирована по длине северо-восток — юго-запад. Дно на глубине 2,4 м.

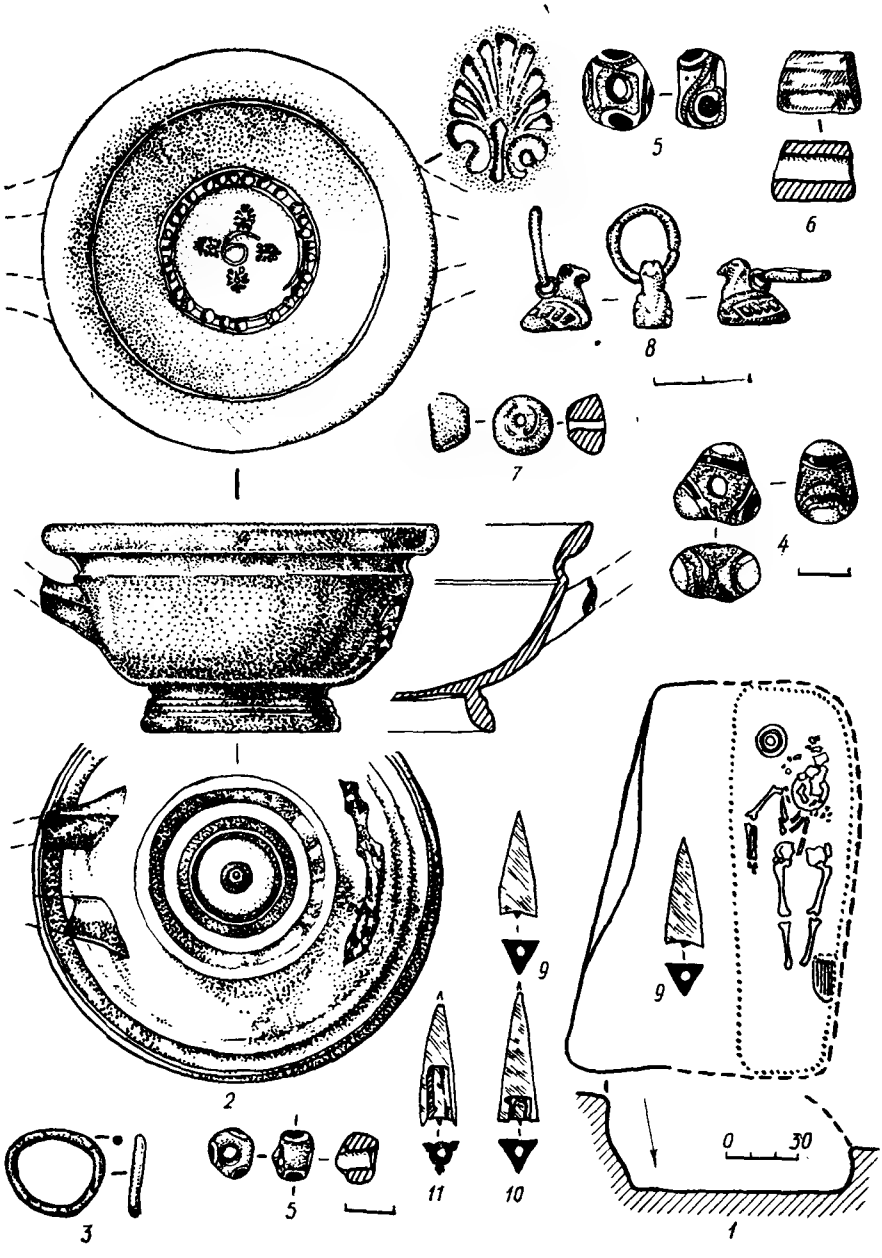


Рис. 14. Курган № 4. 1.— план и разрез погребения № 1. Инвентарь погребения № 1:

2 — чернолаковый килик; *3* — серебряная серьга; *4—7* — ожерелье; *8* — золотая сережка; *9—11* — бронзовые наконечники стрел.

Овальная в плане погребальная камера размерами 1,65×0,5 м примыкала к северо-западной стенке и была расположена параллельно входной яме. Дно камеры на одном уровне с дном входной ямы. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. В изголовье стоял килик (1). Под черепом найдена серьга (2), на шее гривна (3) и бусы (4). Еще одна серьга (5) обнаружена в районе таза. Возле ступни левой ноги находился колчан со стрелами (6).

1. Чернолаковый тонкостенный ки

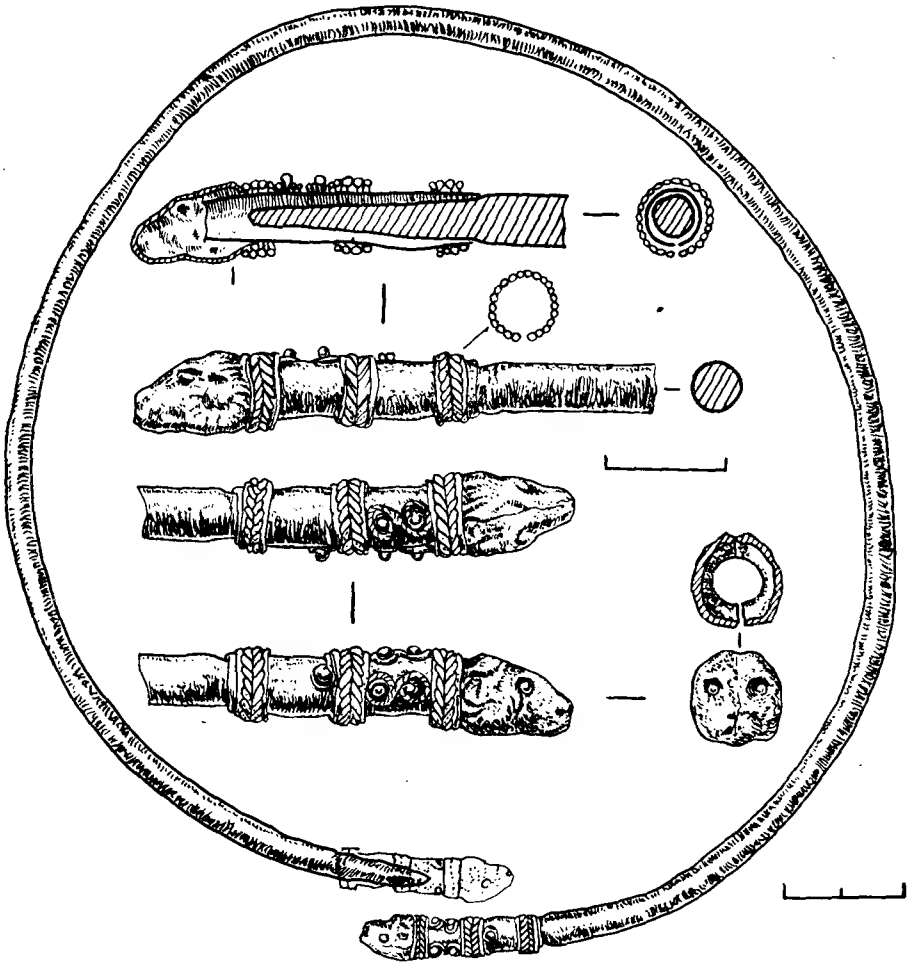


Рис. 15. Курган № 4. Гривна из погребения № 1.

лик с глубокой чашей на невысоком профилированном поддоне. Венчик валикообразный, выступающий наружу. Ручки обломаны в древности. Внутри, на дне штампом оттиснута четырехлучевая розетка с расположенными крестообразно пальметками. Вокруг два концентрических кольца, пространство между ними украшено овами. Дно с внешней стороны украшено четырьмя концентрическими кольцами лака с точкой в центре. Высота килика 6,2, поддона 1,4, диаметр венчика 11,6, поддона 6 см (рис. 14, *2*).

2. Кольцевая серьга из серебряной, круглой в сечении проволоки. Диаметр 1,5 см (рис. 14, *3*).

3. Гривна из круглой в сечении электровой проволоки, толщиной 0,4 см с заходящими друг за друга концами. На концах гривны съемные литые золотые головки в виде головы барана. Одна головка утеряна в древности. Диаметр гривны 14 см (рис. 15).

4. Ожерелье состояло из девяти разнотипных бусин непрозрачного стекла: а) две бусины подтреугольной формы со светло-коричневыми и белыми глазками (рис. 14, *4*); б) три округлые глазчатые бусины синего, коричневого и серого цвета, бусина коричневого цвета имеет волнообразные прожилки (рис. 14, *5*); в) две цилиндрические бусины коричневого и зеленого цвета (рис. 13, *6*); г) светло-коричневая бусина усеченно-конической формы (рис. 14, *7*).

5. Кольцевая золотая сережка из круглой в сечении проволоки с полой

Рис. 16. Курган № 4. 1 — план и разрез погребения № 2. Инвентарь погребения № 2: *2* — бронзовые бляхи; *3* — бронзовая подвеска; *4—6* — ожерелье. Инвентарь погребения № 3: *7* — железная скоба; *8* — железный нож; *9* — шило (железо); *10* — бронзовый перстень.

подвеской в виде уточки. Диаметр сережки 1,2 см (рис. 14, *8*).

6. Пять бронзовых втульчатых наконечников стрел. Трехгранные: а) 2 — со внутренней втулкой, гладкими свисающими остриями граней. Длина 2,1 см (рис. 19, *9*); б) 2 — с небольшим П-образным ложком, внутренней втулкой и свисающими остриями граней. Длина 2,2 см (рис. 14, *10*). Один трехлопастный с прямоугольным ложком на $^1/_2$ длины наконечника, внутренней втулкой, свисающими остриями граней. Длина 2,6 см (рис. 14, *11*).

Погребение № 2 впущено в северный сектор кургана (рис. 16, *1*). Прямоугольная входная яма размерами 1,7× 0,65 м ориентирована по длине юго-

восток — северо-запад. Дно на глубине 2,45 м. Вход в погребальную камеру в северо-западной стенке. Овальная в плане камера размерами 1,6×0,5 м ориентирована параллельно входной яме. Дно на одном уровне с дном входной ямы. Скелет подростка лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. За головой погребенного лежали бронзовые бляшки (1), на шее бусы (2).

1. Три бронзовые литые (уздечные?) бляхи в виде головы фантастического животного на оборотной стороне имеют округлую петлю. Размеры 2,3×2,2 см (рис. 16, *2*). Литая бронзовая подвеска кольцевидной формы с четырьмя выступами по краю. В одном выступе отверстие. Диаметр подвески 2,2 см (рис. 16, *3*).

2. Ожерелье состояло из 18 бусин: а) две синего стекла, в виде птицы (рис. 16, *4*); б) две непрозрачного стекла кольцевидной формы, синего (глазчатая) и светло-коричневого цвета (рис. 16, *5*); в) мелкий пастовый голубой бисер — 14 бусинок (рис. 16, *6*).

Погребение № 3 впущено в северо-восточный сектор кургана. Совершено в яме с подбоем. Овальная входная яма размерами 1,7×0,7 м ориентирована по длине с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Вдоль северной стенки на глубине 2,3 м оставлена ступенька шириной 0,15 м. Дно на глубине 2,5 м. Овальная в плане камера размерами 2,2×0,9 м примыкала к южной стенке входной ямы и была ориентирована восток—запад. Высота свода 0,5 м, дно на одном уровне с дном входной ямы. Скелет подростка лежал вытянуто на спине головой на запад. За черепом на деревянном подносе (сохранились лишь железные скобы (1)) лежала напутственная пища (часть туши барана), нож (2) и железное шило (3). На левой руке бронзовый перстень (4).

1. Железная прямоугольная скоба размерами сторон 3,3 м×1,5 см (рис. 16, *7*). 2. Железный нож с горбатой спинкой, часть рукояти обломана. Клинок закреплен в цельной граненой костяной рукояти четырьмя железными заклепками. Длина лезвия 6,2 см (рис. 21, *8*). 3. Железное четырехгранное в сечении шило, деревянная рукоять не сохранилась. Длина острия 5,2 см (рис. 16, *9*). 4. Цельнолитой бронзовый перстень с тонкой дужкой и плоским, овальным в плане щитком размерами 1,2×1,5 см (рис. 16, *10*).

Погребение № 4 впущено в юго-западный сектор кургана (рис. 17, *1*). Совершено в яме с подбоем. Входная яма овальной формы размерами 1,55×0,7 м ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. Дно входной ямы с глубины 2,7 м плавно понижалось на 0,1 м ко входу в погребальную камеру, который находился в северо-восточной стенке и был закрыт необработанными известняковыми плитами. Овальная в плане погребальная камера размерами 1,55×0,7 м расположена параллельно входной яме. Высота подбоя у входа 0,6, у задней стенки 0,2, дно на глубине 3,2 м. Скелет подростка лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. За головой на деревянном блюде — остатки от жертвенного мяса и нож (1). Рядом стояла деревянная чаша (2). На шее погребенного ожерелье из бус (3), возле правой руки лежал истлевший кожаный мешочек с астрагалами (4).

1. Железный нож с горбатой спинкой. От рукояти сохранился небольшой фрагмент, с двумя железными заклепками. Длина клинка 7,5 см (рис. 17, *2*). 2. Небольшая круглодонная деревянная чаша очень плохой сохранности. Под краем чаши выступ-ручка. Диаметр чаши 10 см. 3. Ожерелье состояло из 35 бусин синего цвета. В центре — две большие бусины: одна синего стекла, другая непрозрачного стекла с белыми глазками, украшенными синим пятнышком посредине (рис. 17, *3*); 33 глазчатые бусины, отличающиеся от описанной выше меньшими размерами (рис. 17, *4*). 4. Набор астрагалов (32). На одном астрагале боковые плоскости срезаны и зашлифованы (рис. 17, *5*).

Погребение № 5 впущено в южный сектор кургана. Входная яма, в плане овальная, размерами 2,2×0,9 м ориентирована по длине с востока на запад с небольшим отклонением к югу. Вдоль южной стенки на глубине 3,5 м оставлена ступенька шириной 0,2 м. Дно

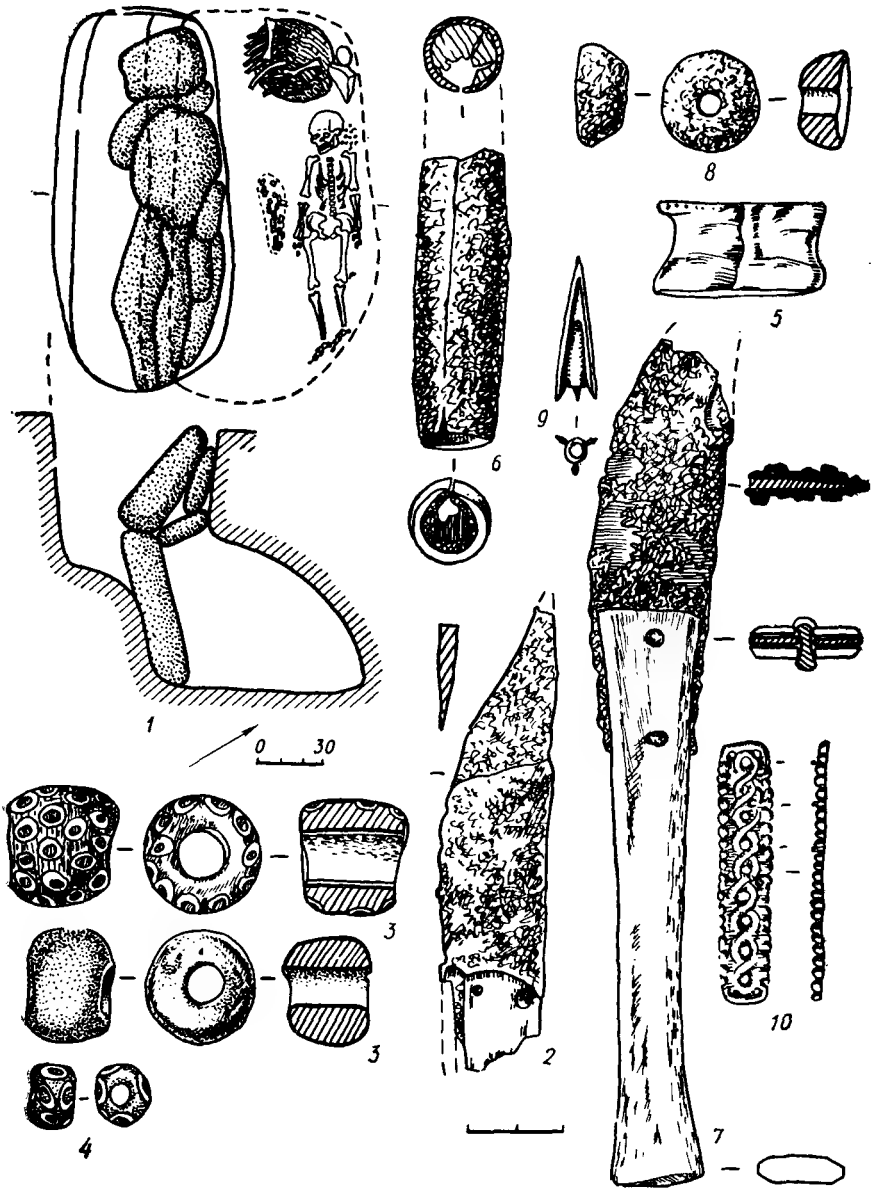


Рис. 17. Курган № 4. 1 — план и разрез погребения № 4. Инвентарь погребения № 4:
2 — нож; *3—4* — ожерелье; *5* — астрагал. Инвентарь погребения № 5: *6* — вток копья; *7* — нож, *8* — свинцовое пряслице; *9* — наконечник стрелы, *10* — золотая пластина.

входной ямы на глубине 3,9 м по центру делится на две части выступом подтреугольной формы высотой 0,1, длиной 0,6, шириной 0,7 м. Вход в погребальную камеру находился в северной стенке и был закрыт вертикально стоящими известняковыми плитами. Погребение ограблено в древности через входную яму, плиты, закрывавшие восточную часть входа, отброшены грабителями. Погребальная камера прямоугольная в плане с закругленными углами, размерами 2,5×1,25 м, расположена параллельно входной яме. Высота свода у входа 0,8, у задней стенки 0,5, дно на глубине 4,3 м. В западной части подбоя в заполнении камеры найдены остатки напутственной пищи, желез-

ный нож (1), пряслице (2), наконечник стрелы (3). В восточной части — фрагменты железных втоков копья цилиндрической формы (рис. 17, *6*), золотая пластинка (4), отдельные кости человеческого скелета.

1. Железный нож с цельной костяной рукоятью, восьмигранной в сечении. Лезвие с горбатой спинкой (острие обломано) крепилось к рукояти двумя железными заклепками. Длина рукояти 11,5 см (рис. 17, *7*).

2. Свинцовое пряслице усеченно-конической формы. Высота 1, диаметр изделия 2, отверстия 0,5 см (рис. 17, *8*).

3. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с ложком до острия, внутренней втулкой и свисающими остриями граней. Длина 2,8 см (рис. 17, *9*).

4. Золотая прямоугольная пластина размерами 5,2×1 см с тисненным спиральным орнаментом. Длинные края пластины украшены рубчатым валиком. По углам четыре отверстия (рис. 17, *10*).

Погребение № 6 впущено в юго-восточный сектор кургана (рис. 18, *1*). Овальная входная яма размерами 2,1×0,7×0,25 м расширялась к юго-западу, ориентирована по длине северо-восток — юго-запад. Дно на глубине 2,4 м. В центральной части ямы дно оформлено в виде выступа, который делит яму на две части. Вход в погребальную камеру находился в северо-западной стенке. Погребальная камера овальная в плане размерами 1,75×1 м, расположена параллельно входной яме. Дно на глубине 2,85 м. Скелет ребенка лежал на подстилке из коры дерева, в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Возле черепа лежала бронзовая сережка (1), на шее ожерелье из бус (2). На правой руке браслет (3). Рядом лежал оселок (4).

1. Кольцевая бронзовая серьга из овальной в сечении проволоки. Диаметр 1,7 см (рис. 18, *2*).

2. Ожерелье из 15 разнотипных бусин непрозрачного стекла. Одна большая бусина, цилиндрической формы, с белыми глазками и выступами (рис. 18, *3*); две округлые, синего цвета, с реберчатой поверхностью (рис. 18, *4*); 11 — с разноцветными глазками, округлой формы (рис. 18, *5*); одна — бочковидная, черного цвета, украшенная белыми волнообразными прожилками (рис. 18, *6*).

3. Браслет из круглой в сечении бронзовой проволоки с несомкнутыми, но заходящими один за другой концами. Диаметр 4,5 см (рис. 18, *7*).

4. Фрагмент каменного овального в сечении оселка, размерами 5,5×3 см (рис. 18, *8*).

Погребение № 7 (основное). Находилось в центре кургана. Выкид из погребения лежал полукольцом на древней поверхности. Совершено в яме с подбоем. Прямоугольная входная яма с закругленными углами размерами 4,4×1,4 м ориентирована по длине с юго-востока на северо-запад. По юго-западной стенке с глубины 0,3 м оставлен выступ, нависающий над дном. Длина 0,6, ширина 0,3 м. Дно на глубине 2,7 м. Расположенный в северо-восточной стенке вход в погребальную камеру разделен на две части вырезанным в материковой глине столбом высотой 1, длиной 1, шириной 0,8 м.

Погребальная камера неправильной в плане формы размерами 4,8×1,8 м расположена параллельно входной яме. Дно на глубине 3,15 м. Высота свода 1,3 м. У юго-восточной стенки камеры открыто два округлых в плане углубления диаметром 0,6 и 0,4 м, глубиной соответственно 0,23 и 0,11 м. В заполнении камеры найдены отдельные кости человеческого скелета.

Погребение № 8 впущено в юго-восточный сектор (рис. 19, *1*). Прямоугольная входная яма размерами 2,85×0,6 м ориентирована по длине с северо-востока на юго-запад. По юго-восточной стенке на глубине 2,3 и 3,3 м оставлены ступеньки. Первая ступенька в виде полуовального выступа длиной 0,5, шириной 0,3 м находилась в центре стенки, вторая имела ширину 0,2—0,5 м. По северо-западной и юго-западной стенкам яма расширялась ко дну соответственно на 0,2 и 0,6 м. Дно входной ямы с глубины 5,55 м плавно понижалось на 0,3 м ко входу в погребальную камеру, который находился в северо-западной стенке и был разделен на две части материковой опорой шириной 0,4 м. Перед входом прослежена канавка шириной 0,1—0,2, глуби-

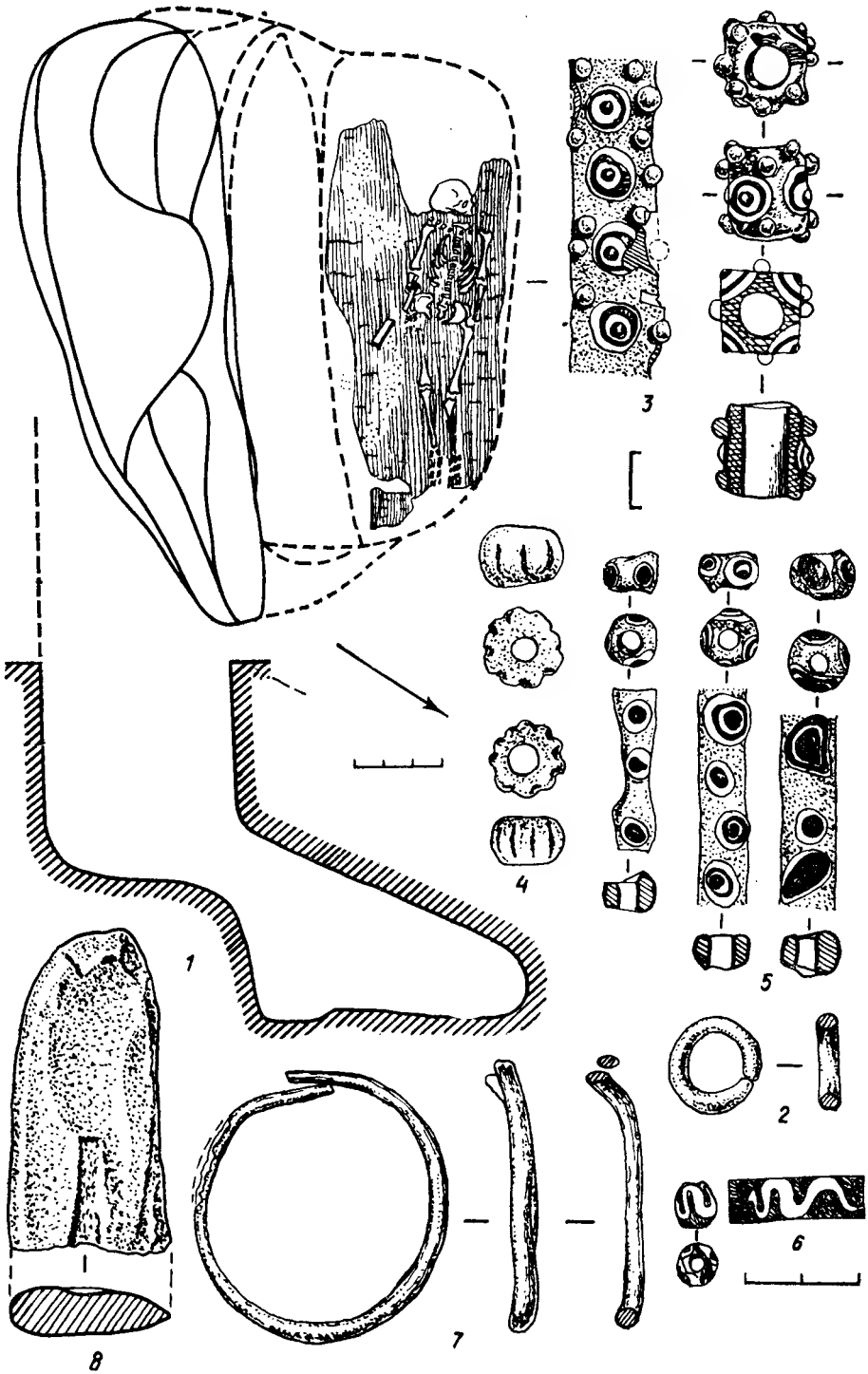


Рис. 18. Курган № 4. 1.— план и разрез погребения № 6. Инвентарь погребения 1: *2* — бронзовая серьга; *3—6* — бусы; *7* — фрагмент оселка.

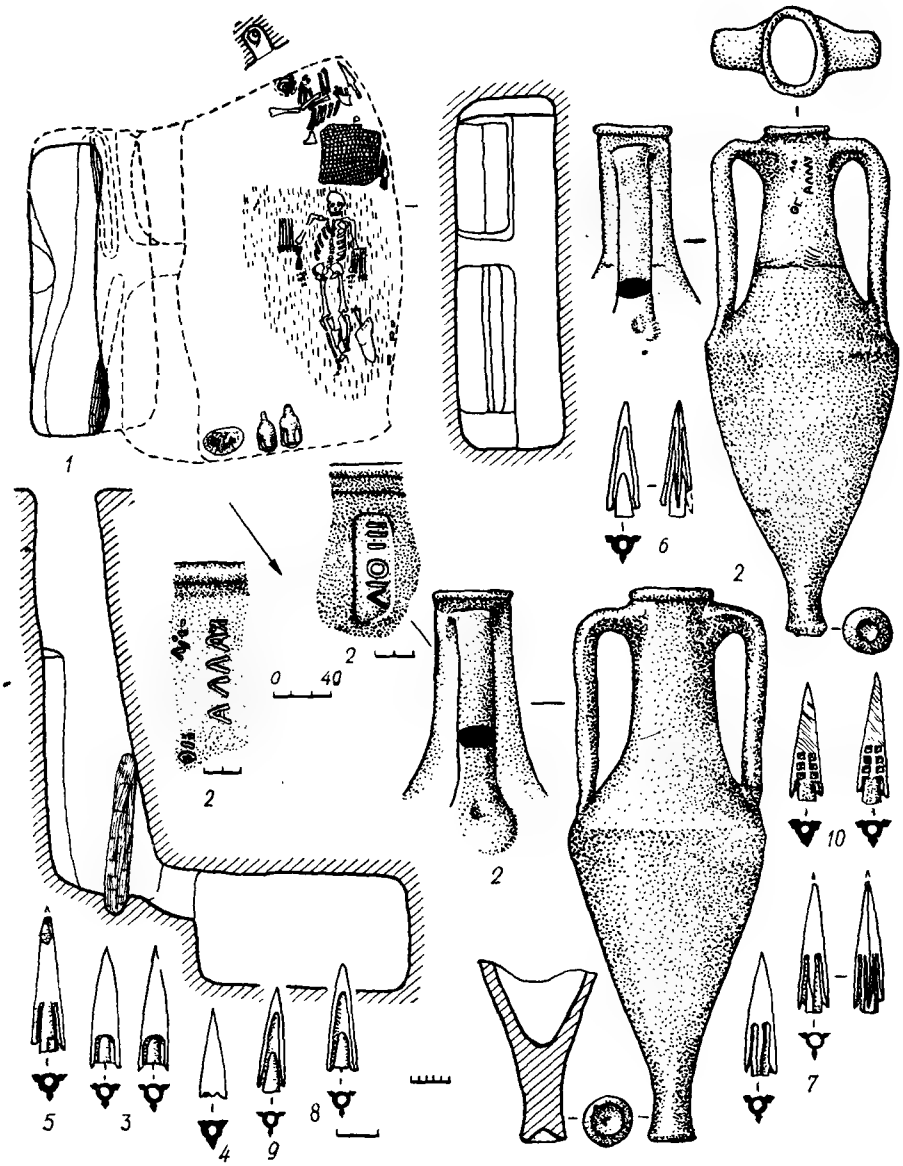


Рис. 19. Курган № 4. 1.— план и разрез погребения 1. Инвентарь погребения № 8:
2 — амфоры и их клейма; *3—10* — бронзовые наконечники стрел.

ной 0,07 м с остатками деревянных плах заслона.

Трапециевидная в плане камера размерами сторон оснований 3,4 и 3,8 и боковых 2,2 м расположена параллельно входной яме. В разрезе камера имела прямоугольную форму. Высота камеры 1,1, дно с глубины 6,5 м у входа плавно понижалось на 0,1 м к северо-западной задней стенке. В северо-восточном углу камеры стояли две амфоры (1) и бронзовый котел (2) с остатками напутственной пищи. Погребенный лежал вдоль северо-западной торцовой стенки, на травяной подстилке, в вытянутом положении головой на юго-запад. Возле правой руки колчан со стрелами (3), второй колчан у левой руки (4), на ногах погребенного поножи (5). Слева от погребенного вдоль стенки два копья и дротик (6). За головой панцирь (7). В юго-западном углу на де-

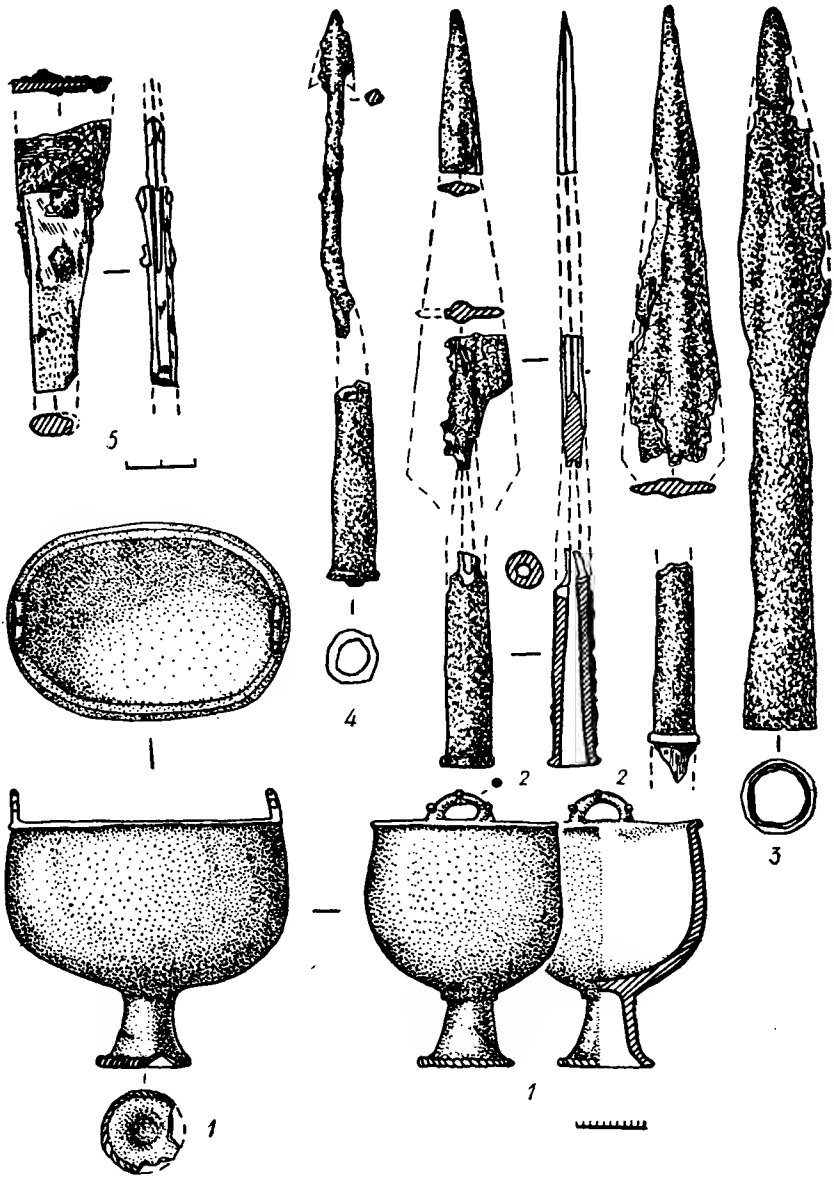


Рис. 20. Инвентарь погребения № 8:
1 — бронзовый котел; *2—3* — копья; *4* — дротик; *5* — нож.

ревянном блюде (8) вырезка жертвенного мяса и нож (9). Справа от напутственной пищи вдоль стенки еще одно копье (6), слева выявлен круглый в плане тайник диаметром 0,2, глубиной 0,3 м. В нем лежала золотая гривна (10).

1. Гераклейские амфоры: первая с округленной формой корпуса и плеч. Горло прямое, сравнительно невысокое с валикообразным плоско срезанным сверху венчиком. Ножка короткая, слегка расширена внизу. Нижний край срезан под углом, на подошве конусовидное углубление. Под венчиком вертикально оттиснуто энглифическое двухстрочное ретроградное клеймо. Высота амфоры 66,5, высота верхней части 28,5, максимальный диаметр корпуса 23,9, венчика 10,5, глубина 59,4 см, емкость 9,1 л. Корпус второй амфоры конусовидной формы оканчивается ци-

линдрической ножкой, плоско срезанной снизу, на подошве конусовидное углубление. Горло прямое, венчик плоско срезан сверху. Под венчиком вертикально оттиснуто рельефное однострочное прямоугольное клеймо. У основания одной ручки очень слабое пальцевое вдавление. Высота амфоры 69,8, высота верхней части 30,5, максимальный диаметр корпуса 24,2, венчика 9,8, глубина 60,4 см, емкость 9,5 л (рис. 19, *2*).

2. Бронзовый литой котел овальной в плане формы с двумя полуовальными ручками, имеющими по три выступа. Верх котла оформлен в виде слегка выступающего бортика. Продольный диаметр верхней части 72, поперечный 49 см. Бока выпуклые, с внешней стороны покрыты налетом сажи и копоти. Толщина стенок 1,2 см. Ножка полая, расширяется книзу, рюмковидной формы. Нижний край окаймлен валиком в виде витого шнура. Высота котла 68, ножки 19, диаметр ножки 22 см (рис. 20, *1*).

3. Колчанный набор у правой руки состоял из 106 бронзовых наконечников стрел. Трехгранные: а) 42 — с небольшим П-образным ложком, внутренней втулкой, свисающими остриями граней. Длина 3,1 см (рис. 24, *3*); б) 15 — с внутренней втулкой, гладкими свисающими остриями граней длиной 2,2 см (рис. 19, *4*). Трехлопастные: а) 45 — с прямоугольным ложком на треть длины наконечника, со втулкой вровень с концами лопастей. Лопасти соединяются со втулкой под острым углом. Длина 3,7—3,9 см (рис. 19, *5*); б) 4 — с ложком до острия, чуть выступающей втулкой. Длина 3,9 см. Наконечники отлиты в единой форме (рис. 19, *6*).

4. Колчанный набор у левой руки состоял из 108 бронзовых трехлопастных наконечников стрел следующих типов: а) 92 — с прямоугольным ложком на $^1/_2$ длины наконечника, со втулкой вровень с концами лопастей. Длина 3—3,6 см (рис. 19, *7*); б) пять — с ложком до острия, внутренней втулкой. Лопасти вровень со втулкой или слегка свисают. Длина 2,6 см (рис. 19, *8*); в) два — с ложком до острия, с остробрезанными концами граней, выступающей втулкой. Длина 2,7 см (рис. 19, *9*); г) девять — с ложком до острия, с остробрезанными концами граней вровень с втулкой. Ложки украшены тремя парами прямоугольников. Длина 3—3,4 см (рис. 19, *10*).

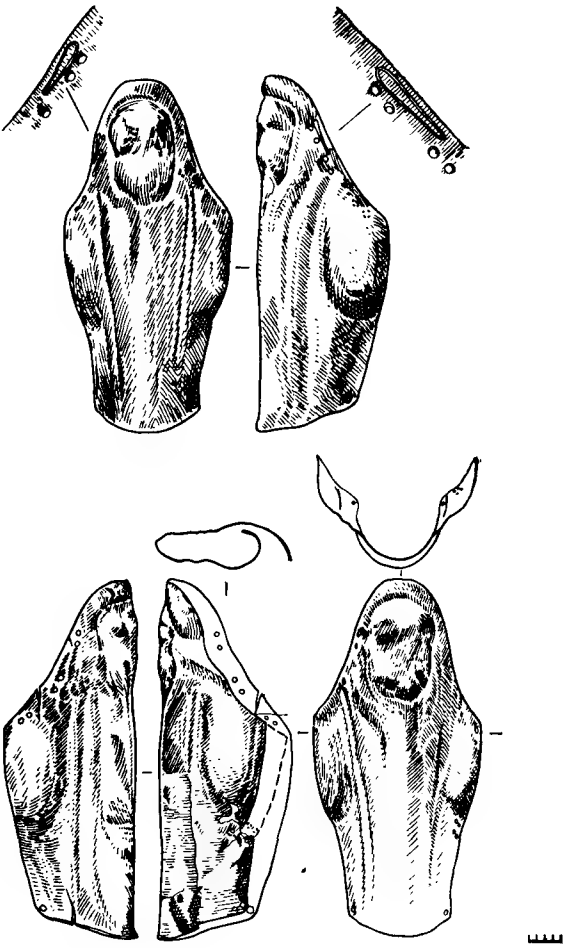


Рис. 21. Курган № 4. Бронзовые поножи из погребения № 8.

5. Поножи с наколенниками изготовлены из золотистой бронзы, поверхность тщательно отполирована. Они очень близки поножам из погребения № 2 кургана № 1. На поверхности поножи рельефно выделены колени и мускулатура голени. Нижний край отогнут наружу и слегка утолщен. В верхней части поножей пробито шесть отверстий, в нижнем два отверстия, расположенных попарно друг против друга для крепления подкладки и ремней завязок. Острые края пробитых изну-

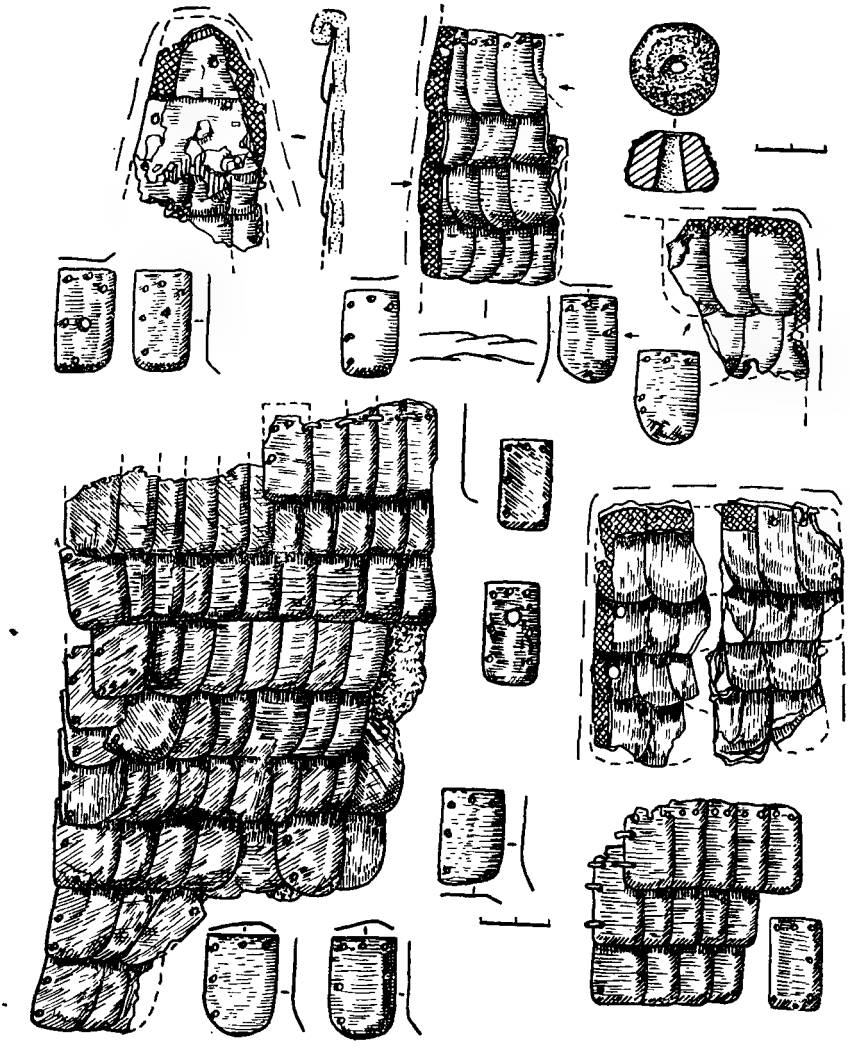


Рис. 22. Курган № 4. Фрагменты панциря из погребения № 8.

три отверстий сглажены. Общая высота поножей 45 см (рис. 21).

6. Два железных наконечника копья с остролистным пером (удлиненно-треугольной формы). Наконечники имеют прямые, сходящиеся к острию грани пера, во втулку перья переходят резко под тупым углом. Посредине пера проходит ребро. Наибольшая ширина пера приходится на первую треть длины и составляет 6 см. Длина наконечников 42, втулок 14 см. Втулки цилиндрические, на нижнем конце валик (рис. 20, *2*). Железный наконечник копья с небольшим пером листовидной формы. Перо имеет правильные очертания с дуговидными сторонами. Посредине пера проходит ребро, которое расширяется сверху вниз и затем плавно соединяется со втулкой. Длина наконечника 40 при длине втулки 21 см. Отношение ширины к длине пера выражается как 1 : 4. Втулка коническая (рис. 20, *3*). Железный наконечник дротика с жаловидной головкой. Стержень длинный, втулка коническая, с ободком по краю. Длина наконечника 31,4 см (рис. 20, *4*).

7. Панцирь лежал в сложенном виде спинной частью вверх. Он представляет собой рубаху без рукавов, застегивающуюся на левом боку. Длина до-

спеха 60, ширина верхней части 40, нижней 60 см. Оплечья крепились к нагрудной части доспеха железными ворварками усеченно-конической формы диаметром 1,5 см. Железные пластины набора нашиты на кожаную основу горизонтальными рядами снизу вверх. Каждый верхний ряд немного смещен в сторону так, что верхняя пластина перекрывает стык между двумя пластинами нижнего ряда. По краям кожа основы завернута наружу в виде валика. Пластины панцирного набора по форме делятся на два типа. К первому относятся продолговатые с прямоугольным верхним краем и округлым нижним. Нижний край и один из боковых слегка загнут внутрь для увеличения прочности доспеха. В верхней части пластин три отверстия, на боковом крае два. В центре некоторых пластин пробиты круглые отверстия. Длина пластин 2,7, ширина 2 см. Второй тип представлен прямоугольными пластинами. Они располагаются в верхних рядах набора и окаймляют подол панциря. Длина пластин 2,5—2,7 при ширине 1,5—2 см. При наборе пластин применялись два принципа размещения их на основе — левый и правый. Левый принцип использован только на оплечья доспех (рис. 22).

8. От блюда сохранилась плоская золотая проволока, скреплявшая один из краев (рис. 23, *2*).

9. Фрагмент железного ножа с горбатой спинкой. Лезвие закреплено в цельной костяной рукояти, овальной в сечении, двумя железными заклепками (рис. 20, *6*).

10. Золотая гривна с обломанными в древности головками. Сделана из двух спаянных вершинами полых внутри уголков, образующих в сечении крест. Гривна перекручена в виде жгута. Диаметр 24 см (рис. 23, *1*).

Описанные нами курганы в целом обычны среди скифских степных памятников. Однако встречено не характерное для памятников скифского времени погребение (погребение № 1 кургана № 1), совершенное в деревянном гробовище. Авторам известны только два аналогичных погребения: погребение конца V в. до н. э. в кургане № 5 у с. Архангельская слобода (в деревянном гробовище) [3] и погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка (в дубовой колоде) [4].

Набор вооружения (погребение № 1 кургана № 1 и погребение № 8 кургана № 4) весьма редок и позволяет трактовать эти погребения как погребения тяжеловооруженных воинов-дружинников и ставит их на один уровень социального положения с воинами из погребений, открытых в курганах у с. Новорозановка [5], г. Жданова [6] и г. Орджоникидзе [7]. В свою очередь, погребение № 1 кургана № 1, по всей видимости, является сопровождающим основное (парное), что свидетельствует о довольно высоком общественном положении мужчины из основного погребения и позволяет рассматривать его как захоронение военачальника — представителя родовой аристократии (курган самый высокий в группе — 3,5 м).

Уникальной находкой в скифских комплексах является набор из девяти палочек (погребение № 1 кургана № 1). Они не связаны с колчаном, поскольку находились в футляре, их небольшая длина (25—30 см) не позволяет видеть в них заготовки древков стрел, длина которых составляет 45—85 см [8]. Скорее всего, эти палочки выполняли те же функции (гадание), что и пучки прутиков скифских прорицателей [9], а также палочки в руках воинов, изображенных на пластинах Аму-Дарьинского клада [10].

Несмотря на значительное ограбление, курганы содержат достаточное число изделий, позволяющих определить датировку памятника.

Наконечники копий погребения № 1 кургана № 1 и курган № 2 входят в группу ранних образцов подобного вооружения и близки по своей форме копьям кургана № 3 с. Аксютинцы и кургана № 7 группы «Частых» [11]. Такие наконечники копий появляются еще в первой половине VI в. до н. э. и существуют до IV в. до н. э. Судя по комплексам указанных выше курганов, копья описанных погребений могут быть датированы концом V — первой половиной IV в. до н. э.

Прямые аналоги бронзовым псалиям из кургана № 2 авторам неизвестны. Однако определенные аналоги по

Рис. 23. Курган № 4. Золотые гривна (*1*) и проволока (*2*) из погребения № 8.

технике и стилю исполнения можно встретить в скифских курганах VI—V вв. до н. э.[12] Наиболее вероятной датой для первомаевских псалиев может быть вторая половина — конец V в. до н. э.

Бронзовые наконечники стрел в целом датируются концом V — первой половиной IV в. до н. э. Они имеют аналоги в колчанных наборах, отнесенных А. И. Мелюковой к третьей хронологической группе [13].

Изображения на нашивных бляшках, украшавших одежду, традиционны и характерны для IV в. до н. э. и отличаются только некоторыми особенностями рисунка.

Крученая гривна из погребения № 8 кургана № 4 типологически наиболее близка гривне из погребения второго конюха в Чертомлыкском кургане [14]. Гривна из погребения № 1 кургана № 4 аналогов не имеет, но это несомненно произведение греческих ювелиров, как

по технике исполнения, так и по трактовке изображения животного. Предметы античного импорта являются наиболее надежным датирующим материалом.

Чернолаковый килик из погребения № 1 кургана № 4 относится к группе тонкостенных киликов с глубокой чашей. Форма сосуда, пальметок, а также композиция рисунка в целом характерны для аттической чернолаковой керамики рубежа V—IV вв. до н. э.[15]

В задачи нашей работы не входит детальный анализ амфорного материала. Однако отметим, что амфорные клейма из тризны кургана № 4, связанной с основным погребением № 7, неоднократно зафиксированы с именами Носса, Молосса, Каллия, Гераклида в слоях конца V — начала IV в. до н. э.[16] По схеме Б. А. Василенко, эти клейма относятся к разным хронологическим группам, но сосуществуют: клеймо Каллия к I группе (конец V — первая четверть IV в. до н. э.); Гераклида, второе имя в сокращенной форме — ко II (конец первой — начало второй четверти IV в. до н. э.); клеймо с именами Носса и Молосса к III (конец первой четверти IV — начало III в. до н. э.) [17].

Гераклийские амфоры из погребения № 8 имеют аналоги среди амфор Двугорбой могилы и датируются первой четвертью IV в. до н. э.[18] Полное прочтение клейм ввиду нечеткости оттисков не возможно. Читается только имя Каллия.

Погребение № 1 является одним из позднейших, о чем свидетельствует его положение в кургане. Следовательно, верхняя временная граница сооружения кургана № 4, учитывая факт, что килик, прежде чем попасть в погребение, использовался в течение определенного времени, не выходит за рамки первой четверти IV в. до н. э. Поскольку датировка аттической чернолаковой керамики разработана четко и не вызывает сомнения, следует вывод: либо курган № 4 функционировал на протяжении небольшого промежутка времени и все погребения практически одновременны, или же клейма (с учетом факта, что амфоры, так же, как и килик, использовались определенное время) относятся к более раннему времени, чем рубеж V—IV вв. до н. э.

Сохранившийся в курганах инвентарь очень схож и наиболее вероятна интерпретация курганной группы в целом как могильника небольшой родовой группы.

[1] *Антропологические* определения материалов курганов произведены Е. И. Даниловой и А. Г. Поруцким.

[2] *Геродот.* История.— IV, 67.

[3] *Археологія* Української РСР.— К., 1971.— Т. 2.— С. 52.

[4] *Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка // Древности степной Скифии.— Киев, 1982.— С. 92.

[5] *Шапошникова О. Г.* Погребение скифского воина на р. Ингул // СА.— 1970.— № 3.— С. 208—212.

[6] *Черненко Е. В.* Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова // Археологія.— 1970.— Т. 23.— С. 176, 177.

[7] *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности.— Киев, 1973.— С. 169.

[8] *Черненко Е. В.* Скифские лучники.— Киев, 1981.— С. 23.

[9] Геродот. История.— IV, 67.

[10] *Dalton O. M.* The treasure of the Oxus.— London, 1964.— Табл. XIV, 48, 49; XV 51, 69, 70.

[11] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ.— 1964.— Вып. Д 1—4.— Табл. 14.

[12] *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ.— 1967.— Вып. Д 1—4.— Табл. 26, 6; *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э.— Киев., 1983.— С. 48.

[13] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ.— 1964.— Вып. Д 1—4.— Табл. 8.

[14] *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ.— 1978.— Вып.— Д 4—5.— Табл. 29, 1.

[15] *Sparkers B. A., Jalcott L.* Black and plain pottery of the 6,5 and 4 centuries B. C. // The Athenian Agora. Results of excavations conducted by the american shcool of classical studies of Athens.— 1970.— P. 2, plate 27, 55, N 617, 621.

[16] *Скуднова В. М.* Комплекс находок из раскопок святилища Кабиров в Нимфее // КСИИМК.— 1956.— Вып. 63.— С. 128—133.

[17] *Василенко Б. А.* О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э. // НЭ.— 1974.— № 11.— С. 6, 7.

[18] *Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Двугорбая Могила // Древности степной Скифии.— Рис. 20.— С. 173.

Н. А. Гаврилюк

ПРЯДЕНИЕ У СТЕПНЫХ СКИФОВ

Ловким движением рук они вечный урок выполняли
Левая прялку рука держала, одетую волной,
Правая нитку легко, персты изгибая, сучила,
Быстро пальцем большим крутя, ее оправляла,
Ровное веретено круговым вращая движением;
Зуб работу ровнял, ненужное все обрывая,
И на иссохших губах шерстяные висели обрывки
Те, что, мешая сучить, на тоненьких нитках торчали,
Возле же ног их лежала, хранясь в плетеных корзинах
Тонкая нежная шерсть, руна белоснежного волна.

Катулл, LXIV, 310—319.

В последнее время в советской археологии обострился интерес к проблеме соотношения хозяйственно-культурных типов (ХКТ) с этническими, социально-культурными и культурными общностями. Этот интерес определяется несколькими причинами, в том числе количественным ростом артефактного материала (число раскопанных на сегодняшний день погребений IV в. до н. э. на территории степной части Северного Причерноморья составляет более 2300), успехами в разработке теории этнических и экономических процессов доклассовых и раннеклассовых обществ, использованием археологами новых методов исследования. Как следует из материалов дискуссии на страницах журнала «Народы Азии и Африки» о происхождении скифов, большинство ее участников увязывают решение вопроса об этногенезе скифской культуры с дальнейшими исследованиями как универсального, так и специального характера[1]. Выделение ХКТ, свойственных народам, населявшим в скифское время Северное Причерноморье, их этническая характеристика требует углубленного изучения структуры хозяйства, состояния экономики общества. Отдавая себе отчет в сложности этих вопросов и потому не останавливаясь на характеристике экономических основ скифского общества,— темы, которая стоит на повестке дня, обратимся к прядению как одной из сторон производственной деятельности скифов.

Хотя в письменных источниках не имеется прямых свидетельств о прядении и ткачестве, их существование у скифов, тем не менее, надежно подтверждено многочисленными находками прядильных орудий — пряслиц и веретен. В дальнейшем в технологической цепи по схеме сырье — прядение — ткачество — шитье — текстильные изделия нас будет интересовать главным образом операция прядения, ее орудия, а также характер сырья и пряжи.

Кроме сформулированной выше цели общего характера — подготовить материалы для выделения ХКТ скифского общества, предлагаемое исследование ставит следующие специальные задачи:

— разработать методику комплексного исследования орудий труда (в данном случае пряслиц и веретен) с привлечением формально-статистических методов и смежных наук;

— выделить основные типы орудий труда, проследить их происхождение и эволюцию;

— воссоздать способ прядения у скифов.

Несмотря на большую глубину своей истории, прядение, как и ткачество, исследовано с меньшей тщательностью, чем, например, столь же древние кузнечное и гончарное ремесла. Отдельным аспектам прядильного промысла у скифов посвящены статьи Э. В. Яковенко[2] и В. Е. Радзиевской[3]. Результаты изучения прядения у населения лесостепной Скифии представлены в одном из разделов диссертации Б. А. Шрамко[4]. Предпринимаемое исследование является попыткой проанализировать и обобщить материалы по прядению у племен Степной Скифии.

1. Источники и методика исследования. Объектом исследования явились пряслица, веретена и некоторые другие

орудия, связанные с прядением. Пряслица являются характерным атрибутом погребений скифского времени, а находки веретен достаточно редки. Это может быть объяснено плохой сохраняемостью дерева — основного конструкционного материала изделий. Изучение игл позволяет получить некоторые представления о характере продукта прядения — нити.

В основу статьи положены материалы из могильников IV в. до н. э. степного Нижнего Поднепровья и Крыма. В погребениях периода скифской архаики пряслица и веретена встречаются крайне редко, что можно объяснить неразвитостью в VI в. до н. э. веретенного способа прядения у степных скифов.

Построение классификационной системы, или типологии пряслиц и веретен, основывалось на выделении наиболее значащих признаков. Поскольку выборка по пряслицам состоит из 243 экземпляров, а по веретенам и иглам соответственно из 29 и 164 то столь различающиеся по размерам массивы требуют и разных подходов к их изучению. Находки веретен и игл были подвергнуты сравнительно-типологическому анализу, пряслица — анализу с применением формально-статистических методов. Мы придерживались типовых приемов обработки данных, содержащихся, например, в руководстве М. И. Петрова [5]. Заметим, что размер массива (n-243 единицы) обусловливает высокую эффективность использования микрокалькулятора типа «Электроника-БЗ-18А», требующего минимальных навыков работы при возможности организации цепочных расчетов.

Выборочная средняя определялась по формуле

$$\bar{x} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} x_i, \qquad (1)$$

исправленная средняя выборочная (дисперсия) —

$$\sigma^2 = \left[\sum_{i=1}^{n} x_i^2 - \left(\sum_{i=1}^{n} x_i\right)^2 / n\right] / (n-1), \qquad (2)$$

средняя квадратическая погрешность —

$$\sigma = \sqrt{\sigma^2}, \qquad (3)$$

средняя квадратическая погрешность среднего результата измерений —

$$\sigma_{\bar{x}} = \sigma/\sqrt{n}. \qquad (4)$$

В этих формулах n — число измерений, x_i — i-е измерение.

Надежность результата серии измерений (доверительная вероятность) принималась равной $p=0{,}95$ (заметим, что, по нашему мнению, эта величина для большинства археологических данных является избыточной). Доверительные интервалы определялись при числе измерений $n>20$ с помощью функции Лапласа, а при $n<20$ с помощью коэффициента Стьюдента. Единичное измерение признавалось промахом (грубым отклонением), если его отклонение от среднего уровня превосходило 3σ. После корректировки серии (исключение промахов), производилась повторная его обработка по (1) и (4) формулам и уточнение доверительных интервалов. Обычно число промахов не превышало четырех, что свидетельствует о неожиданно высокой степени однородности исследуемого материала. Почти во всех сериях измерений была подтверждена гипотеза о нормальном (гауссовом) распределении вероятности измерений геометрических размеров и веса пряслиц. Обработанные по изложенной методике данные сгруппированы в таблице.

Для характеристики пряслиц были использованы также простые, но достаточно точные физические методы. Кроме упомянутых выше линейных измерений, произведенных штангенциркулем НЦ-125 с точностью до 0,1 см, позволившей уверенно зафиксировать конусность (порядка 1 : 10) сквозных каналов керамических и металлических пряслиц, были произведены взвешивания изделий и определена плотность их материала. Пряслица взвешивались на лабораторных весах типа ВЛТ-200 с точностью до 0,05 г. Плотность материала определялась на этих же весах методом гидростатического взвешивания. Расчетная формула имеет вид

$$\rho = \frac{P_в}{P_в - P_ж}\rho_ж, \qquad (5)$$

Сгруппированные параметры пряслиц

Материал	Керамические			Железные	Свинцовые		Бронзовые
	Биконические	Сферические	Усеченно-конические	Усеченно-конические	Усеченно-конические с каннелюрами	Биконические	Биконические
D_{max}	2,8±0,1	2,61±1,2	2,76±0,2	1,5	2,01±0,2	2,8	1,78±0,2
D_{min}	—	—	1,4±0,4	0,8	0,91±0,1	—	0,83±0,1
h	2,6±0,1	2,38±0,3	2,29±0,3	1,3	1,26±0,1	2,5	1,66±0,3
$\overline{d}_{max}$ канала	0,51±0,07	то же	то же	—	0,49±0,04	0,5	0,5
$\overline{d}_{min}$	0,46±0,09	то же	то же	—	0,41±0,02	0,42	0,42
масса, г	19,43±3,3	16—18	28,3±3,2	—	22,01±2,8	33,7	17
Плотность, г/см³	2,1±0,08			—	10,21±0,37		8,27
Количество/%	86/35,4	20/8,2	14/5,8	2/0,8	71/29,9	7/2,3	8/3,3

Материал	Каменные				Из ножек амфор	Фрагменты	Всего
	Усеченно-конические	Сферические	Дисковидные	Биконические	Дисковидные		
D_{max}	2,3	2,48	2,5	2,7	2,7±0,2	—	—
D_{min}	—	—	—	—	1,3±0,2	—	—
h	2,5	1,95	1,5	1,8	2,45±0,2	—	—
$\overline{d}_{max}$ канала	—	0,45	—	—	0,52	—	—
$\overline{d}_{min}$	—	0,42	—	—	0,52	—	—
масса, г	—	22,32	—	—	16,7	—	—
плотность, г/см³	—	—	—	—	—	—	—
количество/%	2/08	2/0,8	3/1,2	4/1,6	5/2,1	19/9,45	243/100

где ρ — искомая плотность, $P_в$ — вес пряслиц в воздухе, $P_ж$ — вес пряслиц в жидкости ($\rho = 1$ г/см³).

Средняя (сгруппированная) плотность пряслиц позволит в дальнейшем определить массу пряслиц по его объему. Последний можно вычислить по геометрическим размерам, обычно приводимым в публикациях памятников. Кроме того, плотность материала пряслиц служит дополнительным диагностирующим признаком, позволяющим, например, уверенно отличить медное пряслице ($\rho_{Cu} = 8{,}94$ г/см³) от бронзового ($\rho < 8{,}94$ г/см³). В ряде случаев можно обнаружить дефекты (типа инородных включений, литейных каверн) материала находки.

Проводилось органолептическое исследование пряслиц. В частности, обращалось внимание на фактуру поверхности, на сработанность краев сквозного канала. Почти всегда удавалось определить «верх» и «низ» пряслиц по наличию износа края одного, обычно широкого, отверстия канала. Фиксировалось качество теста, тщательность обработки поверхности и т. п.

Большое внимание уделялось определению взаимовстречаемости пряслиц с другими предметами инвентаря. Настольная поисковая система позволила

оперативно производить поиск по другим орудиям труда, связанным так или иначе с прядением, а также с остальными группами находок.

К другим категориям находок, связанных с прядильным производством, в силу их статистической непредставительности (веретена) или малой информативности (иглы) аппарат математической статистики не применялся. Главные условия при их исследовании были направлены на выявление и анализ аналогов. При этом поиски не ограничивались сравнениями с изделиями пограничных синхронных культур. За параллелями обращались к историческим и этнографическим исследованиям, а также к современным текстильным технологиям. Большое значение придавалось агротехническим сведениям о выращивании лубяных культур. После исследования отдельных групп находок было произведено обобщение полученных результатов с целью получения представления о приемах прядения у степных скифов.

2. **Пряслица.** Найдены в 176 из известных нам погребений степной части Северного Причерноморья, что составляет около 20 % погребений IV в. до н. э. Как известно, пряслица встречаются в инвентаре только женских погребений [6]. Несмотря на то, что примерно третья часть всего количества обнаруженных пряслиц приходится на заполнение камер (32,02 %) или входных ям (3,37 %) оставшегося числа находок достаточно для исследования как закономерностей их положения в погребении, так и взаимовстречаемости с другими категориями погребального инвентаря.

В районе головы найдено 75 пряслиц (42,13 %). Они входят в две группы погребального инвентаря: предметы туалета и напутственная пища. Часть пряслиц найдена с зеркалами, красками, гальками для растирания красок, украшениями. Часто, как, например, в погребении кургана № 19 группы Широкое III [7], пряслице лежало поверх зеркала. В 15 случаях пряслица найдены с чернолаковыми сосудами-пиксидами, солонками, чашечками. Такое сочетание инвентаря более характерно для могильников у сел Вильна Украина и Златополь. В 23 случаях пряслица найдены у головы погребенной вместе с напутственной пищей: либо рядом с деревянным подносом, либо на нем. Такое сочетание инвентаря характерно для погребений у сел Кут, Широкое, Шевченко. Иногда пряслица входят в одну группу инвентаря с лепными сосудами (чаще мисками). Такое сочетание находок характерно для Верхнетарасовского могильника.

29 пряслиц располагалось у рук погребенных: 17 — рядом с кистью левой руки, 12 — рядом с кистью правой. В погребении № 1 кургана № 58 у с. Верхнетарасовка пряслице было зажато в правой руке погребенной [8].

Единичны находки пряслиц у ног, под черепом и под грудной клеткой погребенных. В погребении № 2 кургана № 3 у с. Богдановка свинцовое пряслице найдено в корзинке из коры вместе с лепным сосудом, свинцовой пластиной и бусами [9].

Проведенный анализ условий находок пряслиц в погребениях свидетельствует, что расположение их у головы погребенных является преимущественным. Кроме того, в пределах отдельных могильников намечаются устойчивые комбинации пряслиц с другими категориями погребального инвентаря. Так, для Золотобалковского и Вильноукраинского могильников характерны находки пряслиц вместе с чернолаковыми сосудами. В инвентаре погребений из могильников у сел Кут, Широкое и Шевченко пряслица, как правило, встречаются с напутственной пищей. Для Верхнетарасовского могильника характерно сочетание пряслиц и лепных сосудов.

Нами выделены следующие типы пряслиц. Керамические биконические пряслица образованы двумя усеченными конусами приблизительно одинаковой высоты, составленными широкими основаниями (тип 1) (рис. 1, *1*). Они получили наибольшее распространение в памятниках степного Поднепровья. Статистическая обработка дает следующие средние основных параметров: вес (m) — 19,43±3 г, высота (h) — 2,6±0,1 см, максимальный диаметр (D_{max}) — 2,8±0,1 см, входной и выход-

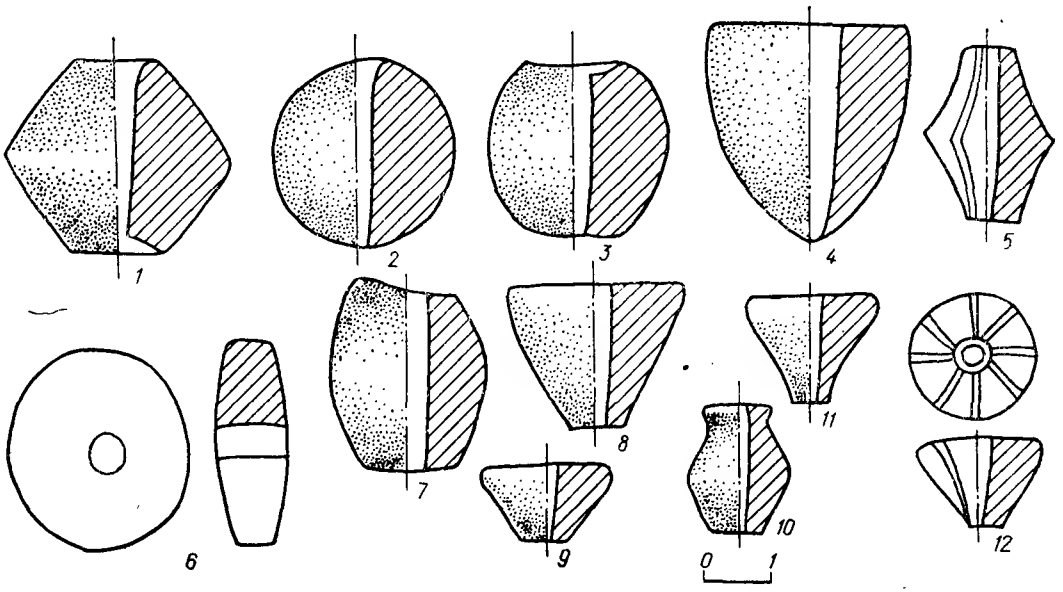


Рис. 1. Типы пряслиц из погребений Степной Скифии.
1 — тип 1; *2, 3* — тип 2; *4* — тип 3; *5* — тип 7; *6* — тип 13; *7* — тип 4; *8, 9, 11* — тип 5; *10* — тип 8; *12* — тип 6. (*1—4, 7* — керамика; *5, 8, 9, 11, 12* — свинец; *6* — камень; *10* — бронза).

ной диаметры (d_{max} и d_{min}) канала отверстия соответственно $0{,}51 \pm 0{,}07$ и $0{,}46 \pm 0{,}09$ см (таблица).

Несмотря на то, что биконическое пряслице симметрично относительно экваториального поперечного сечения, в нем без труда можно отличить «верхнюю» и «нижнюю» части. Признаком «верх» является максимальный диаметр отверстия канала. Расширение сквозного канала (примерно на 10 %) обнаружено практически у всех обследованных пряслиц рассматриваемого типа. При этом в подавляющем большинстве именно со стороны уширенного отверстия располагается хорошо различимая даже при трехкратном увеличении истертость краев, обусловленная механическим воздействием нити на керамику.

Изготовлены пряслица из грубой глины с включениями дресвы (кургана № 31, погребение № 1 у с. Верхнетарасовка), слюды (Верхнетарасовка, курган № 37, погребение № 1) или растительных примесей (Шевченко III, курган № 9, погребение № 2). В целом тесто пряслиц по составу мало чем отличается от теста лепных сосудов. Обжиг пряслиц производился при довольно высокой температуре, следствием чего явилась большая плотность керамики, приближающаяся к плотности высококачественного черепка гончарных сосудов (среднее значение плотности материалов пряслиц равно $2{,}1 \pm 0{,}08$ г/см^3, что выше плотности теста обычных лепных сосудов). Повышенную плотность материала пряслиц можно объяснить меньшим их объемом по сравнению с сосудами, что обеспечивало мастеру удобство обжига изделия и улучшение его качества.

Орнаментировались пряслица крайне редко: биконическое пряслице из кургана № 16 погребения № 1 у с. Шолохово имело прочерченный орнамент из трех радиально расположенных елочных узоров [10].

Находки пряслиц рассмотренного типа распространены на всей территории степной части Северного Причерноморья. Здесь их найдено 86 экземпляров, что составляет 35,4 % общего числа пряслиц нашей коллекции. Чаще всего керамические биконические пряслица встречаются в материалах могильников, расположенных ближе к пойме Днепра: Верхнетарасовского, Никопольского, Гайманского (по 6 экземпляров), а также могильников у сел Широкое, Шевченко, Шолохово.

Находки пряслиц первого типа, как и пряслиц вообще, не характерны для памятников предскифского периода степной зоны Северного Причерноморья. Нет их и в раннескифских погребениях. Наиболее ранние керамические биконические пряслица встречаются на территории Правобережной Лесостепи и датируются второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э.[11] Затем они распространяются на всю Лесостепь [12], а в IV в. до н. э., возможно, и на Степь.

Керамические сферические пряслица (тип 2) представлены изделиями двух вариантов: собственно сферическими и сфероидальными уплощенными. Последние иногда называют боченковидными. Вес пряслиц этого типа 16—18 г. Средние размеры диаметра ($\bar{D}_{max}$) — 2,61±1,2 см, высоты ($\bar{h}$) — 2,38±0,3 см. Так же, как и у пряслиц первого типа, канал конусный. В месте выхода нити, по краю отверстия с максимальным диаметром, имеются следы сработанности (рис. 1, *2, 3*).

В курганах степной Скифии найдено 20 керамических сферических пряслиц (8,2 % исследованных) (таблица). Сферические керамические пряслица чаще всего встречаются в могильниках на территории современных Днепропетровской и Запорожской областей, в то время как для могильников территории современной Херсонской области, Степного Крыма и Побужья они не характерны.

Наиболее ранние находки сферических пряслиц известны по материалам курганов бассейна р. Тясмин, где они найдены с керамикой жаботинского типа и могут быть датированы предскифским временем [13]. В материалах Бельского городища пряслица описанного типа датируются V—III вв. до н. э.[14]. В Степь изделия этого типа проникают в начале IV в. до н. э.

К третьему типу относятся пряслица, имеющие форму усеченного конуса с плоской или округлой нижней частью (рис. 1, *4*). Средняя высоты пряслиц этого типа ($\bar{h}$) — 2,29±0,3, максимального диаметра ($\bar{D}_{max}$) — 2,76±±0,2, минимального ($\bar{D}_{min}$) —1,4±0,4 см. Размеры канала всех глиняных пряслиц постоянны (таблица). Изготовлены пряслица третьего типа из хорошо отмученной глины с мелкими включениями, обжиг равномерный. В курганах Степной Скифии найдено 14 керамических усеченно-конических пряслиц (5,8 %) (таблица). Они характерны в основном для памятников Нижнего Поднепровья. За пределами степного Поднепровья они зафиксированы в материалах Бельского городища [15].

Все три типа керамических пряслиц изготовлялись формованием заготовки из сырой глины и прокалыванием конусовидным стержнем канала. Конусовидность канала, кроме выполнения технологического требования — обеспечение разъемности пряслиц и стержня,— позволяла при эксплуатации реализовать тугую насадку пряслица на веретено.

Пряслица четвертого типа изготовлены из ножек преимущественно гераклейских амфор и имеют боченковидную форму. Высота изделий (2,45±±0,2 см) превышает максимальный диаметр (2,07±0,2 см). Диаметры верхней и нижней плоскостей совпадают и равны 1,35±0,2 см. Цилиндрический канал имеет диаметр 0,4 см. Отсутствие конусности у пряслиц, изготовленных из ножек амфор, объясняется сложностью технической операции высверливания нецилиндрического канала. В памятниках степной Скифии, преимущественно в материалах могильников, расположенных в районе г. Орджоникидзе, таких пряслиц найдено шесть (2,1 %) (таблица). Находки таких изделий обычны для боспорских городов, в Лесостепи же они не встречаются.

Для погребений IV в. до н. э. степной части Северного Причерноморья характерны литые свинцовые пряслица (69 экземпляров — 32,1 %) (таблица). Вследствие долговременного нахождения в грунте поверхность пряслиц покрыта белой патиной и эрозирована на глубину 0,5 мм и более. Иногда следы разрушения обнаруживают скрытые ранее дефекты, возникшие в процессе литья (пряслице из погребения № 2 кургана № 35 группы Шевченко III). Этим, а также наличием примесей можно объяснить их меньшую по сравнению со справочными

данными плотность ($\rho = 10{,}21 \pm \pm 0{,}57$ г/см^3).

В цветной металлургии скифского времени применение свинца имеет строгие хронологические рамки. Для цветной металлургии Лесостепи предскифского времени свинцовые сплавы не характерны. В скифской архаике оловянисто-свинцовые химико-металлургические группы занимают подчиненное положение, но уже в IV в. до н. э. оловянисто-свинцовый сплав на медной основе становится основным [16]. Возможно, это объясняется укреплением связей лесостепных племен со степными в IV в. до н. э. Последние начинают играть посредническую роль в осуществлении поставок цветных металлов, в частности свинца, из районов Прикубанья и Северного Кавказа племенам Лесостепи. Часть свинцового сырья оседала, естественно, в степных районах Поднепровья — Побужья и использовалась местным населением для изготовления пряслиц, чем и объясняется их широкое распространение в памятниках указанных территорий по сравнению с их незначительным количеством в Лесостепи. Дополнительным свидетельством в пользу оседания свинцового сырья на территории степного Поднепровья — Побужья является почти полное отсутствие таких находок в погребениях степного Крыма.

Наиболее распространенный тип свинцовых пряслиц составляют изделия в форме усеченного конуса (тип 5) (рис. 1, *8*, *9*, 11). Статистическая обработка дает следующие средние их размеров: вес $22{,}01 \pm 2{,}8$ г, высота $1{,}26 \pm \pm 0{,}1$, максимальный диаметр — $2{,}01 \pm \pm 0{,}2$, минимальный $0{,}91 \pm 0{,}1$ см. Как и у пряслиц первых трех типов, канал свинцовых пряслиц конусовидный — входной и выходной диаметры его соответственно равны $0{,}49 \pm 0{,}04$ см и $0{,}41 \pm \pm 0{,}02$ см (таблица).

В курганах степной части Северного Причерноморья найдено 51 свинцовое усеченно-коническое пряслице (21,7 % изученных) (таблица). Они характерны для Широчанского, Шевченковского, Кутянского, Никопольского могильников. Свинцовые усеченно-конические пряслица появляются в памятниках Нижнего Поднепровья не ранее IV в. до н. э., причем использование для изготовления этих изделий свинца совпадает по времени с распространением свинцовых рецептов в цветной металлообработке Лесостепи. Разнообразие форм пряслиц невелико и, по существу, сведено лишь к усеченно-конической форме, хорошо известной по керамическим прототипам.

Усеченно-конические пряслица с каннелюрами, радиально расходящимися от входного отверстия (тип 6) практически не отличаются по размерам от пряслиц пятого типа (рис. 1, *12*). Они составляют 8,2 % (20 экземпляров) изученной нами коллекции. Наибольшее их количество обнаружено в погребениях Кутянского и Никопольского могильников. Для других групп они не характерны.

Седьмой тип составляют свинцовые биконические пряслица, образованные двумя усеченными конусами одинаковой высоты, составленными широкими основаниями. Вес пряслица из кургана 58 у с. Верхнетарасовка 33,7 г, максимальный диаметр 2,08, высота 2,5, диаметр входного отверстия канала 0,5, выходного — 0,42 см. В степных памятниках Скифии (могильники у сел Верхнетарасовка, Отрадное) найдено 7 экземпляров пряслиц этого типа (2,3 %) (рис. 1, *5*).

Пряслица восьмого типа изготовлены из бронзы и также имеют биконическую форму. Почти все совпадают по размерам: средняя высоты $1{,}66 \pm 0{,}3$, максимального диаметра $1{,}78 \pm 0{,}2$, верхнего $0{,}87 \pm 0{,}1$, нижнего $0{,}83 \pm 0{,}1$ см. Канал, как у большинства керамических и свинцовых пряслиц, конусовидный, входные и выходные отверстия подчеркнуты ободками (рис. 1, *10*). Характерной особенностью бронзовых пряслиц является однообразие их размеров, наводящее на мысль о том, что они изготовлены в одном центре и если не в одной литейной форме, то руками одного мастера.

Все восемь бронзовых пряслиц (3,3 %) найдены в курганах Нижнего Поднепровья, на других территориях они не известны. Вместе с бронзовыми пряслицами обнаружены чернолаковые сосуды, изделия из золота, иногда костяные наборные веретена греческого

производства, что свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных в таких курганах женщин. Половина бронзовых пряслиц найдена в могильнике у с. Златополь, два в Вильноукраинском, по одному в других курганах Нижнего Поднепровья — у сел Заповитное, Широкое. Косвенным подтверждением особой ценности пряслиц из бронзы являются результаты анализа количественного состава материала. Предположим, что для изготовления пряслиц применялись литейные бронзы на основе сплава Cu+Sn (медь+олово) с некоторыми другими лигирующими добавками, в частности свинцом. Содержание других металлов, согласно данным Т. Б. Барцевой [17], не превышало 1 % и заметно не отражалось на весовом составе материала изделий. Для сплавов, имеющих гетерогенную структуру, концентрация компонента определяется по известной формуле

$$c_2 = \left[\left| 1 - \rho_1/\rho \right| - \sum_{i=3}^{n} C_i \left| (1 - \right. \right.$$

$$\left. \left. - \rho_1/\rho_i) \right| \right] / (1 - \rho_1/\rho_2), \qquad (6)$$

где ρ, C_i — плотность и массовая концентрация i-го компонента, $i=1,..,\ n$; n — число компонентов, ρ — плотность сплава.

Для двойного сплава Cu+Sn из (6) при $\rho=8{,}27$ г/см^3 получим $C_{Sn} \leqslant 36$ %. Для тройного сплава Cu+Sn+Pb также в предположении гетерогенности структуры, из (6) имеем

$$C_{Sn} = 0{,}36 - 0{,}96 C_{Pb}. \qquad (7)$$

С учетом того, что содержание свинца в этих бронзах не превышает 10 %, из (7) получим $C_{Sn}=36 \div 26$ %. В соответствии с таблицей [18], металл с таким высоким содержанием олова шел на изготовление парадных, дорогих изделий типа наверший. Очевидно, упомянутые бронзовые пряслица являются принадлежностью прядильного набора богатых женщин.

Крайне редко для изготовления пряслиц использовалось железо. Два усеченно-конических железных пряслица составляют девятый тип этих изделий (0,8 %). Высота их 1,3, максимальный диаметр 1,5, минимальный 0,8 см (таблица).

Каменные пряслица не характерны для могильников степной Скифии. Четыре из них (1,6 %) из курганов Нижнего Поднепровья имели биконическую форму (тип 10). Пряслице из Кутянского могильника, по описанию автора раскопок Д. Т. Березовца, было изготовлено из аловерита. Остальные из мергеля и светлого песчаника. Их размеры — максимальный диаметр 2,7—3, высота от 1,8 до 2,5 см.

Два сферических пряслица (тип 11) также изготовлены из мергеля* и составляют 0,8 %. Вес одного из них 22,32 г, максимальный диаметр 2,48, высота 1,95 см (таблица).

В могильниках Степного Крыма найдены три дисковидных пряслица (рис. 1, *б*), изготовленных из серого песчаника (таблица). Каналы таких пряслиц сверленые, цилиндрические. Высота изделий 1—1,5, диаметр 2—2,5 см.

Таким образом, каменные пряслица не получили широкого распространения в курганах степной Скифии. Они составляют 4,4 % изученных. Но в погребениях степного Крыма они представлены довольно широко, причем для крымских памятников характерны именно дисковидные каменные пряслица.

3. **Веретена** являются характерным предметом инвентаря женских погребений степной Скифии. Находки целых и реконструкции остатков сделали возможным их классификацию. Детали веретен найдены в 29 погребениях IV в. до н. э. Это веретена пяти типов.

Первый тип составляют наборные веретена из пяти — семи деталей, насаженных на костяной стержень. Два усеченных конуса и боченковидное тело между ними составляют нижнюю треть веретена. На нижнее острие насаживалась фигура в виде шахматной пешки. Веретена первого типа орнаментировались резными горизонтальными линиями, как, например, веретено из Третьей Хоминой Могилы (рис. 2, *2*), или

* Определения пород камня проведены кандидатом геолого-минералогических наук Б. Г. Яковлевым.

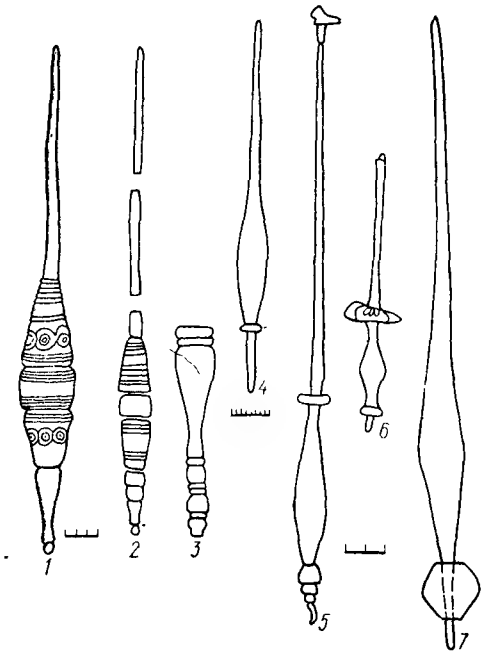


Рис. 2. Веретена, обнаруженные в погребениях Степной Скифии.

1, 2 — тип I (Львово, курган № 18, погребение № 1; Хомина Могила, погребение № 3); *3* — тип II (Александрополь, камера VI), *4* — тип III (Трехбратний курган); *5, 6* — тип IV (Куль-Оба, Александрополь, камера XI); *7* — тип V.

концентрическими кругами (с. Львово, курган № 18, погребение № 1) (рис. 2, *1*), заполненными на некоторых изделиях (курган № 11, погребение № 11 группы БОФ у г. Орджоникидзе) красной краской. Изредка в набор входил костяной кружок — «маховичок». На веретене из Чмыревой Могилы он был покрыт листовым золотом. Длина сохранившейся части этого веретена 11—12, предполагаемая длина веретена 35—36 см. Кроме упомянутых выше, к этому типу относятся веретена из погребения № 2 кургана № 11 у с. Львово, Денисовой Могилы у г. Орджоникидзе, Мелитопольского кургана и кургана у с. Солдатское *.

Ко второму типу относятся веретена, составленные из четырех-пяти фигурных деталей в виде капли, боченка, шахматной фигуры без орнамента. Они также насаживались на костяной стержень, образуя веретено, подобное находке из камеры VI Александропольского кургана (рис. 2, *3*). К этому типу относятся шесть из исследованных нами изделий.

Третий тип составляют простые костяные веретена типа находки из Трехбратнего кургана: на костяной стержень надевался костяной маховичок (рис. 2, *4*). Фрагменты таких веретен найдены в Мелитопольском кургане.

К четвертому типу веретен относятся изделия из серебра с нижним концом в виде шахматной пешки, маховичком и верхушкой в виде фигурки животного. Длина таких веретен 33 см (рис. 2, *5, 6*).

Описанные выше изделия имеют аналоги в материалах античных памятников и изготовлены античными мастерами [19]. Зафиксированная длина — 33 см — некоторых из них может считаться надежной величиной и быть принятой в качестве опорного размера при реконструкции веретен, а также технологии процесса прядения. Длину веретена 33 см можно подтвердить из рассмотрения изображений на античной чернолаковой керамике [20], сюжеты которых связаны с прядением. Воспользовавшись размером стопы прядильщицы на одном из рисунков в качестве масштаба, получаем длину веретена — 36 см. Длина современного выстроганного вручную веретена, полученного автором в с. Черновки Новоселицкого р-на Черновицкой обл., равна 34,5 см. Любопытно, что сохранившаяся наборная часть веретен — утолщенная нижняя треть — имеет длину 11—12 см, из чего можно предположить что длина целого веретена 33—36 см.

Исследование инвентаря погребений рядовых общинников Степной Скифии, изучение встреченных в них пряслиц и сохранившихся деталей веретен позволяют выделить еще один — пятый тип изделий. Его составляют ординарные деревянные веретена, пряслица от которых встречаются почти во всех женских погребениях степной части Северного Причерноморья. Изготовление веретен пятого типа было несложно. Из дерева (наиболее пригодна для этой цели древесина яблони или сосны) [21] выстругивался стержень с утолщением

* Более подробно о наборных веретенах греческого производства — в статье *Е. Е. Фиалко.* Костяные изделия из кургана Огуз, публикуемой в данном сборнике.

в нижней трети. Веретено снабжалось соответствующим пряслицем, производство которого обходилось дороже, чем выстругивание стержня, поэтому целесообразно было многократное использование пряслиц.

Форма стержня веретена не может быть исключительно цилиндрической, как предполагает автор реконструкции веретен с Бельского городища. В самом деле, пряслицам с конусным каналом (см. выше) более соответствуют конусовидные стержни веретен как ответных деталей. Сопряжение конусов обеспечивает жесткую фиксацию деталей без применения всякого рода зажимов. Кроме того, поскольку, помимо выполнения функции грузила, пряслице играет роль крепления для нити (доказательством чего является стертость входного отверстия канала), в случае «легкости крепления» [22] пряслица на стержне нить закрепить было бы не так легко.

Конусность нижнего конца веретена обусловливается также необходимостью многоразового использования пряслица, являющегося сравнительно дорогим изделием. Для продолжения работы с веретеном, на котором уже накопилось предельное количество пряжи, соответствующее скорректированной коэффициентом запаса прочности разрывной нагрузке выпрядаемой нити, необходимо пряжу перемотать в клубок или продолжить работу с новым веретеном. Перемотка пряжи требует определенных затрат времени, особенно заметных при малой длительности цикла прядения на одном веретене. Попытаемся оценить длительность этого цикла, исходя из оценки веса пряжи, наматываемой на стержень. Поскольку вес ее непосредственно из археологических наблюдений не удается определить, воспользуемся косвенными данными. Вес пряжи на веретене (G) получим из объема пряжи и ее объемного веса по формуле

$$G = \gamma V. \qquad (8)$$

Примем объемный вес шерстяной пряжи $\gamma_ш = 0{,}36-0{,}42$ г/см^3; [23] растительной $\gamma_р = 0{,}83$ г/куб. см [24]. Объем пряжи можно определить по геометрическим размерам, снятым с изображения на чернолаковой керамике [25]. Примем верхнюю и нижнюю части веретена за конусы. Тогда $V = 315$ см^3 (с вычетом объема стержня веретена) и $G_ш = 115$ г, а вес пряжи из растительного волокна приблизительно 300 г. Приняв норму выработки искусной мастерицы 360 м/ч [26], толщину выпрядаемой нити, подобную пряже производства Минского тонкосуконного комбината, 100 г которой имеет длину нити 500 м, получим, что в случае применения веретен с цилиндрическим стержнем и упором с глухой насадкой пряслица каждые полтора часа пряхе пришлось бы проделывать утомительную процедуру перематывания нити. Наоборот, при использовании веретена с конусовидным концом пряхе достаточно поменять деревянные стержни веретен. При этом принцип тугой насадки пряслица позволяет закрепить нить без особого труда. Прямым доказательством длительного использования пряслиц является сработанность краев, наличие выбоин, следов износа на боковой поверхности, образование которых обусловливалось длительностью эксплуатации, наличие одного-двух пряслиц в погребении.

Что же касается верхней части веретена, то в пользу ее конусовидности говорят, во-первых, прослеживаемая по многим этнографическим исследованиям стойкая традиция выполнения стержня «на нет», во-вторых, то, что конусное тело веретена на 67 % легче цилиндрического тела такой же длины, что позволяет разместить на веретене, соответственно, большее количество пряжи. Все сказанное позволяет предложить следующий вариант реконструкции скифских веретен (рис. 2, 7).

4. **Иглы, шилья.** В погребениях, содержащих находки веретен и пряслиц, часто присутствуют иглы, шилья, проколки, изучение которых позволит сделать некоторые выводы о характере и качестве продуктов прядения.

В пяти погребениях IV в. до н. э. степной части Северного Причерноморья найдены фрагменты игл с ушком шириной 0,2—0,4 см. Чаще всего они встречаются в районе рук. В погребении № 7 кургана № 11 у с. Львово набор из четырех тонких игл хранился в деревянном, имеющем форму усеченного конуса игольнике [27]. Иголка из

погребения № 2 кургана № 9 у с. Красный Подол найдена в деревянной шкатулке. Длина железных игл 3—7, толщина 0,2—0,4 см. В трех погребениях степной Скифии найдены фрагменты бронзовых иголок.

В 24 погребениях IV в. до н. э. обнаружены железные круглые в сечении шилья с заостренным одним краем, уплощенным вторым. На уплощенный край крепилась деревянная ручка, как у шила из могилы 1 кургана № 11 у с. Капуловка. Длина шильев 6—7, диаметр 0,3—0,5 см.

Диаметры игл и ширина ушек свидетельствуют о значительной толщине нити. Ширина ушка современной швейной иглы 1,45—1,6 диаметра нити [28], получаемой в результате прядения — 0,2—0,3 см. Именно такую толщину имеют нити ткани, изготовленной из растительной пряжи из погребения № 1 кургана № 10 у с. Криничуватое [29].

5. **О технологии и сырье прядения.** Известных археологических находок явно недостаточно для воссоздания всего процесса прядения, представления полной истории его развития. Тем не менее имеющиеся данные в совокупности с данными смежных наук позволяют представить общую картину прядения.

Результаты лингвистических исследований указывают на глубокую древность прядильного процесса у скифов. Названия частей веретена, ткацкого станка, а также глаголы «прясть», «мотать пряжу», «ткать» имеют в осетинском языке иранский облик [30].

В истории техники моментом появления прядения считается переход от использования стеблей растения к искусственному получению нити, ссучиваемой пальцами человека. Первым механическим приспособлением в прядении была палка, на которую наматывалась нить. Затем палку начинают использовать в качестве орудия дополнительной крутки, то есть она начинает превращаться в веретено. Новый сдвиг в истории прядения — переход от катания веретена к его свободному вращению на натянутой нити [31]. В дальнейшем процесс прядения не претерпевает особых изменений.

По этнографическим материалам [32], процесс ручного прядения заключается в следующем. Из сырого материала (кудели), укрепленного на прялке, прядильщица левой рукой вытягивает и слегка ссучивает группу волокон, в то время как ее правая рука щелчком приводит во вращательное движение веретено, повисающее на вытянутой пряди волокон. Когда нить достигает такой длины, что правая рука перестает доставать веретено, нить наматывается на его верхнюю часть. Таким образом, прядение состоит из трех моментов: вытягивание, скручивание, намотка.

Почти во всех деталях процесс прядения, известный по этнографическим данным, совпадает с описанием прядения из эпиллия Катулла «Свадьба Пелея и Фетиды» (см. эпиграф). Строки Катулла об «окусках шерсти» можно прекрасно проиллюстрировать изображением на чернолаковом лекифе прядильщицы с нитью в зубах, веретеном и куделью в руках [33]. Между двумя описаниями — поэтическим и графическим — прошло не менее трех сотен лет. Из сказанного следует возможность экстраполяции сведений из античной прядильной техники на прочие культуры.

Надежных данных о «скифском» способе прядения в силу плохой сохранности в грунте многих орудий труда из дерева (вальков, мялок, трепал, гребней и т. п.) не имеется. Однако, основываясь на этнографических данных, результатах изучения орудий прядения из скифских погребений IV в. до н. э., анализе упомянутых сцен на античной керамике, древнеегипетских изображений [34], а также некоторых сведениях из механики, можно составить достаточно полное представление о «скифском» способе прядения.

Физическую модель (рис. 3) представим состоящей из выпрядаемой нити (1), на которой свободно висит веретено (2) с пряслицем (3) и пряжей (4) монотонно возрастающего веса. Иногда систему утяжеляют «маховичком» (веретена четвертого и пятого типов). Стрелками показаны направления действия силы тяжести и направление вращения веретена, непрерывно поддерживаемого толчкообразными движениями

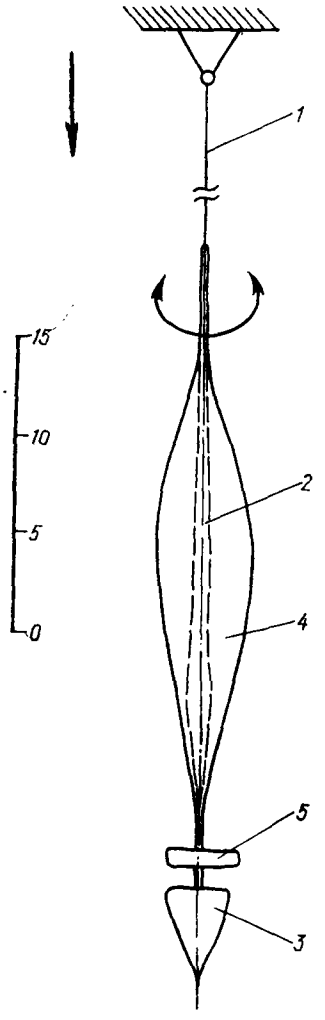


Рис. 3. Физическая модель веретена.
1 — нить, *2* — стержень, *3* — пряслице, *4* — пряжа, *5* — маховик.

правой руки прядильщицы. Основное назначение веретена — осуществление процесса кручения волокнистого материала с целью получения непрерывной равномерной нити, отличающейся от исходного сырья и полуфабрикатов резко повышенными прочностными, упругими свойствами. Одновременно на веретено наматывается готовая пряжа.

Для современных прядильных машин число оборотов веретена, идущих на намотку пряжи, обычно составляет 1—2 %, а 98—99 % идет на кручение [35]. В ручном прядении добиться подобного эффекта легче всего при подвеске на нить хорошо сбалансированного тела, способного стабильно вращаться в течении длительного времени при минимальном потреблении энергии на вращение. Таким качеством обладает осесимметричный стержень со смещенным вниз по оси вращения (за счет утолщенной нижней трети и навешенного пряслица) центром тяжести. У него минимальное трение о воздух, а крутящий момент можно регулировать выбором веса пряслица. Равномерно навивая нить, такое смещенное положение центра тяжести веретена с пряжей можно сохранять до конца прядения. Вес системы в зависимости от рода волокна увеличивается от 50 до 300 г, то есть меняется в 2—6 раз. Поэтому мнение некоторых исследователей, что вес пряслица однозначно определяется родом пряжи или даже ее сортом [36], подлежит уточнению. Подтверждением сказанному может служить также удивительное постоянство весов пряслиц и длин веретен, найденных на исследуемой территории. По данным этнографических исследований, на одних и тех же веретенах прядут как растительное волокно (лен, коноплю), так и шерсть.

Рассмотрим вопрос о сырье подробнее. Наиболее традиционным сырьем прядения у кочевников является шерсть. Процесс прядения шерсти по существу не отличается от прядения растительного волокна. Пряжа высокого качества получается после стрижки овец в мае — июне. После мытья и очистки шерстобоем мычку насаживают на гребень или другое подобное приспособление и прядут. Хорошая прядильщица может вытkать на гребне за 16 часов 10 пасм шерсти [37].

Наряду с шерстью в качестве сырья, очевидно, использовалась конопля, скифское название которой Кана [38]. Греки не знали конопли, она не упоминается ни в одном из письменных источников. Исключением является Геродот, который сравнивает ее со льном: «Растет у них в стране конопля, более напоминающая лен, от которого отличается толщиной и высотой. Этими качествами она намного превосходит лен. Она растет и сама по себе и посеянная» [39]. В этом фрагменте, по всей видимости, речь идет о южной группе

конопли, благоприятные условия для произрастания которой существуют на юге Украины. П. М. Жуковский считает наиболее вероятным гималайское происхождение культурной конопли и отмечает, что ее переселение связано с продвижением кочевников: «...конопля посеялась на навозных и мусорных кучах» [40]. Для разведения культурной конопли необходимы хорошо удобренные участки пониженного рельефа. Наиболее интенсивный рост этого растения наблюдается при сочетании достаточно высокой температуры воздуха при необходимом уровне увлажненности почвы [41].

В IV в. до н. э. в пойме среднего и нижнего Днепра, а также впадающих в него рек, существовала некая общность природно-климатических условий, заключающаяся в единообразии рельефа, почв, флоры, фауны. Эта общность предполагает благоприятные возможности для развития производящего сельского хозяйства. Поскольку для успешного разведения конопли, кроме значительной увлажненности почвы, необходимы органические удобрения, то положительным фактором для производства конопли явилось содержание в домашнем хозяйстве скота. Кочевнический или полукочевнический фон благоприятствовал созданию скотных дворов в оседлых хозяйствах этой зоны, что придавало специфику ее поселениям.

Для примерного представления о размерах участка, который мог одеть семью из, скажем, пяти человек [42], воспользуемся данными о продуктивности павлоградской конопли — сорта, возделываемого ныне в Днепропетровской, Николаевской и Одесской областях. Сбор конопли с одного гектара составляет 7,3—8, выход волокна — 15,3—16 % [43], то есть, 124 кг. Примем, что на одного человека идет 0,5 кг пряжи в год. Тогда необходимая площадь участка возделывания конопли будет равна примерно 0,022 га, или квадрату 15×15 м.

Кроме волокна, конопляное растение дает семена с выходом при механическом извлечении до 28 % жира. Конопляник размером 0,022 га при урожайности семени 3,3—3.8 ц/га приносит 7,3—8,6 кг семян, из которых на высев предназначается (исходя из нормы высева 100—120 кг/га) 2,4 кг [44]. Геродот прямо пишет об использовании семян конопли скифами: «Так вот скифы, взяв зерна этой конопли, подлезают под покрывала и затем бросают зерна на раскаленные камни. Насыпанное зерно курится и выделяет столько пара, что никакая эллинская парильня не сможет это превзойти» [45].

Для более полной характеристики технологии и сырья прядения необходимо дальнейшее исследование хозяйства и быта племен Степной Скифии.

Объектом исследования данной статьи явились орудия прядения, в основном пряслица, веретена, найденные в курганах IV в. до н. э. на территории степной части Северного Причерноморья. Ранее эти памятники подвергались исследованию при изучении погребального обряда, оружия, конской узды, лепной керамики. Были использованы сравнительно-типологический, а для пряслиц — формально-статистический методы исследования. Массив по пряслицам (243 экземпляра) отличается высокой степенью однородности, о чем свидетельствует как малое число промахов (то есть, малое число отклонений единичных измерений того или иного параметра от его средней величины, превышающих 3σ где σ — среднее квадратическое отклонение), так и узкие доверительные интервалы при весьма высокой надежности ($p=0{,}95$) результатов измерений.

Несмотря на разнообразие форм пряслиц, нами выделено 11 типов. Пряслица Степной Скифии характеризуются двумя практически постоянными параметрами: весом $21\pm2{,}8$ г, диаметром сквозного канала $d_{max}=0{,}506\pm0{,}072$ см, $d_{min}=0{,}465\pm0{,}088$ см. Биконический тип пряслиц, изготовленных из различных материалов — керамики, свинца, бронзы, камня — является господствующим. В унифицированности форм и единообразии размеров орудий прядения, по-видимому, нашли выражение единовременность и повсеместность распространения единого способа ручного прядения. Анализ накопленного археологического материала приводит к выводу, что распространение приемов прядения у племен, населявших степ-

ную часть Северного Причерноморья, происходило различными путями, но приблизительно в одно и то же время — в начале IV в. до н. э.

Значительное влияние на развитие прядильного промысла оказали связи населения Степи с племенами Лесостепи, выразившиеся в заимствовании из Лесостепи двух типов керамических пряслиц. Некоторые орудия и элементы прядения проникают в степь из греческих колоний (в частности, веретена четырех типов).

Нами выделено пять типов веретен. Причем сохранились в основном костяные наборные и серебряные, находки которых по сравнению с находками пряслиц выглядят единичными. Преобладание пряслиц указывает на то, что деревянные веретена местного производства являлись господствующим типом в степной Скифии. Бросается в глаза примерное постоянство длин веретен, фиксируемое по разным источникам, что еще раз подтверждает тезис о достижении прядением определенной степени развития и дальнейшей его консервации.

Быстрое развитие прядильного промысла на территории Северного Причерноморья в IV в. до н. э. может свидетельствовать об общем экономическом подъеме жизни населения этого региона, обычно присущем смене одного способа ведения хозяйства другим, более прогрессивным. В данном случае есть основания предположить развитие элементов земледелия в экономике племен, заселявших степную часть Северного Причерноморья.

Появление и широкое распространение свинцовых пряслиц и свинца в лигатурах бронзовых сплавов свидетельствуют о растущей роли Степи как посредника в торговле Лесостепи и Кавказа. Одновременно по этим же материалам прослеживается ослабление торговли между Степным Крымом и кавказскими центрами поставки металлов.

Веретенам в погребениях придавался также ритуальный аспект. При этом наблюдаются существенные отличия в месте расположения их у тела погребенной, что может указывать на местные традиции единого скифского погребального обряда.

Для суждения о ХКТ, составной частью которого являются домашние промыслы, необходимы дальнейшие исследования других составных частей наряду с разработкой общих вопросов развития хозяйства смешанных земледельческо-скотоводческих обществ.

[1] *Яценко И. В., Раевский Д. С.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // Народы Азии и Африки.— 1980.— № 5.— С. 102—107.

[2] *Яковенко Е. В.* «Скіпетр цариці» з Куль-Оби // Археологія.— 1973.— № 11.— С. 39—43.

[3] *Радзієвська В. Е.* Техніка прядіння у населення Лісостепової Скіфії // Там же.— 1979.— № 32.— С. 19—26.

[4] *Шрамко Б. А.* Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— Киев, 1965.— С. 29—30.

[5] *Петров М. И.* Технико-экономические расчеты на электронной микромашине «Электроника — БЗ-18».— М., 1979.— 175 с.

[6] *Бунятян Е. П.* Рядовое население Степной Скифии IV—III вв. до н. э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.— С. 15.

[7] *Черненко Е. В., Бунятян Е. П.* Курганная группа Широкое III // Курганы Южной Херсонщины.— Киев, 1977.— С. 47.

[8] *Бунятян Е. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин В. Ю.* Скифский могильник у с. Верхнетарасовка // Курганы юга Днепропетровщины.— Киев, 1977.— С. 120.

[9] *Кубышев А. И., Дорофеев В. А., Полин С. В. и др.* Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы // НА ИА АН УССР.— 1977/23.— С. 44.

[10] *Волкобой С. С., Шалобудов В. Н., Лихачев В. А.* Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности степного Поднепровья.— Днепропетровск., 1979.— С. 45.

[11] *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.— Киев, 1981.— С. 39—45, рис. 28, 11—13; 3,11; 39,5.

[12] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Правобережья.— Киев, 1968.— С. 161; *Ковпаненко Г. Т.* Указ. соч.— С. 101.

[13] *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.— Киев, 1975.— С. 113, 197, табл. 8, 5; 25, 10.

[14] *Радзієвська В. Е.* Вказ. праця.— С. 26.

[15] Там же.— С. 20.

[16] *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени.— М., 1982.— С. 89, 90.

[17] Там же.— С. 17.

[18] Там же.— С. 97—121. Табл. 1.

[19] *Яковенко Е. В.* Вказ. праця.— С. 40.

[20] *Lexikon* der Antike.— Leipzig, 1979.— S. 537.

[21] *Букштынов А. Д., Грошев Б. И., Крылов Г. В.* Леса.— М., 1980.— С. 282.

[22] *Радзієвська В. Е.* Вказ. праця.— С. 24, 22.

[23] *Гусев В. Е., Цуцков М. Е., Эммануэль М. В.* Прядение шерсти.— М., 1960.— С. 454.

[24] Справочник по шерстопрядению.— М., 1960.— С. 69.

[25] *Lexikon...*— S. 537.

[26] *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы.— М., 1978.— С. 53.

[27] *Кубышев А. И., Дорофеев В. А., Полин С. В. и др.* Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы.— С. 44.

[28] *Лабораторный* практикум по материаловедению швейного производства.— М., 1979.— С. 79.

[29] *Бондарь Н. Н., Антоненко Б. Д., Пиоро В. А. и др.* Отчет о работе Никопольской археологической экспедиции научно-исследовательского сектора КГУ // НА ИА АН УССР.— 1977/80.— С. 40.

[30] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор.— М.; Л., 1949.— С. 54.

[31] *Цейтлин Е. А.* Очерки истории текстильной техники.— М.; Л., 1940.— С. 14—18.

[32] *Василенко В. И.* Прядение и ткачество в Зеньковском и Миргородском уездах.— Полтава, 1900.— Вып. 1; *Лебедева Н. И.* Очередные вопросы изучения прядения и ткачества.— М., 1929.— 20 с.

[33] *Катулл Гай Валерий.* Стихотворения / Пер. С. Шервинского.— М., 1963.— С. 109—110; *Шаму Ф.* Гръцката цивилизация през архаичната и класичката епоха.— София, 1979.— Рис. 143.— С. 260.

[34] *Лурье И., Ляпунова К., Матье М., Пиотровский Б., Флиттнер Н.* Очерки по истории техники Древнего Востока.— М.; Л., 1940.— Рис. 95.— С. 211.

[35] *Гусев В. Е., Цуцков М. Е., Эммануэль М. В.* Указ. соч.— С. 446.

[36] *Литвинский Б. А.* Указ. соч.— С. 41—42.

[37] *Василенко В. И.* Указ. соч.— С. 23.

[38] *Абаев В. И.* Указ. соч.— С. 166, 170.

[39] *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота.— М., 1982.— С. 127.

[40] *Жуковский П. М.* Культурные растения и их сородичи.— Л., 1964.— С. 456.

[41] *Конопля.*— 1963.— С. 38.

[42] *Тереножкин А. И.* Общественный строй скифов // Скифы и сарматы.— Киев, 1977.— С. 3—29.

[43] *Конопля.*— С. 98.

[44] Там же.— С. 6, 226.

[45] *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Указ. соч.— С. 127.

Е. Е. Фиалко

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУРГАНА ОГУЗ

В 1980 г. Таврической экспедицией при исследовании кургана Огуз была открыта новая могила — Северная [1]. Хотя могила оказалась ограбленной, в заполнении входной ямы и погребальной камеры удалось собрать много остатков погребального инвентаря. Среди находок доминировали две категории предметов: золотые украшения (около пяти тысяч) и разнообразные костяные изделия (около 1600 штук).

Цель настоящей работы — выделить и рассмотреть основные категории костяных изделий, найденных в Северной могиле кургана Огуз.

Все костяные изделия из кургана можно разделить на несколько категорий в соответствии с их функциональным и художественным назначением: орудия труда, предметы туалета, детали деревянного саркофага, предметы неизвестного назначения.

К первой категории костяных предметов, найденных в Северной могиле, относятся части сложного составного веретена греческого типа.

Стержень веретена не сохранился, сохранилось навершие и три насадки веретена (рис. 1, *1*). Навершие сложной конфигурации выточено на токарном станке в виде «шахматной» фигурки со сквозным отверстием, в средней и нижней частях оформлено тремя рельефными поясками. Высота его 2,7, диаметр основания 1,8, диаметр верхней части 0,8, отверстия 0,4 см.

Насадка в форме, близкой грушевидной с плоским основанием, отделенным глубокой канавкой, верхняя часть оформлена высоким бортиком, по ее длинной оси просверлено сквозное отверстие. Средняя часть украшена тремя горизонтальными кольцевыми линиями. Высота 1,3, высота бортиков у оснований 0,2, диаметры основания 1,3, верхней части 0,6, отверстия 0,4 см.

Насадка в форме раструба со сферическим основанием и сквозным отверстием. Высота 1,7, диаметры основания 1,4, верхней части 0,6, отверстия 0,4 см.

Третья насадка в форме усеченного конуса со слегка вогнутой поверх-

ностью, украшена каннелюрами; по длинной оси сквозное отверстие. Высота 3,4, диаметры нижнего основания 1,7, верхнего 1,2, отверстия 0,8 см. Эта насадка несколько отличается от остальных деталей веретена. Она гораздо массивнее, диаметр отверстия ее в 2 раза больше, чем у остальных деталей, она выполнена в ином стиле. Вполне возможно, что в погребении было второе веретено, к которому и относится эта насадка. Находки двух веретен в одном погребении зафиксированы в Мелитопольском кургане и кургане № 2 у с. Большая Знаменка, раскопанном Я. И. Болдиным в 1979 г.

Прядение и ткачество являлись одним из основных занятий скифских женщин. Об этом свидетельствуют довольно частые находки разнообразных пряслиц и деталей веретен в женских погребениях. Прядение осуществлялось при помощи веретен, снабженных костяными, глиняными, реже каменными или металлическими пряслицами [2]. Кроме обычных деревянных веретен, скифянки часто пользовались костяными и металлическими сложными наборными веретенами греческого типа [3].

Независимо от материала, подобные веретена состояли из стержня и нескольких насадок и пряслиц. Форма и величина их были самыми разнообразными и зависели от прочности прядильного материала и от требуемой толщины нити. Этим же обусловливалось и количество пряслиц на одном стержне [4].

Находки аналогичных веретен обычны для богатых женских погребений Скифии. В кургане № 11 близ Богдановской обогатительной фабрики на окраине г. Орджоникидзе был найден костяной набор веретена (рис. 1, *9*), состоящий из пяти частей (навершия и четырех насадок, три из которых украшены поясками циркульного орнамента) [5]. Сложное наборное веретено, состоящее из стержня и трех деталей, украшенных нарезными концентрическими желобками (рис. 1, *10*), найдено в погребении № 3 Хоминой Могилы [6]. Стержень костяного веретена с навершием и тремя плоскими кольцами-насадками происходят из кургана № 2 группы «Три брата» [7]. Аналогичное этому веретено, состоящее из стержня, навершия и трех колец-насадок (рис. 1, *2*), найдено в Восточной могиле Бердянского кургана [8]. Детали сложносоставного наборного веретена происходят из камеры IV Александропольского кургана [9] (рис. 1, *8*).

Несколько сложнопрофилированных веретен были найдены в погребении № 1 кургана № 18 [10] (рис. 1, *3*) и погребении № 2 кургана № 11 [11] (рис. 1, *4*) у с. Львово Бериславского р-на Херсонской обл., в погребении № 2 кургана № 8 у с. Волчанск [12] (рис. 1, *5*) и в погребении № 1 кургана № 4 у с. Владимировка [13] Акимовского р-на Запорожской обл. (рис. 1, 7). Два костяных стержня с тремя костяными насадками (два из них украшены «плетенкой») происходят из погребения № 1 Мелитопольского кургана [14]. Следует отметить, что впервые они были опубликованы как костяные поделки, похожие на булавку [15]. Э. В. Яковенко трактует их как стержни веретен со сложнопрофильным окончанием [16]. Два наборных веретена — одно с навершием, шестью насадками и сложнопрофильным окончанием и второе, худшей сохранности, с навершием и четырьмя насадками, украшенными в обоих случаях циркульным орнаментом и концентрическими нарезными желобками — найдены в уже упоминавшемся кургане № 2 у с. В. Знаменка.

Интересно изображение веретена на аттическом лекифе VI в. до н. э. из Метрополитен музея в Нью-Йорке, иллюстрирующем процесс прядения шерсти [17]. Как свидетельствуют этнографические данные, форма веретена, как и сам принцип прядения, сохранились вплоть до наших дней (рис. 2).

Несмотря на то, что прямых аналогий веретену из Огуза пока не найдено, можно отметить, что подобные сложнопрофилированные наборные костяные веретена греческого типа нередко встречаются в погребениях скифянок. Причем, судя по сопутствующему инвентарю и качеству самих веретен, ими пользовались не только простые (рядовые) женщины, но и представительницы социальной верхушки скифского общества. Как правило, веретена подобного типа датируются второй половиной IV в. до н. э.

Рис. 2. Прядение веретеном в наше время.

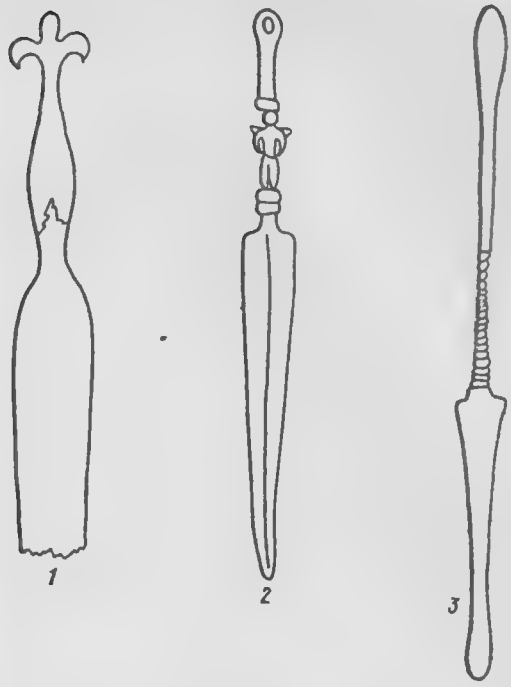


Рис. 3. Туалетные лопаточки:
1 — курган Огуз (кость); *2* — Боспор, 1838 г. (золото); *3* — Керчь, 1908 г. (бронза).

книзу; она выточена из трубчатой кости и заполирована с обеих сторон.

Прямых аналогий этой находке мы не знаем. Отдаленно ее напоминает золотой предмет, найденный Г. Ашиком в 1838 г. в плитовой гробнице на Боспоре. Нижняя часть его почти такая же, верхнюю венчает маленькая фигурка Амура (рис. 3, *2*). Трактуется она как уховертка, служившая одновременно и для чистки ногтей [18].

Подобный предмет был найден В. Шкорпилом в земляной гробнице, открытой на Митридатовой горе в Керчи в 1908 г. (рис. 3, *3*). Он представлял собой бронзовую палочку с утолщенным концом, которая была прислонена к глиняному бальзамарию. Автор пишет, что поскольку «в сосудике оказалась белая краска, то нужно предположить, что бронзовая палочка, к которой привязывалась какая-нибудь материя, служила орудием для натирания лица белилами» [19]. Изделие из Огуза, видимо, является туалетной палочкой или лопаточкой.

К этой же категории вещей относятся костяные детали деревянного ларца (рис. 4, *1а*). Недавняя публикация ларца избавляет нас от необходимости приводить здесь его описание [20].

Наиболее массовую категорию костяных находок из Огуза составляют вырезанные по контуру и гравированные пластинки из слоновой и простой трубчатой кости, которые следует рассматривать как накладки на деревянный саркофаг.

Случаи находок деревянных саркофагов довольно редки. В скифских курганах они, как правило, сильно разрушены, зачастую о существовании их в могиле можно судить лишь по косвенным данным — следам деревянного тлена, отпечаткам красок на полу камеры, фрагментам костяных накладных пластин и алебастровых украшений и т. д. Гораздо лучше сохранились саркофаги, найденные в каменных склепах Боспора. Они и дают возможность судить о форме и некоторых конструктивных и орнаментальных особенностях саркофагов из скифских гробниц.

О конструкции саркофага из Северной могилы Огуза судить трудно, т. к. его деревянные части не сохранились.

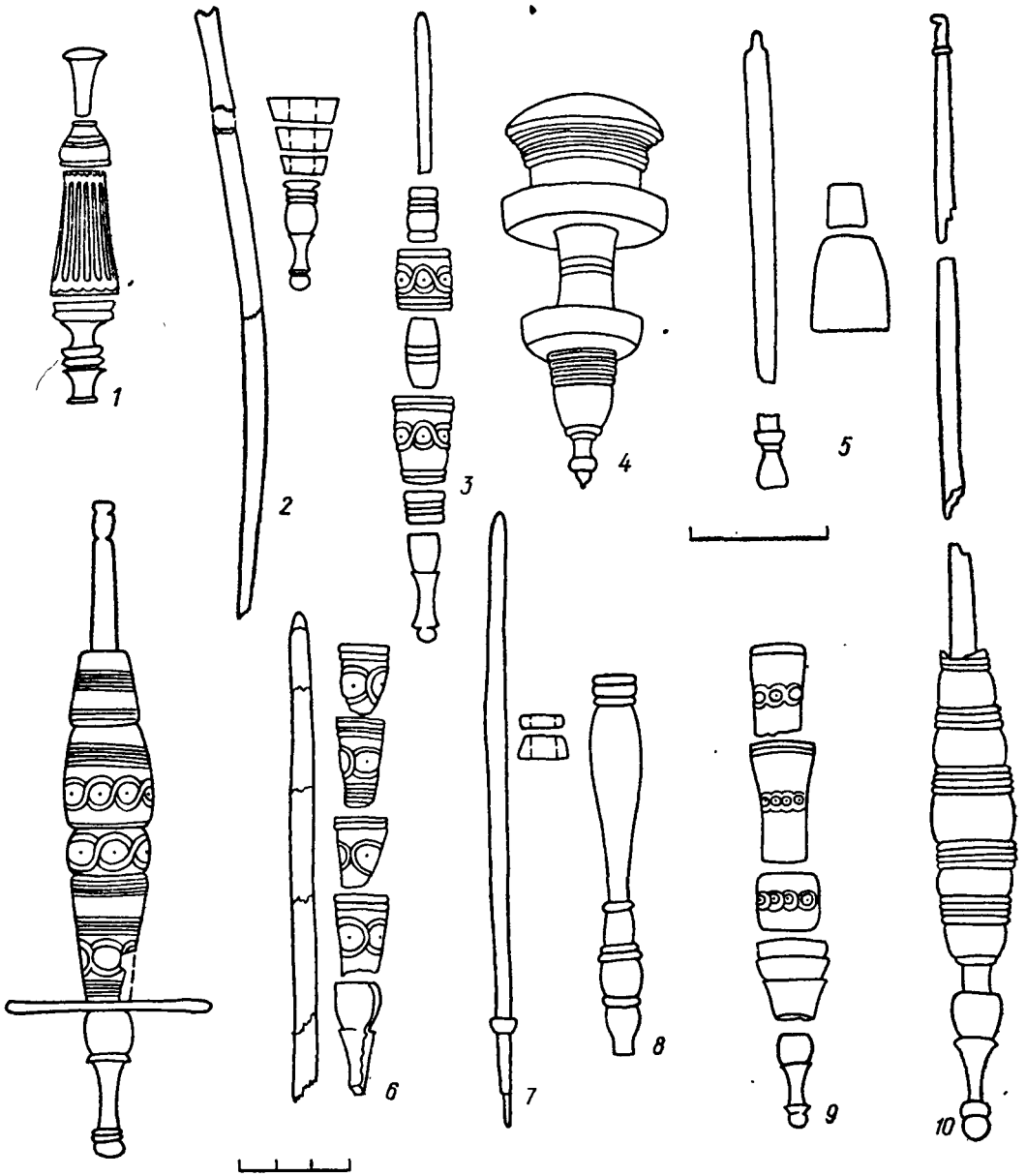


Рис. 1. Детали костяных сложносоставных веретен греческого типа из скифских погребений:
1 — курган Огуз, Северная могила; *2* — Бердинский курган, Восточная могила; *3* — с. Львово, курган № 18, погребение № 1; *4* — с. Львово, курган № 11, погребение № 2; *5* — с. Волчанск, курган № 8, погребение № 2; *6* — с. Великая Знаменка, курган № 2, погребение № 1; *7* — с. Владимировка, курган № 4, погребение № 1; *8* — курган Александрополь, камера IV; *9* — г. Орджоникидзе, курган № 11; *10* — Хомина Могила, погребение № 3.

Во второй категории изделий из кости можно выделить следующие: костяная поделка, костяные детали деревянного ларца.

Костяная поделка (рис. 3, *1*) не сохранилась полностью — нижняя часть ее обломана. Внешне она напоминает миниатюрный обоюдоострый ножик — ручка, чуть расширенная в средней части, сужается к концам. Верхний ее конец переходит в навершие, оформленное в виде трехлепестковой пальметки, нижний плавно переходит в широкую «лопаточку», постепенно сужающуюся

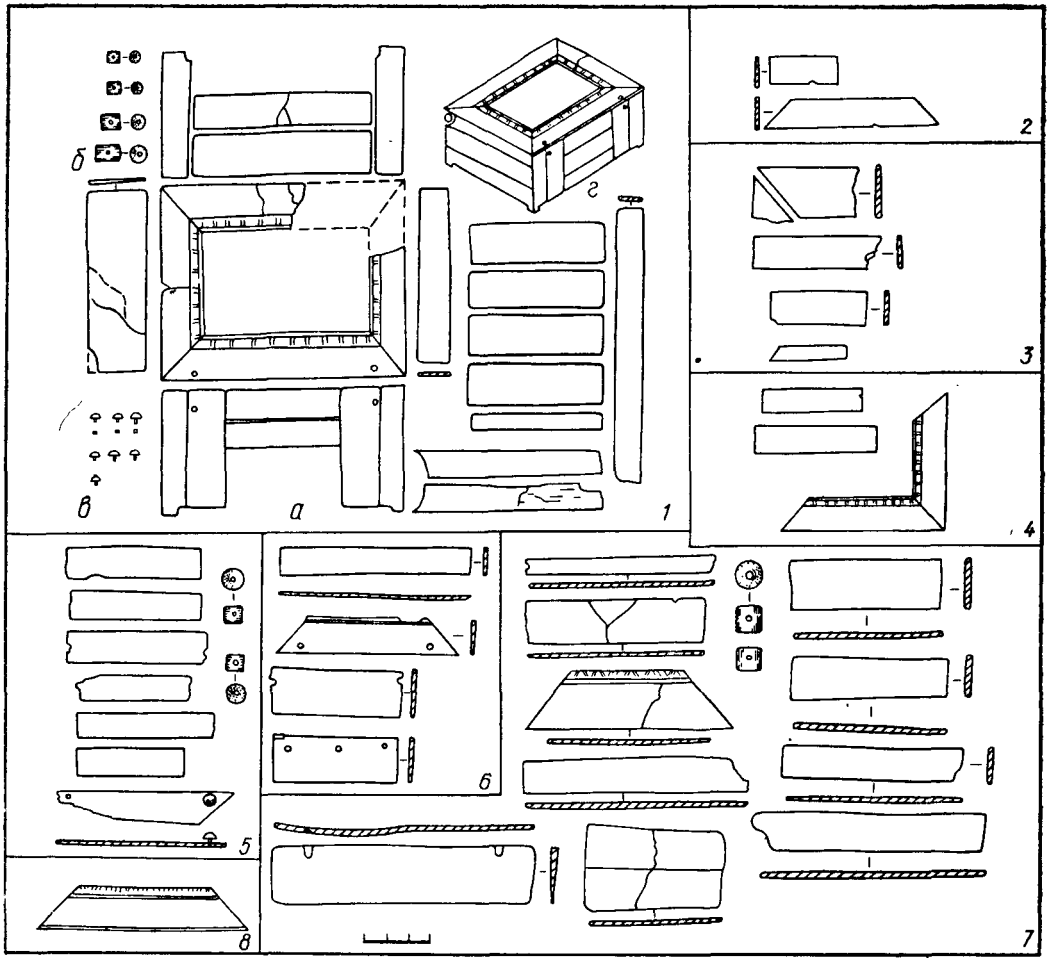


Рис. 4. Костяные детали ларцов:

1 — курган Огуз, Северная могила (*а, б, в* — детали, *г* — реконструкция); *2* — с. Ольговка, курган № 3, погребение № 3; *3* — с. Гюновка, курган № 14, Центральное погребение; *4* — с. Петровка, курган № 4, погребение № 2; *5* — с. Львово, курган № 11, погребение № 2; *6* — с. Владимировка, курган № 4, погребение № 1; *7* — с. Гюновка, курган № 11, погребение № 2; *8* — Сошников курган, погребение № 1.

Но о его несомненном наличии свидетельствуют находки костяных накладок и цилиндров с отверстиями.

Костяные украшения делятся на две группы. Первую — немногочисленную — составляют тончайшие гравированные антропоморфные изображения, вторую — фрагменты с растительными мотивами.

«Антропоморфная» часть обломков (20 штук) составляет всего 1,25 % общего количества. Эта немногочисленная группа изображений украшала, по-видимому, торцовую панель или какую-либо иную, но примечательную часть саркофага. Пластины выполнены из слоновой кости, тогда как почти все изображения «растительного мира» выполнены на пластинах из простой трубчатой кости. Это объясняется, видимо, тем, что для антропоморфных изображений требовалась бóльшая плоскость, которую могла дать лишь слоновая кость. Фрагменты пластин этой группы настолько малы и невыразительны, что говорить о сюжете композиции, да и о том, кто был изображен на них, затруднительно.

Среди пластин можно выделить следующие:

— два вырезанных по контуру фрагмента в форме ноги (?), среднюю часть украшает «лампас» в виде двух параллельных прочерченных линий, между

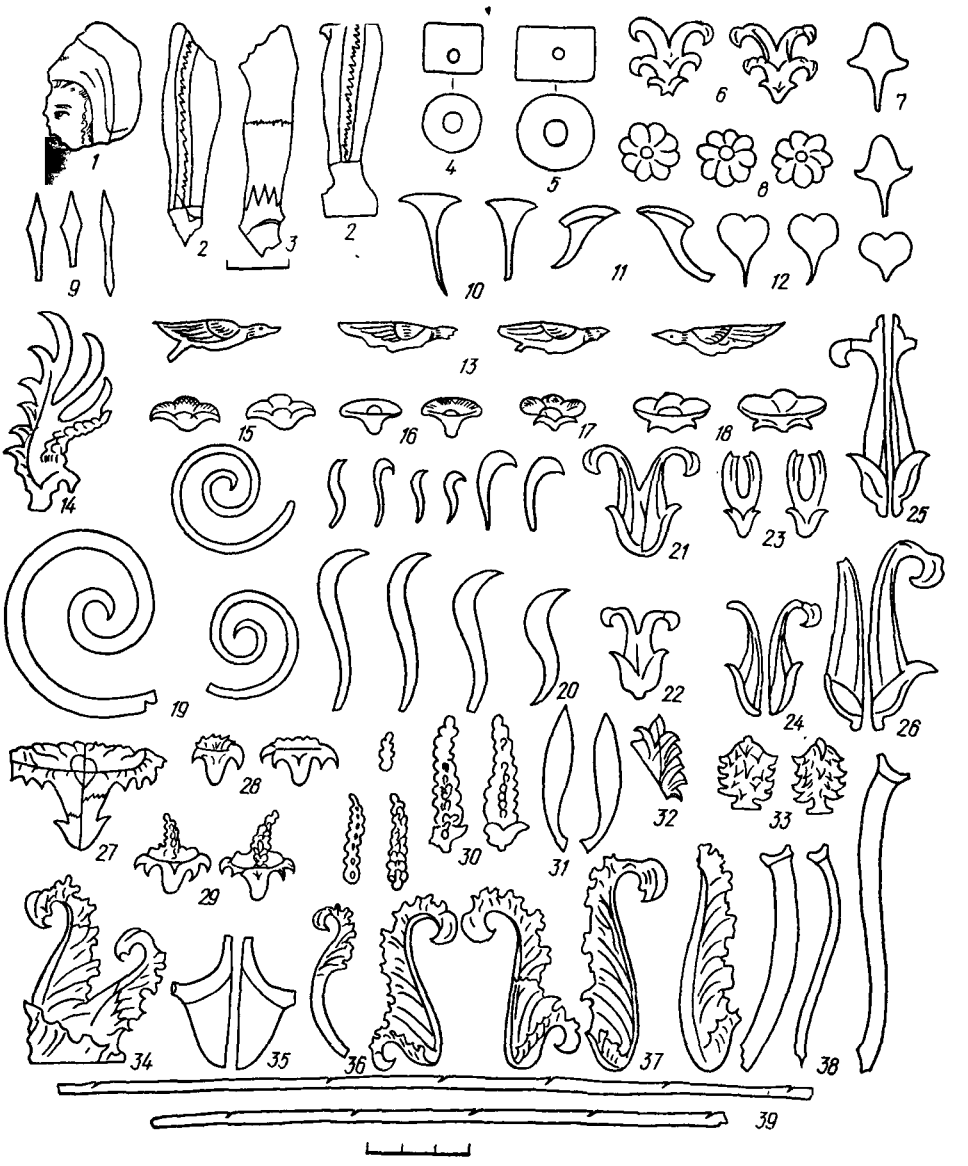


Рис. 5. Костяные украшения саркофага:
1—3 — антропоморфные изображения; *4—5* — шарниры; *6—39* — фрагменты с растительными мотивами (*6* — 12 экз.; *7* — 3 экз.; *8* — 11 экз.; *9* — 9 экз.; *10* — 5 экз.; *11* — 7 экз.; *12* — 13 экз.; *13* — 4 экз.; *14* — 3 экз.; *15* — 10 экз.; *16* — 9 экз.; *17* — 7 экз.; *18* — 5 экз.; *19* — 116 экз.; *20* — 76 экз.; *21* — 5 экз.; *22* — 4 экз.; *23* — 6 экз.; *24* — 3 экз.; *25* — 4 экз.; *26* — 6 экз.; *27* — 2 экз.; *28* — 4 экз.; *29* — 8 экз.; *30* — 15 экз.; *31* — 257 экз.; *32* — 1 экз.; *33* — 4 экз.; *34* — 2 экз.; *35* — 2 экз.; *36* — 4 экз.; *37* — 54 экз.; *38* — 60 экз.; *39* — 5 больших и 55 мелких).

которыми идет мелкий зигзаг. В районе щиколотки — поясок; изображения стопы нет, но пластина вырезана так, будто нога стоит на пальцах, подобно танцовщице из кургана Б. Близница; длина первого 4,7, второго 2,9, ширина их — 0,8 см; (рис. 5, *2*);

— два вырезанных по контуру фрагмента в виде руки (?) (рис. 5, *3*), вниз, чуть выше края рукава, орнамент в виде широкого зигзага, чуть ниже локтя — волнистая линия; изображения кисти не сохранилось; длина первого 3,5, второго 2,4, ширина 0,9 см;

— один фрагмент пластины с изображением женской головки в мягком головном уборе (рис. 5, *1*), сохранилась

Рис. 6. Изображения амазонок в вазовой живописи.

только левая верхняя часть лица с прочерченным изображением глаза и узкой полоски волос; эта пластина перекликается с вазой-статуэткой из Павловского кургана (Керчь), размеры ее 1,8×1,5 см;

— один фрагмент пластины с прочерченным рисунком, видимо, женской фигуры; сохранилась верхняя часть туловища (от шеи до талии) в легкой одежде со складками; размеры ее 4,4×2,5 см;

— фрагмент пластины, фигурно вырезанный по контуру, напоминает край развевающейся накидки (плаща) подобно изображению на бляшке с танцовщицами из Куль-Оба; размеры 2,8×1,8 см; — два фрагмента с прорезными линиями, вероятно, с изображением деталей одежды; размеры 2,4×1,3 и 2,1×1,8 см.

Остальные фрагменты либо слишком малы, либо расслоившаяся кость не сохранила изображений. Можно предположить, что пластины с антропоморфными изображениями были двух видов: человеческие фигурки небольших размеров, вырезанные по контуру (видимо, изображение скифов), и пластины более крупных размеров с выгравированными на них фигурами, которые представляли изображения сложного сюжета.

Более подробное рассмотрение деталей одежды на пластинах первого вида наталкивает на мысль, что здесь были изображены амазонки в характерных расшитых узорами костюмах. Аналогичные изображения амазонок чаще всего встречаются в вазовой живописи, как, например, на южно-италийской пелике из Рыбинского музея [21], на алабастре Псиакса и Гилина [22] (рис. 6, *1*), на чаше керамиста-художника Памфая из Британского музея в Лондоне [23] (рис. 6, *2*).

Пластинками с изображением человеческих фигур из слоновой кости был инкрустирован саркофаг в склепе № 3 кургана Большая Близница [24]. Среди них выделяются изображения крылатой богини в калафе. Аналогичные изображения были помещены на фронтонах саркофага 1868 г. из кургана по дороге в Тузлу (у станицы Таманской) [25], в последнем случае обращает на себя внимание изображение рук богини с кистями, переходящими в завитки. Фигурки, правда, несколько иного плана — Нереид и сражающихся воинов — и из дерева украшали Анапский саркофаг [26]. Прекрасные пластины с гравированными изображениями (суд Париса, похищение дочерей Ливкиппа Диоскурами) были найдены в погребении кургана Куль-Оба. Однако Н. И. Сокольский доказал, что они относятся не к самому саркофагу, а являются украшением клины (ложа), на котором лежала «царица» [27]. В этом же погребении были найдены еще несколько вырезанные по контуру фигуры сидящих женщин, вполне самостоятельные и не входящие, видимо, в детали украшения клины, однако определить их местоположение затруднительно [28]. Две костяные пластинки — одна с изображением Пана, вторая — Борея, похищающего Орифию, были найдены в 1913 г. на горе Митридат [29].

Пластинки второй группы образовывали на стенках деревянного саркофага сложный рисунок, набранный из основных 25 элементов (рис. 5, *6—39*). Среди них выделяются стебли растений, спирали, листья плюща, лепестки, лавровые и аканфовые листья, пальметки, цветы лотоса и арацеи, виноградные гроздья, розетки и т. д. В эту же группу отнесены пластинки в виде птиц и длинные, узкие, прямоугольные в се-

чении пластины с насечками, нанесенными через определенные промежутки.

Какие части саркофага были украшены растительными мотивами, можно только предполагать, хотя здесь же следует заметить, что, судя по значительному количеству пластин и разнообразию орнаментальных элементов, этот «рисунок» должен был занимать довольно большую площадь.

Возможно, растительными мотивами была украшена филёнка (средняя углубленная часть) продольной стенки, подобно Таманскому мраморному саркофагу [30] или деревянному саркофагу, открытому в 1867 г. под Керчью на Глинище [31], возможно, вся продольная стенка, подобно саркофагу из Павловского кургана [32], возможно, стойки наподобие украшений Анапского саркофага, возможно, фронтон, если крышка была двускатна, как у саркофага из коллекции А. С. Уварова [33], или рельсфы подобно саркофагу из Змеиного кургана [34]. Таким образом, вариантов украшений различных деталей растительным орнаментом немало, особенно учитывая возможность их сочетания, остановиться же на чем-то конкретно, говоря об Огузском саркофаге, мы не можем.

К сожалению, приходится догадываться и о ритмической последовательности и тем более о цельной картине орнамента. Однако обломки, в которых различаются стебли растений, ломаные линии, лепестки, пальметки, лавровые и аканфовые листья, цветы, розетки, птицы и т. д., наталкивают на мысль о широко распространенном сюжете мирового дерева, трактованном античным мастером. Изобразительные детали сходны с деталями и мотивами среднего фриза пекторали из Толстой могилы, нижней части Чертомлыцкой вазы и нижней части Чертомлыцкого горита. В первых двух случаях растительный орнамент, характерный для произведений греческого искусства, оживлен изображениями птиц [35]. Подобный прием нередко встречается в античной архитектуре и в торевтике [36]. На нижнем фризе Чертомлыцкой вазы изображены пары противостоящих перед пальметками птиц — подобный сюжет двух птиц у мирового дерева знаком одинаково хорошо и грекам, и скифам. Это изображение являлось символом богини-матери, плодородия и вечности жизни [37].

К деталям саркофага следует отнести и пять костяных цилиндров с широким сквозным и меньшим боковым отверстиями. Они отличаются по размерам: три цилиндра диаметр 2,3, длина 1,65, диаметры сквозного отверстия 1, бокового 0,5 см; два цилиндра диаметр 1,7, длина 1,5, диаметры сквозного отверстия 0,8, бокового — 0,4 см.

Эти цилиндры являлись шарнирами, на которых крепилась крышка саркофага. Шарнирная система, появившаяся в античную эпоху как конструктивная особенность сундука, позднее перешла и в саркофаги [38]. На системе шарниров крепились как плоские (по краю), так и двускатные (по коньку) крышки. Но иногда шарниры использовались в качестве декоративного элемента, как, например, у некоторых абусирских саркофагов, где они шли не только по коньку, но и по краям крышки [39]. Как правило, шарниры вытачивались на токарном станке из дерева, боковое отверстие, в которое вставлялся шип для крепления в доску саркофага, имело прямоугольную форму. Шарниры из Огуза несколько отличаются от известных ранее, во-первых, материалом, из которого они сделаны (кость), во-вторых, размерами — они значительно меньше, в-третьих, боковое отверстие у них круглое (это, вероятно, следует объяснить трудностями, связанными с обработкой кости). Остается непонятным и то обстоятельство, что шарниры разнятся размерами. Возможно, шарниры меньшего размера принадлежат какой-то большой шкатулке-ларю.

Помимо костяных пластин и цилиндров, на существование саркофага указывают отпечатки голубой и красной краски на полу погребальной камеры. В орнаментации саркофагов довольно часты сочетания росписи и аппликации или интарсии. Филенку саркофага обычно красили красной краской, создавая, таким образом, фон для фигурных украшений.

Кроме того, по всему грабительскому ходу погребения встречено много маленьких кусочков золотой фольги. Возможно, они тоже происходят от сарко-

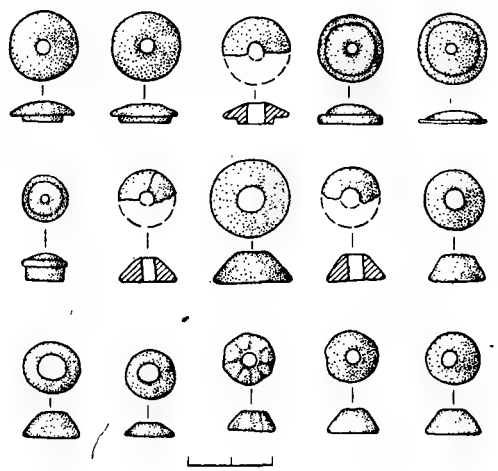


Рис. 7. Костяные изделия типа ворварок.

фага, поскольку для отделки и украшения саркофагов V—III вв. до н. э. широко применялась позолота вырезанных из дерева фигурок [40].

Вполне возможно, что при ограблении саркофаг или части его были вынесены, костяная аппликация и рельефные украшения осыпались (античный клей как правило не выдерживал испытания временем), иначе затруднительно объяснить наличие массы мелких орнаментальных деталей и полное отсутствие признаков крупных частей саркофага.

К ближайшим аналогам нашему саркофагу по технике обработки кости и сложности орнаментации можно отнести саркофаги из кургана № 5 группы Юз-Оба, из склепа 3 Б. Близницы, Павловского кургана, с некоторой оговоркой — из кургана Куль-Обы, из Змеиного кургана, из каменного склепа у Анапы. Для Ольвийских саркофагов тоже характерна костяная инкрустация [41], но она гораздо скромнее той, что украшала боспорские саркофаги.

Все эти саркофаги относятся, как правило, ко второй половине — концу IV в. до н. э. (кроме Анапского саркофага, который датируется III в. до н. э.).

На территории Нижнего Поднепровья, помимо Огузского, саркофаги или следы их были встречены в Гайимановой могиле [42], кургане № 9 у с. Марьевка [43], в Толстой Могиле [44], следы досок от саркофага с росписью были зафиксированы также в Чертомлыцком [45], Мелитопольском [46] курганах, в кургане Вишневая Могила [47]. Эти находки подтверждают мнение Н. И. Сокольского о том, что представители скифской знати применяли подобные саркофаги [48]. Находка боспорского саркофага в погребении представителя скифской социальной верхушки свидетельствует о процессе интенсивной эллинизации скифской знати и тесных связях ее с Боспорским царством в конце IV в. до н. э.

В отдельную категорию следует выделить костяные предметы типа ворварок (рис. 7). В Северной могиле кургана Огуз их найдено 28 штук (три из них во фрагментах).

Учитывая форму и размеры их можно разделить на три группы.

I. Большие, в форме усеченного конуса,— семь штук.

II. Меньшие, в форме усеченного конуса,— 10 целых и две половинки (см. таблицу).

III. Сложнопрофилированные — девять штук:

3+1/2 — сегментовидной формы с небольшой конической «ножкой» — из них две диаметром 1,6, диаметр отверстия 0,4, высота 0,5, диаметр основания 1, высота основания 0,1 см;

1+1/2 — диаметр 1,5, диаметр отверстия 0,4, высота 0,5, диаметр основания 1, высота основания 0,1 см:

3 — сегментовидные с уплощенным ободком, диаметр 1,5, диаметр отвер-

Костяные изделия в форме усеченного конуса

Группа	Количество, шт.	Диаметр, см	Диаметр отверстия, см	Высота, см
I	2	1,9	0,6	0,6
	2	1,45	0,6	0,6
	3	1,5	0,4	0,5—0,6
II	2	1,3	0,35	0,5
	1	1,3	0,45	0,5
	1, 1/2	1,3	0,4	0,6
	1	1,3	0,6	0,6
	1	1,4×1,1	0,4	0,5
	1	1,26×1,1	0,5	0,3
	1	0,65×1,3	0,5	0,5
	1	1,1	0,3	0,5
	3 по 1/2	1,4	0,4	0,5

стия 0,2—0,35, высота ободка 0,2—0,5 см;

2 — невысокие цилиндры с «грибовидной шляпкой» с ободком: диаметр шляпки 1, диаметр отверстия 0,2, высота 0,6—0,7 см.

Поверхность их хорошо заполирована, нижнее основание плоское.

При интерпретации этих находок смущают три обстоятельства; во-первых, количество их в одном погребении, во-вторых, то, что они были, видимо, парными, в-третьих, форма (особенно предметов, относящихся к третьей группе). Поэтому пока их, очевидно, следует относить к разряду предметов неизвестного назначения.

Комплекс костяных изделий из Северной могилы кургана Огуз следует рассматривать как вещи античного производства. Это: а) детали веретена греческого типа; б) туалетная лопаточка явно греческого происхождения; в) ларец (во многом повторяет изображения на краснофигурных греческих вазах); г) вырезанные по контуру и гравированные пластины, украшавшие стенки саркофага (широко известны в некрополях Боспора, а также Ольвии). Костяные изделия, как и весь погребальный инвентарь, указывают на то, что Северная могила являлась усыпальницей женщины, принадлежавшей высшей родоплеменной прослойке скифского общества, подверженной процессу интенсивной эллинизации в конце IV в. до н. э.

[1] *Болтрик Ю. В.* Исследование кургана Огуз // АО 1980 г.— М., 1981.— С. 233.

[2] *Радзієвська В. Є.* Техніка прядіння у населення лісостепової Скіфії // Археологія.— 1979.— № 32.— С. 19.

[3] *Яковенко Е. В.* Скіфи Східного Криму в V—III ст. до н. е.— К., 1974.— С. 88.

[4] *Шрамко Б. А.* Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— Киев, 1965.— С. 29.

[5] *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности.— Киев, 1973.— С. 154.— Рис. 37, *5*.

[6] *Мозолевский Б. Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Там же.— С. 231.— Рис. 37, *15*.

[7] *Бессонова С. С.* Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана // Там же.— С. 251.— Рис. 7, *3*.

[8] *Чередниченко Н. Н.* Отчет о раскопках Бердянского кургана 1977—78 гг. // НА ИА АН УССР.— Инв. № 1977—78/9[а].— С. 37.

[9] ДГС.— Спб., 1866.— Вып. 1.— Табл. XI, 19.

[10] НА ИА АН УССР.— Инв. № 1977/23.— Альбом № 1. Табл. XVII.

[11] *Тереножкин А. И., Кубышев А. И., Ильинская В. А.* и др. Отчет о работе ХАЭ в 1973 г. // Там же.— Инв. № 1973/10. Табл. XXII.

[12] *Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Шилов Ю. А.* и др. Отчет о работе ХАЭ в 1980 г. // Там же.— С. 63.

[13] Там же.— С. 156.

[14] *Тереножкин А. И.* Скифский курган в г. Мелитополе // КСИА.— 1955.— Вып. 5.— С. 26.

[15] Там же.

[16] *Яковенко Е. В.* «Скіпетр цариці» з Куль-Оби // Археологія.— 1973.— № 11.— С. 42.

[17] *A dictionary* of Ancient Greek civilization.— London, 1970.— P. 488.

[18] ДБК.— Спб., 1854.— Т. 1.— Табл. XXXI, 9.— С. 214.

[19] *Шкорпил В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. // ИАК.— 1911.— Вып. 40.— С. 76.

[20] *Фиалко Е. Е., Болтрик Ю. В.* Ларец из кургана Огуз // СА., 1986, С. 241—247.

[21] *Лихачева Д. М.* Южно-италийская пелика Рыбинского музея // СА.— 1966.— № 2.— С. 302.

[22] *Штерн Э. Р.* Алабастр Псиакса и Гилипа // ЗООИД.— 1894.— Т. 17.— С. 47.

[23] Там же.— С. 58.

[24] *ОАК* за 1865 г.— Спб., 1866.— С. IV—V.

[25] *ОАК* за 1868 г.— Спб., 1870.— С. X—XI; ОАК за 1869 г.— Спб. 1871.— С. 178.

[26] *ОАК* за 1882—1888 г.— Спб., 1891.— С. XXII; Прил.,— С. 47—73.

[27] *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ—ГІ—17.— М., 1969.— С. 27.

[28] *Передольская А. А.* Слоновая кость из кургана Куль-Оба // Тр. Отд. антич. мира Гос. Эрмитажа.— 1945.— Т. 1.— С. 76.

[29] *ОАК* за 1913 г.— ПГ, 1918.— рис. 140.

[30] *Гриневич К. Э.* Мраморный Таманский саркофаг // ТСА РАНИОН.— 1928.— Т. 4.— С. 171 и сл.; *Пятышева Н. В.* Таманский саркофаг // Тр. ГИМ.— 1949.— Вып. 2.— С. 9.— Табл. I.

[31] *ОАК* за 1867 г.— Спб., 1869.— С. XIV—XV.

[32] *ОАК* за 1859 г.— Спб., 1862.— Прил.— С. 10, 29.

[33] *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги...— С. 26.

[34] *Ашик А. Б.* Боспорское царство.— Одесса, 1848.— Т. 2.— С. 42.

[35] *Манцевич А. П.* К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ.— 1949.— № 2.— С. 199—200.

[36] *Манцевич А. П.* Чертомлыкская ваза и пектораль из Толстой Могилы // Pulpudeva Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace.— Plovdiv, 1974, 4—19 oct. 1.— P. 90.

[37] *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА.— 1976.— № 3.— С. 70—71.

[38] *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги...— С. 46.

[39] Там же; *Watzinger C.* Griechishe Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen.— Leipzig, 1905.— S. 24; N 1.— S. 32, N 8.

[40] Там же.— С. 4.

[41] *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК.— Спб., 1903.— Вып. 8.— С. 66; *ОАК* за 1894 г.— Спб., 1896.— С. 101 (могила № 10); *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени.— Киев, 1974.— С. 57.— Рис. 65.

[42] *Бідзіля В. І.* Дослідження Гайманової Могили // Археологія.— 1971.— № 1.— С. 46.

[43] *Чередниченко Н. Н., Болдин Я. И., Бунятян Е. П. и др.* Отчет Верхне-Тарасовской экспедиции за 1976 г. // НА ИА АН УССР.— Инв. № 1976/2.— С. 32, 35—39.

[44] *Мозолевський Б. М.* Товста Могила.— К., 1979.— С. 110.

[45] *ОАК* за 1863 г.— Спб., 1864.— С. V.

[46] *Тереножкин А. И.* Скифский курган...— С. 23—24.

[47] *Отрощенко В. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В. и др.* Отчет Запорожской археологической экспедиции за 1976 г. // НА ИА АН УССР.— Инв. № 1976/6.— С. 80—81.

[48] *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги...— С. 43.

А. В. Симоненко

О СЕМАНТИКЕ СРЕДНЕГО ФРИЗА ЧЕРТОМЛЫЦКОЙ АМФОРЫ

Чертомлыцкая амфора стоит в одном ряду с известнейшими произведениями торевтики из богатых скифских курганов: сосудами из Куль-Обы, Частых курганов, Гаймановой могилы, гребнем из Солохи и пекторалью из Толстой могилы, на которых изображены скифы в стиле «этнографического реализма», по удачному выражению М. И. Ростовцева. К трактовке изображений на ней неоднократно обращались исследователи. Этой теме посвящены работы Л. Стефани [1], И. Толстого и Н. Кондакова [2], Е. Е. Кузьминой [3], С. С. Бессоновой [4], Д. А. Мачинского [5], Д. С. Раевского [6], Э. Фаркаш [7]. Большинство исследователей видели в изображениях на амфоре иллюстрации скифских идеологических и мифологических представлений.

В настоящей работе рассматривается средний фриз, т. к. он занимает центральное место в системе ее орнаментации и вполне заслуженно привлекал основное внимание исследователей. Именно его семантика до сих пор служит предметом оживленных дискуссий.

Л. Стефани наряду с нарративным характером изображений на среднем фризе допускал, что он является иллюстрацией к известному мифу о «Царском инцесте», приводимому Филоном Александрийским [8], и первым высказался в пользу того, что эта сцена не является чисто бытовой. Наибольшее развитие эта точка зрения получила в работах Д. С. Раевского, Е. Е. Кузьминой и Д. А. Мачинского. Однако, прийдя к единому выводу о сакральном характере изображений на среднем фризе, эти исследователи по-разному подходят к толкованию его деталей и смысловой нагрузки.

При анализе фриза обращает на себя внимание разница в изображениях лошадей. С точки зрения иппологии эта разница наиболее детально исследована Л. Стефани, В. О. Виттом [9] и В. Б. Ковалевской [10]. Они совершенно справедливо отмечают наличие на фризе изображений двух разных типов лошадей: коротконогой, с грубой головой и шеей — степной и более породной — верхового склада. В. О. Витт отметил еще одну деталь, которая и послужила в некоторой мере отправной точкой настоящего исследования — часть лошадей изображена с длинными гривами, а часть — со стриженными [11]. В своей работе В. О. Витт убедительно показал, что племена скифского культурно-этнического круга имели обычай стричь верховым лошадям гривы и дал этому объяснение [12].

Обратившись к известным в науке изображениям скифских всадников (бляшки и наконечники гривны из Куль-Обы, гребень и чаша из Солохи, ножны мечей из Чертомлыка и Елизаветинского кургана), видим, что во всех случаях верховые лошади изображены со стриженой гривой. С другой стороны, там, где изображены лошади без

всадников (пектораль из Толстой Могилы), все они имеют пышную гриву. Эта разница отмечена и Д. С. Раевским [13]. Без сомнения, изображением стриженой либо нестриженой гривы художники хотели подчеркнуть назначение лошади — верховая эта лошадь или нет. Обычай стричь гривы верховым лошадям сохранялся у кочевников-коневодов до недавнего прошлого. Так, С. И. Вайнштейн пишет, что у тувинцев гриву первый раз стригли годовалому жеребенку, а затем каждый год весной. Лишь табунным неукам грив не стригли [14]. Археологическим подтверждением древности этого обычая является наличие в Пазырыкских курганах и стриженных, и нестриженных лошадей, причем первые — всегда, по выражению В. О. Витта, «кони собственного седла», т. е. верховые лошади покойного, а вторые, количественно преобладающие,— принесенные в жертву неуки [15].

Таким образом, разница в изображениях лошадей на амфоре имеет целью подчеркнуть разницу в их использовании или положении. Автор четко делит изображаемых животных на неуков и объезженных под седло. Более того, то, что лошади с нестриженными гривами — неуки, подчеркнуто сценой их поимки [16].

На фризе, как верно отметил Д. А. Мачинский, изображена схема «жизнь и назначение скифской лошади» [17]. Мысль о том, что сцена на фризе изображает поимку коней для ритуального жертвоприношения, была высказана Е. Е. Кузьминой [18]. Однако она убедительно показывает, что и в индоиранской культовой практике вообще и в скифской в частности в жертву приносились только жеребцы [19]. Это доказывают и остеологические материалы из Пазырыка, Аржана, Толстой Могилы [20]. Но на амфоре именно та лошадь, которая более всего похожа на приносимую в жертву (сцена в центральной части лицевой стороны), изображена без половых признаков, в то время как все остальные — с выраженными половыми признаками самца. Следовательно, либо художник по небрежности не подчеркнул пол этого животного (что почти невероятно, учитывая точность и деталировку остальных изображений), либо на фризе изображается не жертвоприношение. Скорее всего, прав Д. С. Раевский, который объясняет отсутствие изображения гениталий у этого коня его позой [21]. Задние ноги животного так сильно подведены, что половые признаки самца изобразить просто невозможно. Нужно сказать, что у большинства кочевых народов кобыл использовали исключительно для воспроизводства, получения мяса и кумыса, а в езду употребляли меринов, реже жеребцов. Такие данные имеются для тувинцев, монголов, бурят, калмыков, казахов, алтайцев, киргизов [22]. Лишь в беднейших хозяйствах в езду брали и кобыл [23]. Конечно, это положение обусловлено прежде всего физическими преимуществами жеребцов, и особенно меринов.

Как обстояло дело у скифов, мы, разумеется, точно сказать не можем. Но логично предположить наличие такой же практики и у них, ведь в принципе скифское степное коневодство не могло слишком отличаться от коневодства перечисленных народов. Некоторым подтверждением этому предположению может служить упомянутое выше предпочтение, отдаваемое жеребцам при жертвоприношении (хотя главные причины этого, конечно, идеологического порядка). Во всяком случае, единственное изображение кобылы в скифском искусстве (пектораль из Толстой Могилы) никак не связано с верховой ездой. Наоборот, изображение жеребенка подчеркивает роль кобылы в хозяйстве прежде всего как матки. Таким образом, изображенная в центре передней части фриза лошадь — скорее всего самец, но поза ее изобразить гениталии не позволяет.

Существует несколько версий о порядке прочтения, а следовательно, и о сюжете фриза. Д. А. Мачинский считает, что фриз читается симметрично в обе стороны, но он видит начало действия на оборотной стороне [24]. Такого же мнения и Д. С. Раевский [25].

В настоящей работе предлагается другой вариант чтения фриза, подсказанный как трактовкой его сюжета, так и формой самой амфоры. Совершенно очевидно, что фриз делится на две части — заднюю и переднюю. Автор пред-

полагает, что части фриза читаются не в какой-то очередности, а должны восприниматься в целом, как и попадают в поле зрения — как задняя, так и передняя. Очередность прочтения соблюдается уже внутри частей. На задней части фриза даны две контрастные группы — спокойно пасущиеся о с т р и ж е н н ы е кони (разрядка моя.— *А. С.*) и ловля арканами неуков. Таким образом, автор фриза как бы подчеркивал основные моменты в жизни лошади — до и после приручения. Причем очередность прочтения здесь может быть двоякой — от неуков к объезженным лошадям и наоборот; смысл сцены от этого не меняется. Итак, на задней части фриза символизируются два основных состояния лошади по отношению к человеку: дикое и прирученное.

Передняя часть фриза, естественно, более насыщена. В ней дается как бы расширенная трактовка самых общих и ключевых состояний в жизни лошади, которые сообщены зрителю задней части фриза. Чтение этой части предполагается слева направо.

Слева — скиф с конем, которого он держит за повод и запястье левой передней ноги. Л. Стефани считал, что скиф поднял ногу лошади, чтобы заставить ее стоять спокойно [26]. Действительно, в практике коневодства этот прием применяется (чаще всего, когда лошадь беспокоится и чувствует боль, например, при лечении). Но в таком случае ногу лошади крепко держат за путовый сустав, у венчика копыта, т. к. она постоянно пытается ее вырвать. Сомнительно, чтобы автор изображения не знал этого. Д. А. Мачинский предположил, что скиф хочет заставить коня лечь [27], что ближе к истине.

Эта сцена изображает очередной этап работы с лошадью — посадку. Всадник совершенно так, как этого требуют правила, набрал повод, отвернув голову коня вправо, чтобы он при посадке не мог укусить его. Похлопывая коня по ноге (этот прием отрабатывается именно так), он заставляет лошадь опуститься на запястья, что значительно облегчает посадку. Интересно, что отрабатывать такой прием советовал в своем трактате Ксенофонт: «Недурно, если конюший, подавая коня, научит его преклоняться, дабы легче было вскочить на него» [28]. Без сомнения, скифы, будучи прирожденными конниками, знали и использовали этот прием, особенно в тяжелом вооружении. И в этом плане наблюдательность и компетентность художника как всадника сослужила нам большую службу. Еще одна деталь, подтверждающая такую характеристику автора фриза,— это изображение пряди гривы на холке, в то время как вся остальная грива острижена. Такой клочок гривы оставляется, чтобы браться за него при посадке (как это делается и сейчас). В. О. Витт зафиксировал это на пазырыкских лошадях [29].

Естественно, опускаться на запястья (то, что Ксенофонт называет «преклоняться») обучали не неука в процессе заездки, а уже объезженную верховую лошадь. Таким образом, обнаруживается связь между задней и передней частями фриза. Продемонстрировав на задней части два противоположных состояния лошади, автор фриза уже не возвращается к ним, продолжая знакомить зрителя со следующими приемами скифских всадников. Постановка лошади на запястья — движение искусственное, лошадям в естественном состоянии не свойственное и не нравящееся им. Изображение его поэтому как бы символизирует искусство скифов в обращении с конем. Как отдаленную, но все же аналогию такого художественного приема можно привести современные эмблемы конного спорта. Как правило, они изображают наиболее трудные, но эффектные упражнения — пиаффе в выездке или прыжок через высокое препятствие. Не исключено поэтому, что такой, выражаясь современным языком, цирковой трюк, как постановка на запястья, является для художника — автора фриза — как бы квинтэссенцией скифского всаднического мастерства.

Следующая сцена всегда вызывала у исследователей наибольший интерес и всегда являлась наиболее дискуссионной. Е. Е. Кузьмина, Д. А. Мачинский, Д. С. Раевский единодушно считают ее сценой жертвоприношения [30], первые двое — исходя из своей трактовки сюжета в целом, а Д. С. Раевский — из

смысловой нагрузки сцены. Рассмотрим эту группу изображений.

Три скифа натягивают арканы, о первоначальном расположении которых существуют различные мнения. Л. Стефани считал, что один из скифов, стоящих перед лошадью, поднимает вверх ее правую переднюю ногу, а двое других держат задние. Он же предложил второй вариант — один из впереди стоящих удерживает обе задние ноги, а двое других — правую и левую передние. Д. А. Мачинский предположил, что один из стоящих впереди и стоящий позади скифы держат передние ноги лошади, а третий скиф затягивает на ее шее аркан. Надо сказать, что практикой коневодства доказано, что для того, чтобы лишить лошадь подвижности, нужно блокировать прежде всего задние ноги (это не относится к спутыванию на пастбище). Кроме того, свободные задние ноги представляют главную опасность для человека, борящегося с лошадью. Поднятие же передней ноги вверх, как это предположили Л. Стефани и Д. А. Мачинский, требует больших непроизводительных усилий и ни к чему, кроме вывиха плечевого сустава лошади, не приведет.

Без сомнения, художник — автор фриза — разбирался в тонкостях обращения с лошадью (что видно из точности изображений) и вряд ли допустил бы такие явные с точки зрения конника казусы. Поэтому можно предположить, что стоящие впереди лошади скифы арканами оттягивают ее задние ноги, а стоящие позади — левую переднюю. Эта позиция приведет к полной неподвижности животного, а при одновременном усилии людей — к его падению. Именно этого изображенные скифы и добиваются.

В практике коневодства повал животного применяется главным образом для кастрации и тавренья, а также при лечении некоторых травм. В Туве, кроме того, валили неуков, чтобы впервые взнуздать [31]. Кастрация домашних животных и лошадей в частности — один из важнейших приемов скотоводства. Этот древнейший обычай, связанный со многими традициями [32],— одна из первых форм селекции, одно из условий правильного и в нужном типе воспроизводства поголовья, а значит,— укрепления материального благополучия кочевников.

О применении скифами и сарматами кастрации сообщает Страбон [33]. Большинство азиатских народов использовали в езду почти исключительно меринов [34]. В Пазырыкских курганах кони «собственного седла» вождя были именно меринами [35]. Таким образом, кастрация у кочевых скотоводов — ответственный момент в работе с лошадью, имевший важные последствия и сопровождающийся в силу этого различными обрядами.

Возвращаясь к композиции на амфоре, мы подходим к определению роли в ней четвертого скифа, стоящего рядом с лошадью, которую трое остальных хотят повалить. Необычность его изображения (обнаженная правая сторона торса, отсутствие обуви) наталкивает на мысль о сакральности действия, которое он будет производить [36]. Е. Е. Кузьмина, Д. А. Мачинский и Д. С. Раевский убеждены, что это будет жертвоприношение. В эту хорошо аргументированную концепцию несколько не укладываются следующие обстоятельства. Во-первых, явное продолжение сюжета в виде третьей сцены передней стороны фриза — скифа, спутывающего коня (к этому автор вернется ниже). Далее, чтобы убить лошадь, не обязательно валить ее на землю (что совершенно необходимо при кастрации). Следует также отметить, что верховые лошади (а то, что рассматриваемая лошадь именно верховая, свидетельствует ее остриженная грива), приносившиеся в жертву, были всегда взнузданы, а иногда и оседланы [37]. Учитывая приведенные данные о значении, придаваемом кастрации кочевниками, вполне возможно, что у скифов она сопровождалась всевозможными ритуалами и, в частности, могла рассматриваться как жертвоприношение покровителю коневодства — Тагимасаду.

Приведенные соображения хорошо иллюстрирует последняя сцена передней части фриза. Здесь представлена заключительная фаза отношений человека и лошади. Лошадь уже объезжена, она служит для верховой езды (что подчеркнуто стриженной гривой и сед-

лом) и всадник, спешившись, спутывает ей ноги. Примечательно, что в отличие от жеребца, представленного в начале передней части фриза, здесь, судя по изображению, мерин.

Таким образом, на средней части фриза амфоры символически изображено важнейшее занятие скифов, дающее им средства к жизни — коневодство. Тогда и помещение в центре нижнего фриза крылатого коня — инкарнации Тагимасада [38] — вполне оправдано, поскольку одной из функций его было покровительство коневодству [39]. В нашем распоряжении нет источников, подтверждающих существование у скифов празднеств или ритуалов в честь Тагимасада. Думается, что у коневодов обязательно должны были быть таковые. Вполне вероятно, что рассматриваемая амфора была изготовлена для использования на таком празднестве и также посвящалась Тагимасаду. Полисемантичность и многофункциональность скифских божеств обусловили трехчастность ее композиции и помещение на ней традиционных для культовых вещей мотивов звериных терзаний.

[1] *Стефани Л.* Описание некоторых вещей, найденных в 1863 году в Южной России // ОАК за 1864 г.— Спб., 1865.— С. 15—19.

[2] *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства.— Спб., 1889.— Вып. 2.— С. 137—139.

[3] *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на Чертомлыкской вазе // СА.— 1976.— № 3.— С. 68—75.

[4] *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов.— Киев, 1983.— С. 52.

[5] *Мачинский Д. А.* О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии.— Л., 1978.— Вып. 2.— С. 232—240.

[6] *Раевский Д. С.* Об интерпретации памятников скифского искусства // Народы Азии и Африки.— 1979.— № 1.— С. 70.

[7] *FarKas A.* Interpreting Scythian Art: East and West // Artibus Asiae.— Ascona, 1977.— Vol. 39, N 2.— P. 17—28.

[8] *Стефани Л.* Указ. соч.— С. 15—16.

[9] *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА.— Т. 16.— С. 152.

[10] *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник.— М., 1977.— С. 113.

[11] *Витт В. О.* Указ. соч.— С. 198.

[12] Там же.— С. 198.

[13] *Раевский Д. С.* Указ. соч.— С. 79.

[14] *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев.— М., 1972.— С. 34.

[15] *Витт В. О.* Указ. соч.— С. 198.

[16] *Раевский Д. С.* Указ. соч.— С. 79.

[17] *Мачинский Д. А.* Указ. соч.— С. 234.

[18] *Кузьмина Е. Е.* Указ. соч.— С. 72.

[19] *Бибикова В. И.* К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА.— 1973.— № 4.— С. 63, 64.

[20] Там же.— С. 73.

[21] *Раевский Д. С.* Указ. соч.— С. 138.

[22] *Вайнштейн С. И.* Указ. соч.— С. 138.

[23] Там же.— С. 137.

[24] *Мачинский Д. А.* Указ. соч.— С. 234.

[25] *Раевский Д. С.* Указ. соч.— С. 78.

[26] *Стефани Л.* Указ. соч.— С. 18.

[27] *Мачинский Д. А.* Указ. соч.— С. 234.

[28] *Ксенофонт.* О коннице.— Спб., 1874.— С. 11.

[29] *Витт В. О.* Указ. соч.— С. 168.

[30] *Кузьмина Е. Е.* Указ. соч.— С. 72; *Мачинский Д. А.* Указ. соч.— С. 237—238; *Раевский Д. С.* Указ. соч.— С. 79.

[31] *Вайнштейн С. И.* Указ. соч.— С. 31.

[32] Там же.— С. 33.

[33] *Страбон.* VII, 4, 8.

[34] *Вайнштейн С. И.* Указ. соч.— С. 138.

[35] *Витт В. О.* Указ. соч.— С. 184.

[36] *Мозолевский Б. М.* Товста Могила.— К., 1979.— С. 224.

[37] Там же.— С. 161.

[38] *Мачинский Д. А.* Указ. соч.— С. 238.

[39] Там же.— С. 238.

В. А. Рябова

ДВУРУЧНЫЕ ЧАШИ ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

Среди деревянных и металлических сосудов из скифских курганов значительный интерес представляет группа чаш с двумя сегментовидными ручками. Этому типу сосудов исследователи-скифологи неоднократно уделяли внимание, но в основном как источнику для изучения и реконструкции скифской мифологии. Именно поэтому наиболее известны серебряные сосуды из Солохи, Чмырева кургана, Гаймановой Могилы, на которых представлены композиции, связанные с религиозным мировоззрением скифов. Разумеется, художественные достоинства этих сосудов, их религиозная и социальная символика представляют значительный интерес. Однако, на наш взгляд, необходим анализ всей группы однотипных сосудов, известных в настоящее время. Это

позволит проследить их вероятные истоки, генезис, технику изготовления, определить время бытования и ареал распространения.

Прежде всего хотелось бы отметить, что двуручные сосуды наряду с деревянными чашами, украшенными обивками, круглотелыми серебряными кубками, ритонами общепризнаны культовыми сосудами. Они имеют небольшой «ручной» размер, округлую форму, горло их не выделено либо слегка сужается к краю сосуда. Отличительной же деталью, объединяющей все сосуды этой группы, являются сегментовидные ручки, симметрично расположенные под венчиком. Оригинальная форма подобных сосудов не имеет у исследователей единого названия. Н. И. Веселовский назвал эту форму миской [1], А. П. Манцевич — кубком [2], Н. А. Онайко — вазой [3], Д. М. Раевский — чашей [4]. Другие исследователи, которые в той или иной мере касались изучения сосудов с двумя ручками, употребляли одно из четырех представленных названий формы.

Рассмотрев все имеющиеся экземпляры сосудов с двумя ручками, мы полагаем, что ни один из них по форме не соответствует ни мискам, ни вазам. Несомненно, чашами по форме являются сосуды из Солохи, Гайматовой Могилы, Чмырева кургана — это открытые полусферические сосуды, венчик которых не выделен и не профилирован. Незначительно сужаются кверху и имеют слегка выделенный венчик деревянные двуручные сосуды из Мордвиновского кургана, Булгаково, Частых курганов, Александрополя, но их форма далека от формы сосудов из скифских курганов, которые в литературе получили название кубков — по аналогии со сходными по форме глиняными сосудами предскифского времени (шаровидные сосуды с узким цилиндрическим горлом и расширенным венчиком) [5].

Итак, наиболее приемлемое название формы сосудов исследуемой группы — двуручные чаши. Этот оригинальный тип культовых сосудов, найденных исключительно на территории Скифии, является неотъемлемой частью скифской материальной культуры.

Большинство исследователей, которые обращались к изучению двуручных чаш, полагают, что форма их чисто скифская. Так Н. А. Онайко отмечала, что эти сосуды не находят близких аналогов в средиземноморской посуде, а являются подражанием образцам, хорошо известным в быту местных, северопричерноморских племен. Она отмечает, что подобные сосуды представляют дальнейшее развитие формы, выработанной еще в раннескифской лепной керамике [6]. С последним положением не согласна А. И. Мелюкова, утверждающая, что в раннескифской лепной керамике нет ни одного образца, который можно было бы считать прототипом «серебряных ваз» [7].

Очевидно, абсолютно аналогичной формы в керамике нет, но не следует начисто отрицать влияние керамических форм на появление типа двуручных чаш. Достаточно вспомнить распространенность двух ручек-упоров на гетской керамике IV в. до н. э. В. А. Ильинская обратила внимание на сосуд из кургана у с. Волковцы, который ниже края снабжен двумя плоскими горизонтальными ручками, указав при этом, что он «напоминает деревянные сосуды с выступающими ручками, форма которых известна по сохранившимся металлическим обкладкам, а также металлические сосуды аналогичной формы» [8]. На территории Фракии, как и в Средиземноморье, отсутствуют сколько-нибудь близкие параллели для двуручных чаш [9]. Несомненно, двуручные чаши — образец сосудов, имеющих местное, северопричерноморское происхождение. Как никакой другой тип культовых скифских сосудов двуручные чаши представлены разнообразием деревянных, металлических экземпляров и разными вариантами, соединяющими в сосуде дерево и металл.

Рассматриваемая коллекция двуручных чаш включает два изготовленных из дерева экземпляра: широко известный сосуд из Мордвиновского кургана и сосуд из кургана у с. Булгаково [10] (рис. 1, *1, 2*). Оба очень близки по форме и размерам, но сосуд из Булгаково снабжен крышкой, на внутренней части которой вырезан круг, охватывающий венчик сосуда. Крышка с одной

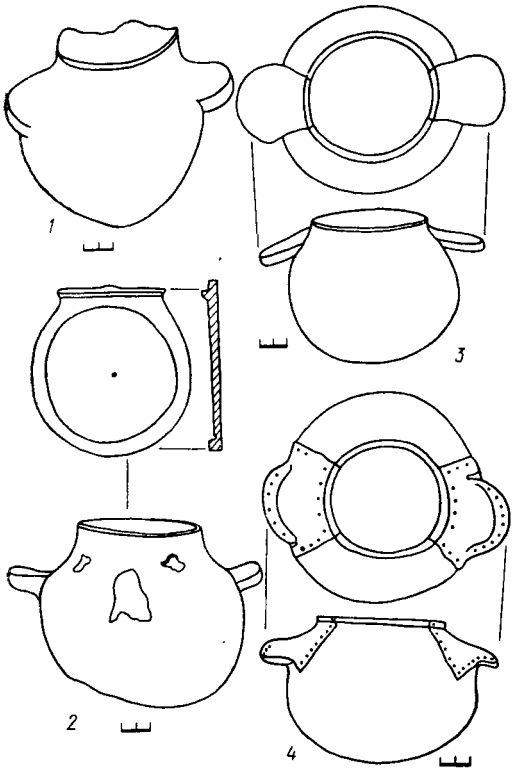


Рис. 1. Деревянные двуручные чаши:
1 — Мордвиновский курган; *2* — курган у с. Булгаково; *3—4* — Частые курганы.

стороны имеет прямой бортик, благодаря которому по типу шарнирного соединения она прикреплялась к венчику сосуда. Корпус булгаковского сосуда выдолблен из целого куска дерева, возможно, из какого-то естественного нароста на стволе, так как в нижней части симметрия нарушена и видны следы естественной деформации дерева. Этот сосуд может быть примером того, как умело скифские мастера использовали для своих изделий особенности дерева применительно к форме. Ручки булгаковского сосуда представляют полукружья с ровными верхними и нижними плоскостями. Они как бы прикреплены к корпусу сосуда и расположены не горизонтально, а несколько приподняты краями кверху. Ручки же мордвиновского сосуда горизонтальны, от края ручки к венчику идет непрерывная плавно изогнутая линия, создающая впечатление целостности формы — ручки как бы вырастают из корпуса и составляют неотъемлемую его часть. Оба сосуда — оригинальные, самобытные образцы, демонстрирующие высокое мастерство обработки дерева, умение мастеров объединить форму и детали в единое целое. Находки этих сосудов могут быть свидетельством того, что подобные им не были редки среди бытовавших у скифов культовых сосудов. Отсутствие иных деревянных экземпляров в погребениях объясняется прежде всего плохой сохранностью дерева, а также значительной долей погребений, разрушенных грабителями.

Действительно, широкое использование дерева для изготовления двуручных чаш подтверждается находками металлических (золотых и серебряных) деталей, служивших украшением ручек и венчиков. Именно эти металлические обивки, некогда украшавшие двуручные деревянные чаши, и позволяют их реконструировать. Так в кургане № 2 группы Частых найдены две пары обивок ручек [11]. Серебряные обивки украшали ручки сосуда с округлым корпусом диаметром 8 см. Цельные обивки огибали ручки сосуда, находившиеся под венчиком и сам венчик (толщиной 0,5 см), заходя вовнутрь. Крутой изгиб металла у края венчика указывает на округлость формы сосуда и горизонтальное расположение ручек, возможно, лишь слегка наклоненных краями книзу. К деревянной основе — сосуду — они крепились гвоздиками. Таким образом, сосуд имел форму, схожую с формой мордвиновского, с той лишь разницей, что там ручки расположены в верхней части корпуса сосуда, а в данном случае они находились под венчиком [12] (рис. 1, *3*).

Вторая пара обивок из золота была принадлежностью такого же сосуда, как и предыдущий (диаметр 7,5 см), но форма обивок несколько иная. Они изготовлены из цельного золотого листка так, что огибали не только венчик сосуда и деревянную ручку, но и по краям ручек — от венчика в стороны — подтреугольными выступами переходили на корпус сосуда. Эта дополнительная деталь позволяет реконструировать сосуд с большей достоверностью. Ручки располагались горизонтально. По внешнему изгибу золотой пластины, крепив-

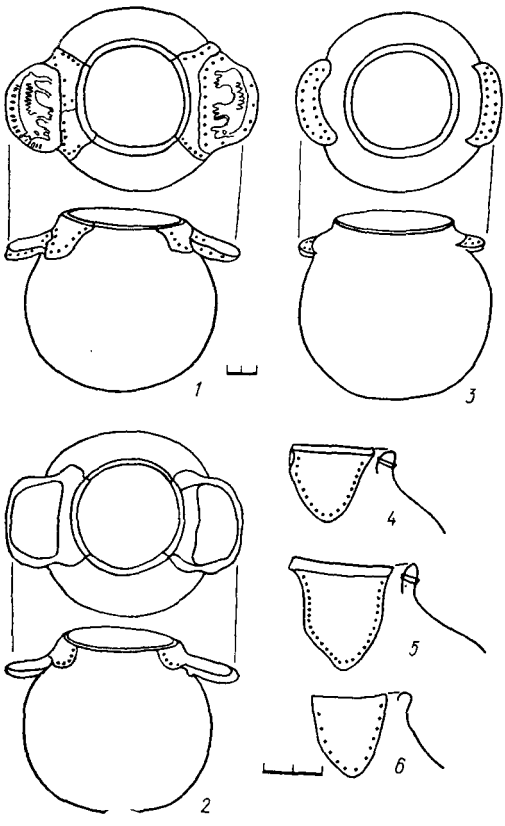


Рис. 2. Деревянные двуручные чаши с обивками:

1 — Частые курганы; *2*, *3* — Александрополь; *4*, *5* — Мастюгинские курганы; *6* — Большая Знаменка.

шейся золотыми гвоздиками можно судить о довольно значительной толщине деревянных ручек (рис. 1, *4*).

О сосуде из Частого кургана № 1 С. Н. Замятнин пишет: «Форма восстанавливается. Венчик слегка отогнут наружу. Диаметр горла 7,5 см, высота венчика 1,8 см, плечики слабо намечены и переходят в сильно выпуклые бока. Ручки расположены горизонтально. Вероятно, круглодонный». Рисунок — реконструкция этого сосуда — по описанию С. Н. Замятнина (рис. 2, *1*). Интересны в данном случае обивки ручек, состоящие из двух листков золота — гладкого, охватывающего венчик и часть горла сосуда, и другого, покрывающего ручку. Обе обивки прикреплялись золотыми гвоздиками. На обивке, покрывавшей ручку,— изображение медведя, которое, как отмечает С. Н. Замятнин, «вытеснено по рисунку, вырезанному на дереве». Этот факт указывает на применение резьбы по дереву как основы для изготовления золотых рельефных вещей. В данном случае допустимо предположение, что сосуд из дерева и украшавшие его обивки изготовлены одним мастером.

Общеизвестно, что дерево широко применялось в скифском искусстве и лишь плохая сохранность его лишает нас возможности проследить многообразие, оригинальность и выразительность искусства резьбы по дереву. Показательны в этом отношении великолепные изделия из дерева, сохранившиеся в алтайских курганах. Именно своеобразие деревянной пластики передано на множестве костяных, бронзовых изделий, а также на золотых пластинах. В интересующем нас случае очевидно применение дерева как матрицы, с помощью которой изображение переносилось на металл. Вероятно, изготовитель резных рельефных деревянных матриц в совершенстве владел и техникой выдавливания рельефов в металле или обжимки металлом рельефных изображений, выполненных в дереве. Своеобразие же творческого оформления чаши из к.1 в сопоставлении с чашами из второго кургана позволяет предполагать изготовление их разными мастерами.

И географически, и по времени (начало III в. до н. э.) отдалены от рассмотренных чаши этого же типа из кургана Александрополь. А. П. Манцевич определила находку сегментовидных ручек из этого кургана как принадлежность трех сосудов «типа мордвиновского» [13]. Ею дана реконструкция одного из них, выполненная по сохранившимся золотым обивкам ручек (рис. 2, *2*). Этот сосуд имел горизонтальные ручки, обивки которых огибали не только саму ручку, но и венчик сосуда, под которыми они располагались. Края ручек небольшими выступами переходили на корпус сосуда, их изгиб позволил восстановить его шаровидную форму. Ручки другого, схожего с этим сосуда, были обиты пластинами с рельефным узором. Они закрывали не всю ручку, а только ее верхнюю часть и немного поднимались к борту. У одной обивки по верхнему краю имеется

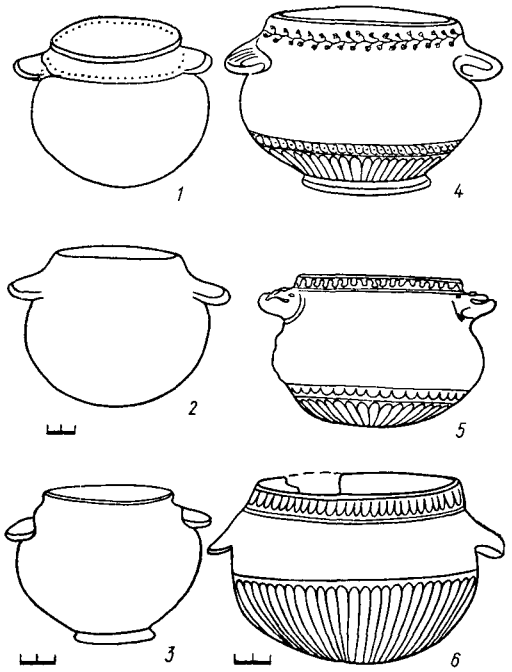


Рис. 3. Металлические двуручные чаши (общая схема):
1 — Бердянский курган; *2—4* — Солоха; *5* — Гайманова Могила; *6* — Чмырев курган.

шесть выпуклых полушарий, имитирующих шляпки гвоздей, а по нижнему краю — ряд выпуклых точек и мелкие отверстия для крепления гвоздиками к деревянной основе. Сосуд реконструируется схематично (рис. 2, *3*). Третьему сосуду из Александрополя принадлежала обивка ручки с рельефным изображением фигуры хищника [14]. Обивка прикреплялась гвоздиками с большими полусферическими шляпками. По-видимому, ручки чаши, украшенные этими обивками, были изготовлены в той же технике, что и ручки чаши из второго Частого кургана.

Все рассмотренные двуручные чаши из Частых курганов и Александрополя объединяет наличие золотых и серебряных обивок, украшавших ручки, а также огибавших часть венчиков. При этом следует отметить, что форма ручек неизменна, а при их декорировании использованы различные варианты форм золотых и серебряных пластин. Возможно, это свидетельство творческого почерка разных мастеров, что, в свою очередь, предполагает изготовление каждым из них не одного, а нескольких сосудов такого типа. В связи с этим есть основания полагать, что двуручные чаши не были редки в скифской среде.

Оригинален сосуд из Бердянского кургана (рис. 3, *1*) [15]. По форме он схож с приведенными выше, но украшение его состоит из трех деталей: обода, выполненного из золотой ленты, охватывающего весь венчик сосуда и слегка загнутого внутрь (вдоль верхнего и нижнего краев — отверстия для гвоздей); пары золотых полукруглых пластин, обтягивавших деревянные горизонтальные ручки сосуда, помещавшиеся под венчиком [16]. В кургане № 33 у с. Бобрица найден золотой обод, по мнению В. Г. Петренко, украшавший венчик деревянного сосуда [17]. Возможно, сосуд из Бобрицы был того же типа, что и бердянский, однако обивки ручек в этом случае отсутствуют — они могли быть деревянными, как в мордвиновском сосуде. Не исключено также, что наряду с двуручными деревянными чашами бытовали сосуды аналогичной либо близкой формы, но без ручек или с одной ручкой. Так, в Гаймановой Могиле была найдена золотая обивка ручки — полукруглая, с загнутым краем и гвоздиками с полусферическими шляпками. В одном из курганов Херсонщины, исследованном А. М. Лесковым, была найдена серебряная чаша с золотой ручкой полукруглой формы. В Бердянском кургане один из деревянных сосудов, выполненный в форме ковшика, украшен головкой птицы, обтянут золотой пластиной, имел ручку полукруглой формы с рельефными продольными полосами.

Интересно отметить, что полусферическую форму имели сосуды из второго Мастюгинского кургана и из кургана у Большой Знаменки [18]. От этих сосудов сохранились золотые полуовальные пластинки, изогнутые по профилю борта (рис. 2, 4—6). Верхний край их огибал венчик сосуда. Две мастюгинские пластины, кроме отверстий для крепления к деревянной основе, были орнаментированы по краю рельефными точками.

Обивка из Большой Знаменки имеет частые отверстия по краю для гвоздей, которыми она крепилась к сосуду. Изо-

гнутость этих обивок свидетельствует об округлой форме сосудов, по-видимому, аналогичных двуручным чашам, но были ли ручки у этих сосудов, неизвестно. Еще в памятниках срубной культуры встречаются деревянные сосуды полусферической формы [19]. Среди металлических сосудов близкими по форме представляются серебряные чашикубки из курганов Карагодеуашх и Пески [20]. Вероятно также, что из множества золотых обивок с изображениями в скифском зверином стиле или гладких некоторые были принадлежностью сосудов с полусферическим корпусом.

Таким образом, форма корпуса двуручных чаш связана, видимо, с деревянными сосудами предскифского времени. Однако, поскольку прямых прототипов двуручным чашам нет в изделиях из дерева, керамики и металла предшествующего времени, они представляются вполне самостоятельной и оригинальной группой культовых сосудов. Появились они на основе выработки сосудов из дерева, так как в этом материале изготовление «ручной» формы сосуда и ручек не представляет особой сложности. Украшение двуручных чаш золотыми пластинами — один из вариантов характерного приема, широко использовавшегося в украшении деревянных чаш. Эта традиция уходит корнями в предскифское время, а в V—IV вв. до н. э. получила широкое распространение в памятниках Северного Причерноморья [21].

Поскольку двуручные чаши известны лишь с конца V в. до н. э. и время их бытования совпадает с распространением у скифов греческих сосудов небольших размеров и имеющих пару ручек, не исключено, что ручки деревянных чаш были своего рода имитацией ручек киликов и канфаров, но более простой формы. Воспринятыми могли оказаться лишь симметричное горизонтальное расположение и форма, приближающаяся к полукругу. Иногда эти ручки исследователи называют ручками-упорами, но очевидно, что такой функциональной нагрузки они не несли. Если учесть, что все двуручные чаши небольших размеров и могли свободно удерживаться в одной руке, то на первый план выступает чисто декоративная функция ручек и украшение их золотыми пластинами лишь подчеркивает это.

В прямой связи с описанными следует рассматривать и металлические двуручные чаши из скифских памятников. Вне сомнения, прототипами для них послужили образцы, изготовленные из дерева.

Два серебряных сосуда из Солохи имеют схожий облик: оба гладкие, корпусы шаровидные, в верхней части почти под венчиком припаяны по паре ручек в горизонтальном положении с небольшим наклоном к низу. Отличительными деталями одного из сосудов являются едва отогнутый наружу венчик и кольцевой поддон (рис. 3, *2, 3*).

Примером художественного совершенства назвал Н. И. Веселовский двуручную чашу из Солохи, на которой представлена сцена охоты конных скифов с собаками на львов [22] (рис. 3, *4*). Им же дано детальное описание сцены рельефа, при этом отмечено, что украшение на месте седел коней и псалий при уздечках такие же, как и при лошадях в погребении царя, а облик одного из всадников дает представление о способе держания лука и натягивания тетивы при стрельбе. Эти детали свидетельствуют о четкости рельефа, а для выразительности его применена позолота. Ею покрыты все изображения скифов, лошадей, собак, гирлянда из плюща, расположенная по верхнему краю чаши, а также плетеный ободок с кружочками, который помещен между фризом и придонной частью чаши, украшенной каннелюрами. Позолотой покрыты также и бараньи головки, симметрично помещенные на ручках чаши так, что рога повернуты к середине. Между ними в верхней части изображен трехлепестковый цветок, а в нижней (в том месте, где ручка припаяна к сосуду) — сквозное отверстие. По мнению Н. И. Веселовского, отверстия служили для подвешивания чаши. Это не единственный случай, когда на ручках имеются отверстия (Гайманова Могила), но трудно предположить для подвешивания к чему они служили, тем более что на округлом дне чаши Солохи есть невысокий кольцевой поддон, обеспечивающий ее устойчивость.

Очень близка по технике и мастерству исполнения солохской двуручная чаша из Гайматовой Могилы [23] (рис. 3, *5*). На широком фризе этой чаши представлена композиция из шести фигур скифов. Рельеф высокий, четко изображены детали убранства, оружия, а для большей выразительности лица, руки и костюм скифов позолочены. Сверху и внизу фриз обрамлен орнаментом, на округлом дне — многолепестковая розетка. Эта чаша декорирована в стиле, имеющем много общего с кубками из Воронежского и Куль-Обского курганов.

Из десяти серебряных сосудов тайника Чмырева кургана наиболее оригинальна двуручная чаша с нешироким фризом, помещенным в верхней половине. На нем изображены водоплавающие птицы, ныряющие за рыбой (рис. 3, *6*). Рельеф позолочен. Под венчиком чаши — узкий поясок с орнаментом из ов. Нижняя половина корпуса украшена вертикальными лепестками, а на дне помещена крупная розетка. На сегментовидных ручках, прикрепленных к сосуду наклонно, краями вниз, изображены растительные побеги, цветы лотоса и розетки. По сюжету, представленному на фризе, и деталям декора эта чаша близка серебряным кубкам из курганов Куль-Оба и Патиниоти. Сцены, представленные на этих сосудах, наиболее тщательно проанализированы Д. С. Раевским [24], однако единое мнение исследователей в их толковании пока не достигнуто.

Касаясь лишь сходства в орнаментике сосудов, можно отметить, что серебряные двуручные чаши и круглотелые кубки имеют много общих черт. Н. Л. Грач, исследуя круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба, отметила наличие своеобразной розетки на дне сосудов, декорированных фризом с утками. Такая же розетка имеется и на дне двуручной чаши из Солохи, на кубке с изображением скифов из Куль-Обы [25]. Это наблюдение позволило Н. Л. Грач предположить, что все упомянутые сосуды изготовлены в одной мастерской. Это вероятно, но, на наш взгляд, при определении единой мастерской недостаточно учитывать лишь декоративные элементы, сближающие группу вещей. Выявить центры производства тех или иных произведений торевтики позволит лишь комплексный подход в исследовании, включающий методы естественных наук, и в первую очередь определение составных элементов использовавшегося металла.

Исходя из этого, считаем, что вопрос о центре производства серебряных двуручных чаш пока не может быть решен. Более уверенно можно говорить о происхождении двуручных чаш. Как отмечено выше, у многих исследователей не вызывает сомнения местное, северопричерноморское происхождение сосудов этого типа. Они появились в конце V — начале IV в. до н. э. и бытовали не многим более ста лет. На территории Скифии до появления двуручных чаш на протяжении V в. до н. э. широко распространенными культовыми сосудами были деревянные чаши типа фиал, украшенные золотыми обивками [26]. Форма их в этот период почти неизменна, различны только размеры и декоративное оформление. Именно к началу IV в. до н. э., т. е. ко времени появления двуручных чаш, чаши с обивками встречаются в погребениях реже, вместе с этим в их ряду уже появляются оригинальные образцы в форме ковшей или чаш с одной ручкой. Возможно, существовали сосуды и других форм, но обивки, дошедшие до нас, не всегда позволяют достоверно восстановить их облик. Вот в этом-то разнообразии и возникли, вероятно, двуручные чаши, а у истоков их оригинальной формы были художественные склонности местных мастеров. Они создали новый тип сосуда, занявшего место в ряду традиционно культовых,— чаш, кубков, ритонов. Это прослеживается и при анализе погребений, в которых найдены двуручные чаши.

Так, в Солохе двуручные чаши находились вместе с круглотелыми кубками, серебряным сосудом типа кружки и деревянной чашей с золотыми обивками. В тайнике Чмырева кургана — вместе с фиалами, кубками, киликом и сосудом — кружкой. Тайник Гайматовой Могилы, кроме двуручной чаши, скрывал два серебряных кубка, два ритона, килик и две деревянные чаши с золотыми обивками. Единственными в

погребениях оказались оба деревянных сосуда рассматриваемой коллекции — мордвиновский и булгаковский. Если деревянные чаши с обивками, фиалы, круглотелые серебряные кубки в подавляющем большинстве найдены в погребениях мужчин-воинов, то двуручные чаши в равной степени присутствуют в мужских и в женских погребениях. По-видимому, это не случайно, ведь роль каждого типа сосудов в религиозных культах могла быть специфической [27].

Именно IV в. до н. э. отмечен наличием в скифских погребениях большого количества сосудов, в том числе и античных импортных (киликов, чаш, фиал и др.), тогда как деревянные чаши с обивками все более редки, крайне редки находки ритонов. В группах культовых сосудов отчетливо прослеживается угасание роли одних и появление и распространение других (двуручные чаши, круглотелые серебряные кубки). Можно предположить, что это отражает и смену в характере религиозных ритуалов, атрибутами которых являлись сосуды. В период бытования двуручных чаш очевиден синкретический характер в ритуалах скифов северопричерноморских степей. К концу IV в. до н. э. практически исчезают в погребениях и круглотелые серебряные кубки, двуручные чаши, что, по-видимому, является отражением изменений, происшедших в религиозных культах скифов.

[1] *Веселовский Н. И.* Серебро скифского царя из кургана Солоха // Старые годы.— 1914.— С. 29.

[2] *Манцевич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ.— 1966.— № 8.— С. 23.

[3] *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ.— 1970.— ВД—1—27.— С. 36.

[4] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен.— М., 1977.— С. 36.

[5] *Рябова В. А.* Металлические кубки из скифских курганов // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья.— Киев, 1986.

[6] *Онайко Н. А.* Античный импорт...— С. 36.

[7] *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир.— М., 1979.— С. 194.

[8] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья.— Киев, 1968.— С. 169.— Табл. 62, 22.

[9] *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир.— С. 195.

[10] *Шапошникова О. Г.* Отчет Ингульской экспедиции за 1974 год // НА ИА АН УССР.— № 197.

[11] *Замятнин С. Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА.— 1946.— Т. 8.— С. 9—51.

[12] *Реконструкция* автора.

[13] *Манцевич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи.— С. 28.

[14] Там же.— Рис. 3, 11.

[15] *Чередниченко Н. Н.* Отчет о раскопках Бердянского кургана // НА ИА АН УССР.— 1980.

[16] *Сосуд* реконструирован Чередниченко Н. Н.

[17] *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ.— 1967.— Вып. Д1—4.— С. 26.

[18] *Манцевич А. П.* Мастюгинские курганы // АСГЭ.— 1973.— Вып. 15.— С. 31.

[19] *Ковалева И. Ф.* Отчет за 1973 г. // НА ИА АН УССР; *Чернявская Н. В.* Погребение культуры многоваликовой керамики в Днепропетровском Левобережье // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.— Днепропетровск, 1979.— Вып. 3.— С. 91.— Рис. 2, 8.

[20] *МАР.*— 1894.— № 13.— С. 44.— Рис. 10. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э.— Киев, 1984.— С. 158.

[21] *Рябова В. О.* Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія.— 1984.— № 46.— С. 31—44.

[22] *Веселовский Н. И.* Указ. соч.— С. 28—31.

[23] *Бідзіля В. І.* Дослідження Гайманової Могили // Археологія.— 1971.— С. 35.

[24] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен.— С. 30.

[25] *Грач Н. Л.* Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба // Тр. ГЭ.— 1984.— Т. 24.— С. 102.

[26] *Рябова В. О.* Дерев'яні чаші...— С. 31—44.

[27] *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов.— Киев, 1983.— С. 103—105.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРЕНОЖКИН А. И. СКИФСКИЙ ВОПРОС . . . 3

КЛОЧКО В. И., МУРЗИН В. Ю. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕСТНЫХ И ПРИВНЕСЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ 12

ЧЕРНЕНКО Е. В. ПАРАДНЫЙ ТОПОР ИЗ КЕЛЕРМЕССА 19

СКРЖИНСКАЯ М. В. ДРЕВНЕЙШЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЗНАКОМСТВЕ ГРЕКОВ С МИФОЛОГИЕЙ СКИФОВ 30

БЕССОНОВА С. С., СКОРЫЙ С. А. НОВОЕ ГОРОДИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА КИЕВЩИНЕ 33

БОЛТРИК Ю. В., ФИАЛКО Е. Е. К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ГАВАНИ КРЕМНЫ 40

ОЛЬГОВСКИЙ С. Я. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА 48

МАХОРТЫХ С. В. НОВЫЕ ДАННЫЕ О СКИФО-КАВКАЗСКИХ КОНТАКТАХ . . 53

МОЗОЛЕВСКИЙ Б. Н. МАЛЫЙ ЧЕРТОМЛЫК 63

БИТКОВСКИЙ О. В., ПОЛИН С. В. СКИФСКИЙ КУРГАН У с. БОГДАНОВКА НА ХЕРСОНЩИНЕ (К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ V—IV ВВ. ДО Н. Э. 74

ЕВДОКИМОВ Г. Л., ФРИДМАН М. И. СКИФСКИЕ КУРГАНЫ У с. ПЕРВОМАЕВКА НА ХЕРСОНЩИНЕ 85

ГАВРИЛЮК Н. А. ПРЯДЕНИЕ У СТЕПНЫХ СКИФОВ 116

ФИАЛКО Е. Е. КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУРГАНА ОГУЗ 130

СИМОНЕНКО А. В. О СЕМАНТИКЕ СРЕДНЕГО ФРИЗА ЧЕРТОМЛЫЦКОЙ АМФОРЫ 140

РЯБОВА В. А. ДВУРУЧНЫЕ ЧАШИ ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ 144

СКИФЫ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сборник научных трудов

Утвержден к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Редактор
М. Д. СЕМЕНЧУК

Художественный редактор
И. М. ГАЛУШКА

Технический редактор
В. А. КРАСНОВА

Корректоры
С. А. ДОЦЕНКО,
Л. Н. ТВОРКОВСКАЯ,
П. С. БОРОДЯНСКАЯ

ИБ № 8406

Сдано в набор 10. 11. 86. Подп. в печ. 11. 02. 87. БФ 27020. Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1. Обыкн. нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 12,35. Усл. кр.-отт. 12,84. Уч.-изд. л. 14,61. Тираж 1270 экз. Зак. 2992. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057 Киев, ул. Довженко, 3 в областной книжной типографии 290000 Львов, Стефаника, 11.